https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2 ISSN 2587-9286 (Print)
ISSN 2619-1636 (Online)

Историческая этнология. 2022. Том 7, № 2

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-69646
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 3 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

Historical Ethnology. 2022, vol. 7, no. 2

Academic Journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences»
(420111, Kazan, Baturin St., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ПИ № ФС 77-69646
received from Roskomnadzor on May 2, 2017

Published three times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin St., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

https://historicalethnology.org
E-mail: his.ethnology@gmail.com

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2022
© «Историческая этнология», 2022

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна – доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный редактор по специальной теме номера: Ханипова Ильнара Ильдусовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Давлет Лилия Шамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Бисенова Алима – Ph.D., ассистент-профессор кафедры социологии и антропологии Школы естественных, социальных и гуманитарных наук, Назарбаев университет (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Бустанов Альфрид Кашафович – Ph.D., ассистент-профессор гуманитарного факультета, Амстердамский университет (Амстердам, Нидерланды)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук (РАН), директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннеси, США)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНЦ), Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Титмайер Элизабет – профессор, директор Музея Европейских Культур (Берлин, Германия)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – доктор наук, профессор, Институт исламоведческих, теологических исследований, Университет Вены (Вена, Австрия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor, Head of the Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Managing Editor for Special topic of the issue: Ilnara I. Khanipova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Lilia Sh. Davlet (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Alima Bissenova – Ph.D., Assistant Professor at the Department of Sociology and Anthropology, School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Alfrid K. Bustanov – Ph.D., Assistant Professor, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Liliya R. Gabdrafikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department "World History, Historiography and Source Studies", Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elisabeth Tietmeyer – Professor, Director of the Museum of European Cultures (Berlin, Germany)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Vice-President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Professor, Institute of Islamic and Theological Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State Socio-Pedagogical University (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Специальная тема номера: Проблемы продовольственного обеспечения в региональном измерении
(отв. ред. *И.И. Ханипова*)

Ханипова И.И. Введение 192
Циденков Г.Г. Общий обзор гуманитарной помощи Германского Красного Креста голодающим Советской России и Украины в 1921–1923 гг. 198
Давыдов Д.В., Козлова О.В. Практики поведения «новой женщины» в условиях массового голода начала 1920-х годов 213
Ерохина О.В. Голод в Поволжье 1920-х годов глазами немецких колонистов 221
Новинская Т.Ю. Продовольственное снабжение населения в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы 228
Ханипова И.И., Кривоножкина Е.Г. Обеспечение населения Татарской АССР продовольствием накануне и в годы Великой Отечественной войны 240

Этнография тюркского мира

Суслова С.В., Донина Л.Н. О двух центральноазиатских подвесках из фондов Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук: опыт этнолого-технологической экспертизы 254
Квилинкова Е.Н. Оберег *муска* у гагаузов в контексте религиозной идентичности и этнокультурных параллелей 274
Атдаев С.Дж. Традиционные детские игрушки у туркмен 294

Идентичность в теории и прикладных исследованиях

Макарова Г.И. Образ Татарстана в культурной политике и стратегиях регионального развития (2013–2019 гг.) 307

Национальное образование

Хуснутдинов Т.Р. Татарский язык в школах с этнокультурным (марийским, мордовским, удмуртским, чувашским) компонентом в Республике Татарстан 329

Хроника научной жизни

Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. Новые рубежи исследований этносоциальных процессов в российских регионах 335

CONTENTS

PUBLICATIONS

Special topic of the issue: Food Supply Problems in Regions
(Managing editor *I.I. Khanipova*)

Khanipova I.I. Introduction 192
Tsidenkov G.G. General overview of humanitarian aid of the German Red Cross to the starving population of Soviet Russia and Ukraine in 1921–1923 198
Davydov D.V., Kozlova O.V. Behavior practices of a "new woman" in the conditions of mass famine in early 1920s 213
Erokhina O.V. Famine in the Volga region of the 1920s through the eyes of German colonists 221
Novinskaya T.Yu. Food supply of the population during the Great Patriotic War and in the first post-war years 228
Khanipova I.I., Krivonozhkina E.G. Providing the population of the Tatar ASSR with food on the eve and during the Great Patriotic war 240

Ethnography of the Turkish world

Suslova S.V., Donina L.N. About two Central Asian pendants from the collections of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences: experience of ethnological and technological expertise 254
Kvilinkova E.N. Charm *muska* at the Gagauz in the context of religious identity and ethnocultural parallels 274
Atdaev S.J. Traditional children's toys at the Turkmens 294

Identity in Theory and Applied Research

Makarova G.I. The image of Tatarstan in cultural policy and regional development strategies (2013–2019) 307

National education

Khusnutdinov T.R. Tatar language in schools with an ethnocultural (Mari, Mordovian, Udmurt, Chuvash) component in the Republic of Tatarstan 329

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I. New frontiers of research of ethno-social processes in the Russian regions 335

ПУБЛИКАЦИИ

Специальная тема номера:
Проблемы продовольственного обеспечения в региональном измерении

УДК 930

ВВЕДЕНИЕ

И.И. Ханипова

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanipova@mail.ru

Тематическая подборка «Проблемы продовольственного обеспечения в региональном измерении» приурочена к 100-летию трагических событий в истории советского государства – массового голода в Поволжье и Приуралье, охватившего в том числе территорию молодой Татарской республики.

Во время работы состоявшегося в Казани 19 октября 2021 г. Круглого стола ученые Казани, Самары, Пензы и Москвы обсудили особенности продовольственной политики, проблемы продовольственного снабжения в советский период на территории Поволжья и Приуралья.

В рубрику вошли некоторые статьи участников Круглого стола.

Ключевые слова: продовольственный вопрос, продовольственная политика, продовольственное обеспечение, Поволжье, Приуралье, Татарская АССР, голод.

Для цитирования: Ханипова И.И. Введение (к специальной теме номера: Проблемы продовольственного обеспечения в региональном измерении) // Историческая этнология. 2022. Т. 7, № 2. С. 192–197. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.192-197

С 16 октября 1979 г. мировое сообщество ежегодно отмечает Всемирный день продовольствия, провозглашенный Организацией Объединенных Наций с целью привлечения внимания к до сих пор остающейся актуальной в условиях глобального структурного кризиса со-

временной экономики, продовольственной проблеме в довольно обширных регионах Земли. На сегодняшний день проблема продовольственного обеспечения и продовольственной безопасности, вышедшая с национального уровня на всемирный, жизненно важна не только в плане количества (объема) приобретаемого продовольствия, но и качества (усваиваемых питательных веществ – нутриентов) (Белугин 2019).

19 октября 2021 г. в Казани в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялся Круглый стол «Продовольственная политика и продовольственный вопрос в Татарской АССР» (к 100-летию массового голода в Поволжье и Приуралье). Предварительно к обсуждению предлагался ряд вопросов, связанных с продовольственной политикой, продовольственным обеспечением и с проявлениями голода в истории регионов на протяжении последних ста лет, ставшие поводом для дискуссий за Круглым столом. В его работе приняли участие ученые из Казани, Самары, Пензы и Москвы.

Заседание открыл Р.В. Шайдуллин (д.и.н., профессор, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, Казань). Характеризуя проблемы продовольственной безопасности во второй пол. XIX – первой четверти XX вв., он остановился и на вопросе преодоления последствий неурожая в Казанской губернии. Много внимания докладчик уделил развитию подходов к определению понятия «продовольственная безопасность», историографическому обзору заявленной темы.

В.Т. Сакаев (к.и.н., научный сотрудник, НИУ ВШЭ, Москва) продолжил обсуждение обострения продовольственного вопроса на территории современного Татарстана с докладом «Вилочное восстание 1920 года в контексте продовольственной политики советского государства».

Несколько выступлений экспертов Круглого стола объединила проблема голода начала 1920-х годов. «Государственная продовольственная политика Татарской АССР в условиях голода 1921–1923 гг.» стала темой сообщения А.Ю. Федотовой (к.и.н., доцент, КФУ, Казань). Рассмотрев этапы формирования продовольственной политики в стране в первые годы советской власти, ученый пришел к выводу о том, что продовольственная политика ТАССР в период голода нач. 1920-х гг. фактически оставалась в планах и на бумаге, в действительности же «не имела ничего общего с голодной действительностью и реальными возможностями ТАССР снабжать собственное население продовольствием…».

Повышенный интерес у участников и дискутантов вызвало выступление Г.Г. Циденкова (к.соц.н., СГСПУ, Самара) «Общий обзор гуманитарной помощи Германского Красного Креста голодающим Советской

России в 1921–1923 гг.». Исследователь определил основные направления оказываемой помощи, территорию, где действовали миссии и представительства Германского Красного Крест, показал масштабность его гуманитарной деятельности на территории молодой России, развернувшейся несмотря на неблагоприятную экономическую обстановку в самой Германии.

Конкретизация поведенческих практик в условиях массового голода 1921–1923 гг., новации в мировоззрении «новой» – советской женщины, прозвучали в докладе «Практики поведения «новой женщины» в условиях массового голода», подготовленном Д.В. Давыдовым (д.и.н., профессор, КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева, Казань) и О.В. Козловой (к.и.н., доцент, КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева, Казань). Докладчики обратили внимание на последствия продвижения «новых женщин» по социальному лифту, сводившиеся к размыванию основ традиционного женского восприятия мира, основанного на принадлежности к семье и материнстве.

При исследовании особенностей продовольственной политики и проблем голода первых советских лет ученые обращаются к разнообразным источникам. О.В. Ерохина (д.и.н., профессор, МПГУ, Москва) построила доклад «Положение поволжских немцев в Советском Союзе в 1920-е гг. По материалам газеты «Die Welt-Post»» на анализе периодической печати. Иллюстрируя голод в Поволжье в 1920-е гг. глазами немецких колонистов выдержками из немецкоязычной газеты, издававшейся в Линкольне в США, исследователь выявила потребность в утолении информационного голода у этой части населения.

Выступление Л.В. Лебедевой (к.и.н., доцент, ПензГТУ, Пенза) «Питание крестьян в период нэпа (на примере Пензенской губернии)» раскрыло особенности питания крестьянского населения Пензенской губернии.

И.И. Ханипова (к.и.н., с.н.с. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань) привлекла внимание коллег к проблеме продовольственного обеспечения детских домов Татарской АССР – «Продовольственное обеспечение детских домов в 1920–1930-е гг.». Аккумулировав в своем выступлении архивные материалы, периодическую печать, эгодокументы, она показала динамику в обеспечении детдомовцев продуктами питания и общее материальное положение детских учреждений республики в первые советские десятилетия.

Дискуссию вызвало выступление Е.Г. Кривоножкиной (к.и.н., доцент, Институт психологии и образования КФУ, Казань) «Обеспечение населения Татарской АССР продовольствием в годы Великой Отечест-

венной войны», проанализировавшей не только государственные механизмы обеспечения, но и вынужденные стратегии населения для решения продовольственного вопроса, постоянное выкачивание из сел и деревень разных видов продовольствия в годы военного лихолетья.

По близкой тематике выступила Т.Ю. Новинская (к.и.н., доцент, ПензГТУ, Пенза) – «Продовольственное снабжение населения в годы войны и первые послевоенные годы. 1941–1947 гг. (на примере Пензенской области)». Рассматривая период военного и послевоенного времени, докладчик обратил внимание на управленческие решения в сфере продовольственного снабжения населения, принципы распределения продовольствия, выявила причины послевоенного голода.

Доклад «Голод и крестьянство в ТАССР в послевоенное десятилетие» А.Г. Галлямовой (д.и.н., в.н.с., Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань) был посвящен положению крестьянства Татарстана в период восстановления народного хозяйства после пережитой войны 1941–1945 гг. И хотя республика не входила в зону военных действий, колхозная деревня испытывала огромные перегрузки, являясь источником средств и трудовых резервов для восстановления освобожденных территорий. По мнению А.Г. Галлямовой, грабительское со стороны государства отношение к крестьянству в выполнении плановых показателей поставок сельхозпродукции, оставляло деревенских жителей на грани голода.

Завершило работу Круглого стола выступление Н.А. Федоровой (к.и.н., КФУ, Казань) «Проблемы голода с позиций современного молодого человека». Представив голод в статистическом измерении, Н.А. Федорова акцентировала внимание на его медицинских аспектах, на индивидуальном и нутрициионном уровне продовольственной проблемы, на последствиях недоедания, особенно в раннем детском возрасте. Докладчик резюмировал, что борьба с голодом, решение продовольственной проблемы на современном этапе является одной из глобальных проблем человечества, наряду с экологической или проблемой предотвращения войн.

В предложенную читателю рубрику включены некоторые статьи участников Круглого стола. Ее редакторы надеются, что представленные материалы будут способствовать устранению существующих «белых пятен» в истории Поволжья, связанных с темой голода и продовольственного обеспечения, комплексному осмыслению и определению сегодняшних болевых точек реализации продовольственной политики. Вовлечение же новых исследователей из регионов в круг авторов журнала

представит читателю актуализированную информацию по проблемам этнологической науки.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белугин А.Ю. Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понятие // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 122–143.

Сведения об авторе: Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующей отделом новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ihanipova@mail.ru

Поступила 6.06.2022 *Принята к публикации 8.08.2022*

SPECIAL TOPIC OF THE ISSUE:
FOOD SUPPLY PROBLEMS IN REGIONS

INTRODUCTION

I.I. Khanipova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru

The thematic compilation “Food Supply Problems in Regions” timed to coincide with the 100th anniversary of the tragic events in the history of the Soviet state – the mass famine in the Volga and Ural regions, which engulfed the territory of the young Tatar Republic.

At the roundtable discussion held in Kazan on October 19, 2021, researchers from Kazan, Samara, Penza and Moscow discussed the features of food policy and the problems of food supply in the Soviet period in the Volga and Ural regions.

The rubric includes some articles of the roundtable discussion participants.

Keywords: food issue, food policy, food supply, Volga region, Ural region, Tatar ASSR, famine.

For citation: Khanipova I.I. Vvedenie (k spetsial'noy teme nomera: Problemy prodovol'stvennogo obespecheniya v regional'nom izmerenii) [Introduction (to the Special topic of the issue: Food Supply Problems in Regions)]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 192–197. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.192-197 (In Russian)

REFERENCES

Belugin A.Yu. Evolyutsiya ponyatiya «prodovol'stvennaya bezopasnost'»: istoriya, etapy, sovremennoe ponyatie [The Evolution of "Food Security" Concept: History, Stages, Modern Concept]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal*. 2019, vol. 11, issue 2, pp. 122–143. (In Russian)

About the author: Ilnara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, Acting Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ihanipova@mail.ru

Received June 6, 2022 *Accepted for publication August 8, 2022*

УДК 94(430)

ОБЩИЙ ОБЗОР ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ ГЕРМАНСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА ГОЛОДАЮЩИМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И УКРАИНЫ В 1921–1923 гг.

Г.Г. Циденков

Самарский государственный
социально-педагогический университет
Самара, Российская Федерация
gcidenkov@yandex.ru

В статье, на основе документов российских государственных и региональных архивов, а также современных научных публикаций, освещаются и обобщаются основные аспекты деятельности Германского Красного Креста на территории Советской России и Украинской ССР во время голода 1921–1923 годов. Германский Красный Крест был одной из организаций-участников Нансеновского Международного комитета помощи голодающим России и Украины и действовал от его имени самостоятельно, отправив собственную экспедицию в пострадавшие от голода и эпидемий местности. Несмотря на весьма неблагоприятную экономическую обстановку в самой Германии, гуманитарная деятельность Германского Красного Креста осуществлялась сразу по нескольким направлениям: непосредственная помощь голодающему населению продовольствием и одеждой; медицинская помощь; помощь советским органам здравоохранения в проведении прививочной кампании; дезинфекция заразных помещений; помощь советским ученым и учебным заведениям; доставка медицинского оборудования и развертывание научных лабораторий. Миссии и представительства Германского Красного Креста работали в Поволжье, восточной и южной Украине, Автономной республике Крым, городах Петрограде, Москве, Новороссийске и Минске. Деятельность работников Германского Красного Креста была отмечена похвалой на самом высоком уровне советского руководства. Об их энергии и самоотверженности свидетельствуют как результаты работы, так и перенесенные вместе с советскими гражданами страдания и человеческие потери.

Ключевые слова: голод 1921–1923 гг., Германский Красный Крест, гуманитарная помощь, эпидемии.

Для цитирования: Циденков Г.Г. Общий обзор гуманитарной помощи Германского Красного Креста голодающим Советской России и Украины в 1921–1923 гг. // Историческая этнология. 2022. Т. 7, № 2. С. 198–212. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.198-212

Голод 1921–1923 гг. охватил огромные пространства Советской России и Украины с общим населением порядка 50 миллионов человек, из которых на разных этапах бедствия голодало порядка 30 миллионов (Данилов: 246). Советское правительство, в силу последствий гражданской войны и экономической блокады, не располагало необходимыми ресурсами для помощи всем пострадавшим от засухи 1921 года и последовавшего голода. Неоднократные обращения в Лигу наций с просьбой о кредитах и послаблении блокады успеха не имели. В этой обстановке, по просьбе Ленина, Максим Горький и патриарх русской православной церкви Тихон написали воззвания к мировой общественности с призывом о помощи голодающим, которые были опубликованы в ведущих изданиях мировой прессы. На этот призыв откликнулся целый ряд международных гуманитарных организаций. В августе 1921 года, в Женеве, на международной конференции организаций Красного Креста и некоторых международных благотворительных организаций, был образован «Международный комитет помощи России», который возглавил верховный комиссар Лиги Наций по репатриации военнопленных Фритьоф Нансен. В образованный комитет, на правах полноправного участника, вошел Германский Красный Крест (далее – ГКК).

3 августа 1921 г. в Рейхстаге состоялось совещание по вопросу оказания помощи Советской России. На совещании присутствовали представители всех политических партий, ключевых министерств, профессора берлинских вузов и президиум ГКК. В ходе заседания был образован Комитет помощи голодающим России, в президиум которого вошли: президент ГКК Иоахим фон Винтерфельд, президент Управления здравоохранения Веймарской республики тайный советник Франц Бумм, президент торговой палаты фон Мендельсон, ректор Берлинского университета, нобелевский лауреат по химии Вальтер Нернст, представитель профсоюзов Штрейтер, банкиры Фридман и Вандершейд (ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 34. Л. 34). 4 августа 1921 г., по результатам совещания, популярная берлинская газета «Vossische Zeitung» опубликовала обращение фон Винтерфельда к германской общественности, в котором были сразу обозначены основные приоритеты будущей помощи Советской России: «Из положения о Красном Кресте и отношения его к Международному Красному Кресту вытекает оказание посильной помощи, несмотря ни на какие классовые, расовые, партийные, национальные различия, и поэтому Германский Красный крест берет на себя оказание помощи России. Предпринимаемое дело должно быть делом всего немецкого народа и может увенчаться успехом при поддержке всех слоев населения. Даже, наконец, из эгоистических соображений мы, немцы, должны принять участие в деле

помощи дабы удалить от наших границ грозную и страшную опасность – эпидемии» (Там же).

Главным уполномоченным Германского Красного Креста по руководству работы в России был назначен служащий министерства иностранных дел, известный в последствии дипломат и переводчик, Густав Хильгер[1], который считался «главным экспертом по России», т.к. родился и вырос в Москве, а во время Первой мировой войны и в первые годы Советской России занимался репатриацией германских военнопленных (Jörn Happel: 41–42). 9 августа 1921 г., еще до создания Нансеновского комитета, Хильгер выехал в Москву для координации работы всей экспедиции ГКК. Перед началом своей деятельности он согласовал основные условия работы: неприкосновенность личности служащих ГКК и непосредственное сношение с ГКК телеграфным и курьерским сообщением (ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 12. Л. 56). Вместе с ним прибыли заместители Хильгера Фридрих Шотте и Генрих Цейс, заместитель по медицинской части доктор наук, управляющий делами Иоган Блек и секретарь Карл Штекель (ГА РФ. Р-1058. Оп. 1. Д. 363. Л. 154). Тогда же Хильгер и его сотрудники пожертвовали в Центральную комиссию помощи голодающим при ВЦИК (далее – ЦК Помгол) 25 000 марок из личных средств на помощь голодающим (ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 39. Л. 66).

13 сентября 1921 г. в Петроград прибыли члены первой экспедиции ГКК, штат которой был сформирован в основном из работников института Коха в Берлине. Возглавлял экспедицию профессор Петер Мюленс, его заместителями были доктора Фишер и Хептнер (Федотова: 30). Личность профессора Мюленса была более чем удачным выбором для руководства экспедицией: всемирно известный ученый, сделавший себе имя в борьбе с эпидемиями в Палестине, Малой Азии и Болгарии. 17 октября из порта Штетина отплыл пароход «Тритон» с грузами экспедиции, и благополучно прибыл в Петроград через шесть дней пути (Dr. Volkmar Schön: 2016). Вместе с пароходом в Петроград прибыла командированная германской Армией Спасения для работы в составе миссии ГКК бывшая российская гражданка Августа Ветнек. Армия Спасения Германии на добровольных началах вошла в Комитет помощи голодающим России и все собранные ее активистами средства направляла в ГКК – в задачу Августы Ветнек входили координация и контроль за поступлениями этих средств (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 810. Л. 88).

За время ожидания был сформирован санитарно-питательный поезд из 24 вагонов, переданных советской стороной, но заново переде-

[1] В советских документах того времени – «Гильгер».

ланных сотрудниками экспедиции. После получения грузов в поезде были оборудованы лаборатория, аптека, операционная, прачечная, баня и кухня. Маршрут поезда пролегал через Москву в Казань, которая была выбрана основным местом работы экспедиции, как место наибольшего распространения эпидемий, в первую очередь сыпного и брюшного тифа (ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1, д. 8. Л. 42).

В Москве поезд ГКК простоял больше месяца. За это время профессором Мюленсом была открыта бактериологическая станция института Коха. Располагалась она в доме номер 37 по Гагаринскому переулку. Из Берлина было завезено оборудование, и приехали для работы и практики доктора и аспиранты института. Станция изготовляла вакцины и различные химико-терапевтические препараты, которые рассылала во все московские больницы, медицинские факультеты крупнейших городов страны, а также снабжала всем необходимым гигиенические и санитарные отряды ГКК в Казани, Саратове и Трудовой коммуне Области немцев Поволжья (далее – Немкоммуна). Кроме того, станция работала и как современная бактериологическая лаборатория. Вскоре она стала называться Центральная Бактериологическая Станция-Лаборатория Германского Красного Креста. Работа станции строилась в самом тесном контакте с Наркомздравом (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 496. Л. 21). При станции Комиссия по улучшению быта ученых открыла амбулаторию, где московские врачи проходили практику по заразным болезням под руководством персонала института Коха. Для московских клиник и университета служащие ГКК еженедельно выписывали 40 европейских научных медицинских изданий (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 315. Л. 190).

5 ноября 1921 г. поезд ГКК выехал в Казань. Перед отправкой его осмотрела делегация Российского общества Красного Креста (далее – РОКК) во главе с его председателем З.П. Соловьевым. Увиденное произвело на посетителей более чем благоприятное впечатление: «При самом беглом осмотре чувствуется талантливая организаторская рука и поражает необычайная дисциплина и внутренняя спаянность персонала. Приятно ласкает глаз умопомрачительная чистота и идеальный порядок, царствующий на поезде: все на месте, все предусмотрено. Тут и банный вагон с камерой дезинфекции, оборудованная по последнему слову техники лаборатория, и операционная, и химико-бактериологическая лаборатория, в которой могут даже проводиться научные исследования, тут и походные противоэпидемические лаборатории, тут и три автомобиля, чтобы отряд из 2–3 человек мог отправляться работать по деревням. Кроме того, поезд везет продовольствие и медикаменты. В течение 3 месяцев поезд способен кормить тысячу человек ежеднев-

но» (ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 12. Л. 31). 6 ноября 1921 г. поезд прибыл в столицу Татреспублики (там же).

По плану работы, сотрудники ГКК должны были в первую очередь открыть бактериологические и наладить выпуск вакцин для прививочной кампании. С этой целью был произведен осмотр больниц как в самой Казани, так и в кантонах. Так как в большинстве осмотренных медицинских учреждений отсутствовали самые необходимые инструменты и оборудование, то ГКК взял их на свое обеспечение. В результате советские лаборатории получили химикаты для опытов и необходимое оборудование. Инфекционные отделения больниц и госпиталей получили медикаменты, дезинфекционные средства и препарат «сальварсан» для приготовления дезинфицирующей краски. Вся медицинская деятельность ГКК осуществлялась в тесном сотрудничестве с Народным комиссариатом здравоохранения республики (далее – Наркомздрав) и местным отделением РОКК (Федотова 2010: 31). Так, Наркомздрав получил «три походные лаборатории с микроскопами, две походные кухни, одну паровую дезинфекционную камеру, несколько аппаратов для фильтрации воды «Беркефельд» и один большой передвижной аппарат для приготовления питьевой воды. В 1923 г. ему также были переданы две летучих холерных лаборатории с полным набором оборудования для них» (Там же).

Одной из выявленных проблем, влиявшей на распространение эпидемий, оказалось крайне неудовлетворительная работа казанского водопровода. В связи с этим ГКК доставил из Германии инженера-гидравлика, 100 новейших насосов и необходимое оборудование для восстановления городского водоснабжения (ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 12. Л. 7).

В помещении Детской больницы при казанском университете была открыта бактериологическая лаборатория, на базы которой было организовано производство вакцин. Также лаборатория проводила исследования для больниц Татреспублики и близлежащей Самарской губернии. Руководитель лаборатории доктор Гертнер лично объезжал больницы в кантонах, собирая образцы и пробы для исследований. В одной из поездок он заразился тифом и скончался на своем рабочем месте. В связи с его смертью произошла временная остановка работы лаборатории (Федотова 2010: 31). Следует отметить, что тифом переболели многие участники экспедиции ГКК и, в том числе Густав Хильгер, который заразился сыпным тифом в апреле 1922 года (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 234. Л. 103). Помимо лабораторий, ГКК открыл в Казани хирургическую лабораторию и стационар при ортопедическом отделении Клинического института. Операции производились по удалению желчных камней, аппендицита, грыжи и т.п. Лаборатория также отпускала в

больших количествах перевязочный материал, термометры, шприцы и медикаменты для хирургических отделений больниц Татреспублики (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 429. Л. 64).

Продовольственная помощь Татреспублике носила в основном разрозненный характер. Стабильное питание получали пациенты больниц, амбулаторий и стационаров. Паек ГКК содержал 1410 калорий. Всего, из завезенного в Казань миссий ГКК продовольствия, с апреля по август 1922 г., было отпущено 467 332 взрослых и 181 687 детских рационов (Федотова 2010: 32). Кроме того, экспедиция ГКК поделилась продовольствием с казанским отделением РОКК для врачебно-питательных отрядов и лабораторий. Эта помощь представляла собой 590 кг консервов из говядины, 197 кг консервов из баранины, 33 кг сала, 164 кг соли, 61,5 кг сушеных фруктов, 2 ящика лимонов, 16,4 кг консервированного мармелада, 410 кг манной крупы и 24 бутылки коньяка (Там же).

ГКК также принял участие в распределении среди жителей Татреспублики продовольствия, поступившего из Швеции. В декабре 1921 г. в Казань прибыл состав из 12 вагонов с грузом муки от «Объединения частных шведских торгово-промышленных предприятий для помощи голодающим России». Экспедиция ГКК предоставила свои автомобили и аппарат для доставки и распределения этого груза среди голодающих совместно со шведским уполномоченным Г.Э. Дрейером, при взаимодействии с властями Татреспублики. Мука была распределена среди населения Спасского и Тетюшского кантонов. Каждому из двух кантонов было послано по 2 500 пудов муки (41 000 кг, всего 82 000 кг). Однако голод в Татреспублике зимой 1921–1922 гг. принял катастрофические размеры, вследствие этого было решено для оказания немедленной помощи раздать муку сразу. Дети получили 75% выделенных продуктов, а взрослые – 25%. По данным ЦК Помгол при ТатЦИКе в течение 3 месяцев в Спасском и Тетюшском кантонах шведской мукой в общем питалось 28 000 человек (Федотова, Циденков: 93–99.)

Казанская экспедиция ГКК также доставляла гуманитарные грузы в южные волости Самарской губернии на границе с Саратовской губернией и, отдельно в Трудовую коммуну Области немцев Поволжья (далее – Немкоммуна). На территории Самарской губернии помощь ГКК осуществлялась преимущественно медикаментами для больниц Новоузенского и Пугачевского уездов. Питание получали 3 333 человека, в основном из персонала и пациентов медицинских учреждений. При этом губернские власти особо отмечали рациональность работы ГКК: так, на 1000 питаемых человек приходилось 0,6 персонала, и, соответственно, местные власти несли самые несущественные расходы

на содержание этой организации (ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области»: 330).

В Саратовскую губернию представители ГКК прибыли 17 января 1921 г. (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 990. Л.5). Однако наладить правильную и регулярную гуманитарную деятельность в Немкоммуне не получилось. Связано это было со следующими обстоятельствами.

1) В Немкоммуне уже работали миссия Американской администрации помощи (АРА), от комитета Нансена – отделение Международного союза помощи детям (МСПД) (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 553. Л. 97) и ряд других благотворительных организаций (в том числе и «Германский союз помощи немцам Поволжья»), которые крайне неодобрительно относились к появлению новых организаций в районах их деятельности. Кроме того, туда же регулярно поступали грузы ЦК Помгол и Наркомпроса. Из-за недостатка собственных запасов казанская экспедиция ГКК не могла осуществлять регулярные продовольственные поставки, чтобы взять на постоянное обеспечение кухни столовые или детские дома в Немкоммуне, а уполномоченный представительства правительства РСФСР при заграничных организациях помощи голодающим по Саратовской губернии, Уральской области и Немкоммуне (далее – полпред) Сергей Александрович Бирман совершенно обоснованно не желал нарушать с трудом выстроенную регулярную совместную работы иностранных и советских организаций помощи.

2) Бирману совершенно не нравился уполномоченный ГКК по работе в Немкоммуне – г-н Лореш, имевший до революции поместье на территории Немкоммуны в Ровенском уезде (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 259. Л. 134–135), а именно его метод работы. Лореш, не располагая пополняемыми запасами продовольствия, скупал зерно у местных зажиточных крестьян и кулаков, после чего распределял его среди различных адресатов по своему усмотрению. Такой подход прямо нарушал главный принцип работы всех иностранных и советских организаций помощи, который заключался в равном питании голодающего населения без различия национальности, вероисповедания, групп, сословий и классов. Кроме того, выступая своеобразным контрагентом частных продавцов продовольствия, Лореш нарушал и советские законы. В связи с этим Бирман постоянно пресекал его деятельность (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 614. Л. 120).

Тем не менее, полпред Бирман прекрасно понимал и сочувствовал желанию ГКК оказывать помощь Немкоммуне, к тому же он сам прекрасно говорил на немецком языке и общался с немцами напрямую без переводчика (Бондаренко: 129). Кроме того, в Саратове были сильно заинтересованы в медицинской помощи, которую мог оказать ГКК. В связи с этим ведомство Бирмана, при всей своей напряженной работе,

находило любые возможности для помощи ГКК в доставке своих грузов в Немкоммуну и обустройстве там больниц. В феврале Бирман договорился напрямую с Густавом Хильгером о распределении 1 000 продовольственных посылок, поступивших от американского Комитета помощи немцам Поволжья, среди голодающих Немкоммуны, причем, идя навстречу пожеланиям ГКК, 50 % ему разрешалось распределять среди конкретных адресатов ГКК, а другие 50 % следовало распределять согласно плану Саратовского комитета помощи голодающим (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 990. Л. 136).

В апреле 1922 г. поступил первый крупный груз продовольствия от ГКК в 3 726 пудов 27 фунтов, за счет которого были розданы пайки для 7 095 человек в Марксштадте и Ровенском уезде Немкоммуны, после чего работа приостановилась на месяц (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 72. Л. 105). Затем, с мая по декабрь 1922 г., ГКК смог доставить 10 500 пудов продовольствия, за счет которых более-менее регулярно получали питание 3 300 жителей Немкоммуны, преимущественно больные и выздоравливающие (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 614. Л. 150–152). Если в целом сравнивать работу ГКК по питанию населения в Саратовской губернии и Немкоммуне с другими иностранными организациями помощи, то порядок цифр будет следующий: с января по май 1922 года выдано пайков голодающему населению:

– от АРА – 2 266 310 пайков;

– от Нансена (МСПД) – 990 847 пайков;

– Международная рабочая помощь («Межрабпом») – 16 382 пайка;

– «Европейская студенческая помощь» – 7 880 пайков;

– ГКК – 26 575 пайков (ГА РФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 14. Л. 6).

Медицинская и санитарная помощь ГКК в этом районе деятельности заключалась, главным образом, в поставках медикаментов, перевязочного и дезинфекционного материала в больницы и госпитали Немкоммуны, а также в снабжении медицинского факультета саратовского университета учебным и лабораторным оборудованием (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 315. Л. 190). В начале 1922 г. медицинский факультет получил через посредничество ГКК неожиданный подарок – вагон с продовольствием. С осени 1921 г., по распоряжению одного из лидеров Русской православной церкви заграницей митрополита Евлогия, во всех подведомственных ему православных приходах Германии были установлены кружки для сбора пожертвований в пользу голодающих Поволжья. В декабре того же года митрополит Евлогий купил на собранные средства вагон пшеницы и передал его в ГКК с просьбой доставить зерно в голодающие районы Поволжья. Этот вагон и был благополучно доставлен в Саратов в составе гуманитарного эшелона ГКК (Костиков: 137).

Отдельным районом деятельности ГКК стали губернии Украинской ССР и Автономная республика Крым, преимущественно в местах расселения немецких колонистов. В Харьков, столицу УССР, была направлена отдельная экспедиция ГКК во главе с доктором Реймером и его заместителем по работе в Крыму доктором Брейер (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 66. Л. 106). Первоочередными задачами этой экспедиции были:

– снабжение населения семенами;

– помощь в запашке под озимые посевы и обработки земли;

– медицинская помощь.

В сентябре 1922 г. в Харьков прибыли 6 вагонов семян для немецких колонистов в Крыму (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 14. Л. 16), грузы которых были доставлены по назначению с помощью аппарата полномочного представителя Нансена в УССР и Крыму Видкуна Квислинга[2]. В Крыму уже действовала общественная организация «Бундесрой», которая объединяла немецких колонистов. ГКК планировал распределить эти семена согласно спискам «Бундесроя», но встретил такое же противодействие со стороны советских властей, как и в Немкоммуне. Председатель Крымской центральной комиссии по борьбе с голодом и его последствиями (Крымпомгол) Юрий Петрович Гавен решительно прекратил такое распределение и не утвердил списки, представленные ГКК. Вместо этого Гавен определил пострадавшие от неурожая местности, жители которых, как немцы, так и представители других национальностей, должны были равномерно получить семенной материал от ГКК. Доктору Реймеру пришлось согласиться с планом Крымпомгола (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 14. Л. 7).

Весной следующего года ГКК доставил в Крым 5 тракторов для помощи в уборке озимых и весенней вспашки. Эти тракторы были разбиты на два отряда: один отряд действовал на земельных участках немецких колонистов, другой, по договору с крымским Наркомземом, работал для жителей остальных национальностей. Местные власти снабжали эти отряды бензином, смазочным материалом и семенами овса (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 66. Л. 133).

Непосредственно на территории УССР экспедиция ГКК работала преимущественно в Одесской губернии. Здесь работники ГКК приняли сначала активное участие в борьбе с эпидемиями, а затем включились в весеннюю посевную кампанию 1923 г. 17 сел губернии получили от ГКК 1 500 пудов семян ржи. Тогда же в Одессу пароходом было доставлено 13 350 пудов продовольствия и предметов первой необходимо-

[2] Известный впоследствии норвежский коллаборационист, глава правительства Норвегии во время немецкой оккупации в период Второй мировой войны.

сти и Германии. Из них 3 870 пудов были переданы Украинскому Красному Кресту, который через свою сеть кухонь, столовых, интернатов и ночлежных домов ежедневно обеспечивал питанием в Одесской губернии 96 000 человек. Остальной груз пошел на распределение в других губерниях УССР (Ящук: 9). Кроме того, ГКК завез в медицинские учреждения УССР медикаменты на сумму 2 696 руб. золотом и посевного материала на 18 000 руб. золотом. В апреле 1923 г. из Гамбурга были доставлены 50 тюков одежды; в мае – два полных рентгеновских аппарата; два больших и два маленьких трактора, один автомобиль, восемь приспособлений для добычи нефти. В Одесской губернии ГКК также принял участие в посевной кампании: сформированный им тракторный отряд в 8 машин производил вспашку и засев в местных крестьянских хозяйствах (Там же).

Помимо Москвы, Поволжья, Украины и Крыма отделения ГКК работали, правда в значительно меньшем объеме, в городах Петрограде, Минске и Новороссийске.

В Петрограде ГКК полностью содержал Александровский госпиталь на 15-й линии Васильевского острова. В госпиталь была завезена немецкая аппаратура: диагностические и терапевтические аппараты, рентгенологические и гидротерапевтические установки. При госпитале были оборудованы бактериологическая лаборатория под руководством берлинского доктора Зюттерлина, которая следила за санитарным состоянием всего города, и амбулатория для венерических и кожных заболеваний. Главным врачом госпиталя был назначен доктор Зейфарт, старшим врачом – доктор Карстенс (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 315. Л. 190).

Продовольственная помощь ГКК в Петрограде была несущественной, однако, в январе 1922 г. сотрудники миссии экстренно распределили 1 000 продовольственных пайков и комплектов одежды среди скопившихся в городе беженцев из Поволжья (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 519. Л. 2–10). Кроме того, ГКК открыл и содержал в Петрограде контору по распределению посылок Нансеновского комитета (Там же).

В ноябре 1921 г. в Новороссийске было открыто отделение ГКК, про работу которого в настоящее время практически ничего не известно. Отделение также занималось распределением посылок Нансеновского комитета, заведовал им служащий ГКК по фамилии Геванд (ГА РФ. Р-1064. Оп. 6. Д. 104. Л. 34). С осени 1921 г. такое же отделение по распределению посылок Нансеновского комитета действовало в Минске. В январе 1922 г. ГКК передал контроль над ним Белорусскому Красному Кресту (ГА РФ. Р-1058. Оп. 1. Д. 160. Л. 153).

Помимо своей основной гуманитарной деятельности в пострадавших губерниях ГКК принял участие еще в одном важном деле – в становлении советского кинематографа. В 1922 г. был заключен извест-

ный договор ЦК Помгол с «Мажрабпомом» о поставке кинооборудования для съемки художественных и документальных фильмов, из которого, впоследствии, вырастить знаменитая киностудия «Межрабпомфильм». Советское правительство выделило ЦК Помгол 5 000 руб. золотом на закупку 40 000 метров кинопленки заграницей через посредничество «Межрабпома». Однако, первые 10 000 метров кинопленки были найдены сразу на месте в московском отделении ГКК, который с готовностью передал их в ЦК Помгол (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 169. Л. 33).

К концу 1922 г. деятельность ГКК в Советской России и Украинской ССР по большей части остановилась. Связано это было с разразившимся экономических кризисом в Германии и катастрофическим паданием курса немецкой марки. Гиперинфляция создавала непреодолимые трудности для отправки новых грузов в голодающие губернии (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 325. Л. 18). Тем не менее, сотрудники ГКК продолжали распределять уже завезенные грузы, оказывать медицинскую и санитарную помощь, проводить дезинфекцию заразных помещений вплоть до ликвидации деятельности Нансеновского комитета в России.

ГКК потерял в России умершего от тифа доктора Гертнера, большинство членов экспедиции также переболели тифом. При этом их зарплата за время пребывания в России была полностью обесценена гиперинфляцией в Германии. Тем не менее, сотрудники ГКК покидали Советскую Россию и Украину с чувством выполненного долга и признанием своих заслуг на самом высоком уровне. Полномочный представитель Совета народных комиссаров РСФСР при АРА и всех иностранных организациях помощи голодающим Александр Эйдук с большой похвалой отозвался об Августе Хильгере в докладной записке на имя Каменива: «За все годы пребывания, здесь в Москве, в смысле избежания конфликтов Гильгер сделал очень много. Я об этом хорошо знаю. Гильгер после перенесенного сыпняка, на днях уезжает в Германию» (ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 234. Л. 103). Но наибольших похвал со стороны советских властей добились немецкие работники Центральной Бактериологической станции-лаборатории ГКК в Москве. Причем отзывы были настолько хорошими, что 20 февраля 1922 г. Ленин дал поручение управляющему делами СНК Горбунову переговорить с немецкими служащими станции и предложить им поступить на службу в советские медицинские учреждения (Ленин: 175).

В целом, говоря о деятельности ГКК в Советской России и Украинской ССР, необходимо отметить существенный вклад его сотрудников в предотвращении развития эпидемий и улучшения санитарной об-

становки в Поволжье, и, кроме того, весомый вклад и посевную кампанию 1923 г. в Крыму и Одесской губернии.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 14.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 66.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 72.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 160.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 169.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 234.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 315.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 325.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 359.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 315.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 363.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 429.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 496.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 519.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 553.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 614.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 810.

ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 990.

ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 12.

ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 34.

ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 39.

ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 104.

Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века. Том 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века: сборник документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014.

ЦГАСО – Центральный государственный архив СО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 8.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. М., 1975. Т. 54.

Dr. Volkmar Schön. Notizen zur Hamburger Rotkreuzgeschichte. https://www.drk-hamburg.de/fileadmin/Eigene_Bilder_und_Videos/150_Jahre_DRK_Hamburg/Notizen_zur_Hamburger_Rotkreuzgeschichte/Themenblatt_2_zu_den_Notizen_zur_Hamburger_Rotkreuzgeschichte_-_Maerz_2016_.pdf (дата обращения 14.12.2021).

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко Т.Ю. Борец с голодом 1920-х годов в Саратовской губернии (из биографии С.А. Бирмана) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №4 (53). С. 128–133.

Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.

Костиков В.В. Не будем проклинать изгнанья... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международные отношения, 1990.

Федотова А.Ю. Деятельность Германского Красного Креста во время голода 1921–1923 гг. в ТАССР // Современные социальные и гуманитарные знания: традиции, новации, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 2010. Т. 29.

Федотова А.Ю., Циденков Г.Г. Гуманитарная помощь частных шведских торгово-промышленных предприятий голодающим Советской России в 1921–1923 гг. // Клио. 2019. №. 6. С. 93–99.

Ящук О.Ю. Червоний Хрест і закардонна допомога голодуючим України у 1921–1923 рр. // BLACK SEA. 2016. С. 8–11.

Jörn Happel, Der Ost-Experte. Gustav Hilger – Diplomat im Zeitalter der Extreme. Paderborn, Schöningh 2017.

Сведения об авторе: Циденков Григорий Геннадиевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры Отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (443090, ул. Максима Горького, 65/67, Самара, Российская Федерация); gcidenkov@yandex.ru

Поступила 24.12.2021 *Принята к публикации 15.02.2022*

GENERAL OVERVIEW OF HUMANITARIAN AID OF THE GERMAN RED CROSS TO THE STARVING POPULATION OF SOVIET RUSSIA AND UKRAINE IN 1921–1923

G.G. Tsidenkov

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation
gcidenkov@yandex.ru

The article is based on documents from Russian national and regional archives, as well as modern scientific publications. It highlights and summarizes the main aspects the German Red Cross activities on the territory of Soviet Russia and the Ukrainian Soviet Socialistic Republic during the famine of 1921–1923. The German Red Cross was one of the member organisations of the Nansen International Committee for Aid to Famine in Russia and Ukraine and acted on its behalf independently, sending its own expedition to areas affected by famine and epidemics.

Despite the quite unfavourable economic situation in Germany, humanitarian activities of the German Red Cross were conducted in several directions simultaneously: direct assistance to the starving population with food and clothing; healthcare; assistance to the Soviet healthcare authorities in carrying out the vaccination campaign; disinfection of infectious premises; assistance to Soviet scientists and educational institutions; delivery of medical equipment and deployment of scientific laboratories. Missions and representations of the German Red Cross worked in the Volga Region, eastern and southern Ukraine, the Autonomous Republic of Crimea, the cities of Petrograd, Moscow, Novorossiysk and Minsk. The contribution of the German Red Cross workers was marked with praise at the highest level by the Soviet leadership. Their energy and dedication are evidenced both by the results of their work and by the suffering and human losses they endured together with Soviet citizens.

Keywords: famine of 1921–1923, German Red Cross, humanitarian aid, epidemics.

For citation: Tsidenkov G.G. Obshchiy obzor gumanitarnoy pomoshchi Germanskogo Krasnogo Kresta golodayushchim Sovetskoy Rossii i Ukrainy v 1921–1923 gg. [General overview of humanitarian aid of the German Red Cross to the starving population of Soviet Russia and Ukraine in 1921–1923]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 198–212. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.198-212 (In Russian)

REFERENCES

Bondarenko T.Yu. Borets s golodom 1920-kh godov v Saratovskoy gubernii (iz biografii S.A. Birmana) [A Fighter against Hunger in the 1920s in the Saratov Province (from the biography of S.A. Birman)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta,* 2014, no. 4 (53), pp. 128–133. (In Russian)

Danilov V.P. Dinamika naseleniya SSSR za 1917–1929 gg. (Opyt arkheograficheskogo i istochnikovedcheskogo otbora dannykh dlya rekonstruktsii demograficheskogo protsessa) [Dynamics of the Population of the USSR over 1917–1929 (Experience of archaeographic and source study selection of data for the reconstruction of the demographic process)]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1968 god.* Moscow, 1970. (In Russian)

Fedotova A.Yu. Deyatel'nost' Germanskogo Krasnogo Kresta vo vremya goloda 1921–1923 gg. v TASSR [Work of the German Red Cross during the Famine of 1921–1923 in TASSR]. *Sovremennye sotsial'nye i gumanitarnye znaniya: traditsii, novatsii, perspektivy. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Vol. 29. Kazan, 2010. (In Russian)

Fedotova A.Yu., Tsidenkov G.G. Gumanitarnaya pomoshch' chastnykh shvedskikh torgovo-promyshlennykh predpriyatiy golodayushchim Sovetskoy Rossii v 1921–1923 gg. [Humanitarian Aid Provided by Private Swedish Commer-

cial and Industrial Enterprises to the Starving Soviet Russia in 1921–1923]. *Klio*, 2019, no. 6, pp. 93–99. (In Russian)

Yashchuk O.Yu. Chervoniy Hrest i zakardonna dopomoga goloduyuchim Ukraïni u 1921–1923 rr. ["Red Cross and Zakardonna" to help the starving Ukraine in 1921–1923]. *BLACK SEA*, 2016, pp. 8–11. (In Ukrainian)

Jörn Happel, *Der Ost-Experte. Gustav Hilger – Diplomat im Zeitalter der Extreme*. Paderborn: Schöningh, 2017. (In German)

Kostikov V.V. Ne budem proklinat' izgnan'ya... (Puti i sud'by russkoy emigratsii) [Let's not curse exile... (Ways and Fates of the Russian Emigration)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. (In Russian)

About the author: Grigoriy G. Tsidenkov, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor of the Department of National History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Maksim Gorkiy St., Samara 443090, Russian Federation); gcidenkov@yandex.ru

Received December 24, 2021 *Accepted for publication February 15, 2022*

УДК 316.62

ПРАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» В УСЛОВИЯХ МАССОВОГО ГОЛОДА НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ

Д.В. Давыдов

Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ
Казань, Российская Федерация
davdv@mail.ru

О.В. Козлова
Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ
Казань, Российская Федерация
hollyhouse@mail.ru

В статье рассматриваются поведенческие практики «новой женщины» в условиях массового голода начала 1920-х годов. Отмечено, что эта социальная группа была немногочисленна, однако ее влияние на общественную жизнь оказалось весьма высоким. Обращено внимание на социальное происхождение представительниц этой социальной группы, показан уровень их образования и особенности формирования мировоззрения, построенного на идеалах всеобщего равенства и справедливости. Выявлено, что практики поведения «новых женщин» в условиях массового голода существенно отличались от общепринятых – обращение за помощью в органы власти, миграция в другие регионы, распродажа имущества, попрошайничество и иные социальные девиации. Стремление внести вклад в строительство социалистического общества у таких женщин приводило к игнорированию ими проблем голода и к переориентации с собственной повседневной жизни на жизнь общественную. В поведении «новой женщины» это проявлялась в сборе средств на нужды голодающих, в самоотверженной работе, в отказе от переселения в благополучные районы. Социальное происхождение из крестьян и рабочих, высокая вовлеченность в общественную деятельность, молодой возраст, принадлежность к комсомольской организации явились теми факторами, которые сформировали у таких женщин нестандартные варианты выживания в ситуации массового голода. Сделан вывод о том, что условия голода способствовали укреплению общественных позиций «новых женщин», их дальнейшему продвижению по социальной лестнице. Обратной стороной укрепления их социального положения стало дальнейшее размывание основ их традиционного восприятия мира, основанного на принадлежности к семье и материнстве.

Ключевые слова: массовый голод, женская эмансипация, поведенческие практики, активистки, комсомол, ТАССР.

Для цитирования: Давыдов Д.В., Козлова О.В. Практики поведения «новой женщины» в условиях массового голода начала 1920-х годов // Историческая этнология. 2022. Т. 7, № 2. С. 213–220. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.213-220

Масшабные социальные потрясения, вызванные военными и революционными событиями начала XX в., обусловили в России эмансипацию женщин. На этот процесс повлияло распространение идей западного феминизма и целенаправленная политика советского государства. Задача по обеспечению гендерного равноправия, провозглашенная советским правительством, заключалась в том, чтобы сформировать женщину нового типа, женщину – борца за новый общественный строй. Сокращение численности мужского населения во время военных действий (Первая мировая и Гражданская войны) усиливало интерес государства к женщинам как социальному ресурсу.

С начала 1920-х годов мы можем говорить о формировании в массовом сознании образа «новой женщины». На практике он олицетворял довольно ограниченный круг женского актива, но само его появление свидетельствовало об определенных изменениях в общественной жизни. В то же время появление «новых женщин» не рассматривалось как разрушение сложившейся системы гендерных ролей, так как считалось, что «женщина остаётся по природе своей чувствительным существом, которое должно зачерстветь, отодвинув в сторону свою сентиментальную природу» (Делалой 2018: 40).

«Новая женщина», родившаяся на рубеже XIX–XX вв., как правило, с раннего возраста была вынуждена работать, а потому имела лишь начальное образование. У нее было рабоче-крестьянское происхождение, низкий материальный достаток. Она, как правило, рождалась в многодетной семье, и нередко оставалась сиротой в раннем возрасте. «Новая женщина» являлась ярой сторонницей советской власти, активно поддерживала её инициативы, занималась общественной деятельностью и даже отстаивала её завоевания с оружием в руках.

Характерное для «новой женщины» мировоззрение несгибаемого бойца за построение справедливого общества стало одной из причин, по которой она не только сумела выжить в условиях массового голода, но и сохранить активную жизненную позицию, укрепить социальный статус. Само происхождение из малообеспеченных слоев населения

порождало практики выживания будущей «новой женщины», с детства вынужденной приспосабливаться к условиям полуголодного существования. Потребление различных пищевых суррогатов в начале 1920-х годов не стало для нее экстроординарным явлением. Молодой возраст с преобладанием позитивного мировоззрения стали важными условиями высокой социальной активности. Немаловажным было и то, что «новая женщина» не имела собственной семьи и детей, о которых необходимо заботиться. Наконец, большое влияние на молодую женщину оказывала ее принадлежность к общественным организациям, в первую очередь – к комсомольской ячейке. Влияние группового опыта преодоления жизненных неурядиц, чувство ответственности за порученное дело помогало таким женщинам сохранять боевой дух в условиях массового голода, способствовало не только их выживанию, но и формированию новых практик поведения. Такие практики можно проследить по эго-документам (автобиографиям, воспоминаниям и т.п.)

Исследование поведенческих практик направлено на выявление индивидуальной и групповой реакции людей на конкретную историческую ситуацию. С точки зрения методологии представляется целесообразным обратиться к предложенному Н. Лебиной методологическому подходу изучения советской повседневности через дихотомию «норма/аномалия». «Сытость и голод – традиционная дихотомия, – пишет автор, – в которой первое всегда является нормой, а второе патологией» (Лебина 2015: 15). Невозможно считать массовый голод типичным явлением в жизни людей. Таким образом, в экстраординарных ситуациях могут существенно меняться повседневные практики.

Как указывает И.Б. Орлов, поведенческие стереотипы и стереотипы принятия решений в период массового голода, определялись сложным переплетением доминирующих потребностей, архетипов коллективного бессознательного, а также иерархией базовых ценностей (Орлов 2021). Перечислим основные практики поведения человека, живущего в условиях массового голода в Поволжье начала 1920-х годов, и попытаемся проследить, насколько они были характерны для поведения «новой женщины».

В целом, к поведенческим практикам периода массового голода можно отнести обращение во властные структуры (в том числе в специально для этого созданные) за помощью; миграцию в районы, где было меньше проблем с продовольствием; попрошайничество (подавляющую часть нищих составляли женщины, старики и дети); распродажу имущества и обмен ценных вещей на продукты питания; замену съедобных продуктов на условно съедобные; воровство и прочие пре-

ступные деяния (голод порождал массовую проституцию среди женщин) (Орлов 2021).

Серьезное влияние на сознание молодых женщин оказывала идеология классовой борьбы, в соответствии с которой многие негативные явления общественной жизни (преступность, проституция и пр.) объяснялись процессом разложения буржуазного общества. Вовлеченная в строительство нового социума, свободного от негативных социальных девиаций, молодая комсомолка оказывалась идеологически защищенной от «буржуазных» путей выживания. Полуголодная жизнь воспринималась как естественная альтернатива погружению в порок со всеми его последствиями.

«Казань 20-х гг. жила бедно, – вспоминает активистка-комсомолка З.П. Маркова. – Сказывалась общая разруха и голод, охвативший тогда Поволжье. Плохо жили и мы, комсомольские работники. Да и не умели мы заботиться о себе, отдавая всё своё время работе. Питались мы главным образом в столовой, где получали чаще всего суп с мёрзлой картошкой и скудный паёк чёрного и колючего хлеба. И чего только не добавляли в муку, из которой выпекали этот хлеб: и отруби, и жёлуди, и овёс, а иногда и лебеду. Второе блюдо обычно было редкостью и вызывало всеобщее ликованье. Чаще всего это была пшённая каша. Вообще селёдка и пшено занимали главное место в нашем питании» (ГА РТ: Д. 1876, Л. 23). В «Воспоминаниях комсомолки 20-х гг.» Хатима Тарнопольская-Абдуллина подтверждает вышесказанное: «Питались мы плохо, пекли хлеб из лебеды, брат получал в паек гнилую картошку» (ГА РТ: Д. 24, Л. 3). О серьезном ухудшении ситуации с питанием говорят и официальные газеты. Так, корреспондент из Казани сообщает, что в пищу теперь не только взрослым, но и детям, употребляются: липовая и ольховая кора, жёлуди, травы, дикий лук, щавель и т.п. (Правда 1921).

Но даже в такой ситуации обладатели «молодых, горячих сердец» не унывали и находили нестандартные решения. «Мы подкармливались знаменитой овсяной кашей. История этой каши такова: в Обкомоле для хозяйственных нужд и разъездов работников была лошадь. На нее выписывали фураж и в том числе овес. Лошадь эту обкомольцы отдали какой-то организации для использования, а овес, полагающийся для нее, продолжали получать, отвозили на мельницу и делали из него муку и крупу. Все это и шло на дополнительное питание обкомольцев и тех, кто забегал на огонек» (ГА РТ: Д. 1876, Л. 30).

В сельской местности картины голода были еще ужаснее. Денисова Нина Петровна, называющая себя «первой радисткой Татарии», по-

лучила приказ перебазироваться для работы в Лаишево. «В 21 году голод ужасный, – пишет она. – Голодных, замерзших людей возили возами, перевязанными веревками. Выйти на улицу, двор страшно. Людоедство» (ГА РТ: Д. 985, Л. 4).

На фоне разраставшегося голода, с чудовищной силой менявшего психологию и поведение населения, усиливавшего масштабы нравственной и социальной деградации всех социальных групп, социально ориентированное поведение «новых женщин» служило примером стойкости и героизма. Им удавалось в определенной мере игнорировать проблемы голода и переориентироваться на решение общественных задач, оказывать помощь нуждающимся. Дудкина Нина Александровна указывает, что работницы отчисляли свои 2–3-дневные заработки в фонд помощи голодающим (ГА РТ: Д. 1035, Л. 69).

Ещё более показателен случай Л.М. Поповой, уроженки г. Кинешмы Ивановской области, которая, имея возможность покинуть охваченную голодом территорию, отказалась это сделать. «В 1921 году в Мензелинске начался страшный голод. Истощенные люди падали от голода, умирали прямо на улицах. Жутко было смотреть на голодающих детей детгородка, где работала я и моя мать (а братишка и сестренка маленькие были на положении воспитанников). В те годы существовала какая-то международная организация помощи голодающим, как называется, не помню. Решено было, чтобы спасти детей от голода, куда-то отправить их (или в США или в Бухару) точно не помню. Я уволилась с работы, так как мне – комсомолке не хотелось уезжать на чужбину, и возвратилась на родину, где родилась в г. Кинешму Ивановской области. Это было в сентябре 1921 года» (ГА РТ: Д. 2269. Л. 8об. – 9).

Таким образом, условия массового голода способствовали укреплению общественных позиций «новых женщин», их дальнейшему продвижению по социальной лестнице. Своеобразной платой за такое «продвижение» стало дальнейшее размывание основ традиционного женского восприятия мира, основанного на принадлежности к семье и материнстве. Идеалы всеобщего равенства и справедливости, взятые за основу мировоззрения и поведенческих практик «новых женщин», оказывались для них неизменно выше ценностей личного счастья.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Воспоминания Денисовой Нины Петровны о встречах с Н.К. Крупской // Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П 30. Коллекция документов личного происхождения участников Февральской, Октябрьской революций, Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, ветеранов КПСС и ВЛКСМ. Оп. 3. Д. 985. Л. 4.

Воспоминания Дудкиной Нины Александровны о первых годах советской власти // ГА РТ. Ф. П 30. Коллекция документов личного происхождения участников Февральской, Октябрьской революций, Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, ветеранов КПСС и ВЛКСМ. Оп. 3. Д. 1035. Л. 69.

Воспоминания комсомолки 20-х гг. // ГА РТ. Ф. П 30. Коллекция документов личного происхождения участников Февральской, Октябрьской революций, Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, ветеранов КПСС и ВЛКСМ. Оп. 3. Д. 24. Л. 3.

Воспоминания Марковой Зои Петровны о работе в комсомоле // ГА РТ. Ф. П 30. Коллекция документов личного происхождения участников Февральской, Октябрьской революций, Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, ветеранов КПСС и ВЛКСМ. Оп. 3. Д. 1876. Л. 23.

Воспоминания Поповой Людмилы Михайловны о комсомольской юности // ГА РТ. Ф. П 30. Коллекция документов личного происхождения участников Февральской, Октябрьской революций, Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, ветеранов КПСС и ВЛКСМ. Оп. 3. Д. 2269. Л. 8 об. – 9.

Правда. 1921. 15 июля.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Делалой М. Усы и юбки. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

Сведения об авторах: Давыдов Денис Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ (420111, ул. Карла Маркса, 10, Казань, Российская Федерация); davdv@mail.ru

Козлова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ (420111, ул. Карла Маркса, 10, Казань, Российская Федерация); hollyhouse@mail.ru

Поступила 30.11.2021 *Принята к публикации 15.02.2022*

BEHAVIOR PRACTICES OF A “NEW WOMAN” IN THE CONDITIONS OF MASS FAMINE IN EARLY 1920s

D.V. Davydov

Kazan National Research Technical
University named after A.N. Tupolev – KAI
Kazan, Russian Federation
davdv@mail.ru

O.V. Kozlova
Kazan National Research Technical
University named after A.N. Tupolev – KAI
Kazan, Russian Federation
hollyhouse@mail.ru

The article discusses the behavioral practices of a "new woman" in the conditions of mass famine in the early 1920s. It is noted that this social group was inconsiderable in number, but its influence in public life was very high. The author draws attention to the social origin of the representatives of this social group, the level of their education, the specifics of the worldview formation based on the ideals of universal equality and justice. It was noted that the behavior of the “new women” in conditions of mass starvation significantly differed from the generally accepted patterns, such as seeking help from the authorities, migrating to other regions, selling property, begging and other social deviations. The desire to contribute to the construction of a socialist society led to the ignorance of the problem of hunger and a reorientation from their daily life to social life. This was manifested in the behavior of the “new woman” in the form of collecting funds for the needs of the hungry, selfless work, refusal to relocate to prosperous areas. Social class background – origin from peasants and workers, high involvement in social activities, young age, membership in the Komsomol organisation were the factors that formed non-

standard options for survival in the situation of mass famine among the “new women”. It is concluded that the conditions of hunger contributed to the strengthening of the social positions of the “new women”, their further advancement on the social ladder. The downside of strengthening the social position of the “new women” was the further erosion of the foundations of their traditional perception of the world based on family and motherhood.

Keywords: mass famine, female emancipation, behavioral practices, activists, Komsomol, Tatar ASSR.

For citation: Davydov D.V., Kozlova O.V. Praktiki povedeniya «novoy zhenshchiny» v usloviyakh massovogo goloda nachala 1920-kh godov [Behavior practices of a “new woman” in the conditions of mass famine in early 1920s]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 213–220. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.213-220 (In Russian)

REFERENCES

Delaloy M. *Usy i yubki. Gendernye otnosheniya vnutri kremlyovskogo kruga v stalinskuyu epokhu*. [Mustaches and Skirts. Gender Relations within the Kremlin Circle during the Stalin Era]. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2018. (In Russian)

Lebina N. *Sovetskaya povsednevnost’: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol’shomu stilyu* [Soviet Everyday life: Norms and Anomalies. From War Communism to Big Style]. Moscow: Novoe Literaturnoye Obozrenie Publ., 2015. (In Russian)

Orlov I.B. *Sovetskaya povsednevnost’: istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday life: Historical and Sociological Aspects of Formation] (In Russian). Moscow, 2010. (In Russian)

About the authors: Denis V. Davydov, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (10, Karl Marx St., Kazan 420111, Russian Federation); davdv@mail.ru

Olga V. Kozlova, Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (10, Karl Marx St., Kazan 420111, Russian Federation); hollyhouse@mail.ru

Received November 31, 2021 Accepted for publication February 15, 2022

УДК 94(470)"1920/1923"

ГОЛОД В ПОВОЛЖЬЕ 1920-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ

О.В. Ерохина

Московский педагогический государственный университет
Москва, Российская Федерация
ov.erokhina@mpgu.su

В статье на основе анализа писем немецких колонистов в немецкоязычную газету «Die Welt-Post», издававшуюся в Линкольне в Америке, выявляется их восприятие событий социально-экономического и политического характера в поволжских колониях в начале 1920-х годов. Изучение писем позволило определить масштаб трагедии и показать отношение немцев к происходящему. Автором выявлено несколько волновавших их проблем: дефицит продовольственной помощи или одежды, восполняемый продажей или обменом имущества, и информационный вакуум, который колонисты стремились восполнить посредством получения от родственников книг, журналов и газет.

Ключевые слова: голод, немецкие колонисты, Поволжье, советская Россия, газета «Die Welt-Post».

Для цитирования: Ерохина О.В. Голод в Поволжье 1920-х годов глазами немецких колонистов // Историческая этнология. 2022. Т. 7, № 2. С. 221–227. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.221-227

В XX в. Россия пережила немало социально-экономических и политических потрясений. Внимание исследователей привлекали разные события, но до настоящего времени наибольшие дискуссии вызывает проблема голода в Поволжье в 1920-х годах. Основные вопросы, которые ими поднимаются: причина голода, численность голодавших и умерших, размеры помощи нуждающимся регионам со стороны советской власти и из-за границы. Для их раскрытия использовались разнообразные источники, но не привлекались письма немецких колонистов с Поволжья, публиковавшиеся в немецкоязычной газете «Die Welt-Post»[1] в Америке. В письмах содержится не только информация о положении на местах, но и просьбы прислать деньги, еду, одежду, билеты в Америку или, на худой конец, приглашение для семьи. Письма в газету присылали немцы не только из поволжских колоний, но и из дру-

[1] Газета издавалась с 1916 г. по 1970 г. в Линкольне, штат Небраска.

гих регионов России. Кроме того, газета получала корреспонденцию от немцев, сумевших эмигрировать в Европу и Америку.

Голод в стране начался осенью 1920 г. и продолжался до 1924/25 гг. В советской историографии на вопрос «Почему в России был голод?» очень часто давался стандартный ответ – из-за отсталости сельского хозяйства и небывалой засухи 1921 г. Однако у М.Н. Покровского мы обнаруживаем интересные строчки в статье, опубликованной в 1924 г. в журнале «Большевик»: «Мы по старой привычке все больше считаемся со стихийными, природными силами, и, конечно, считаться с ними нужно, но забывать социальные причины отнюдь не следует» (Покровский 1924: 18).

Действительно, засухи для поволжского региона были не редкостью, и колонисты сумели приспособиться к ведению земледелия. Но кроме природного фактора были социально-экономические и политические – Первая мировая война, февральская и октябрьская революции, гражданская война, политика «военного коммунизма». Именно эти обстоятельства привели к сокращению аграрного производства. В результате в Поволжье посевные площади по сравнению с 1913 г. сократились на 40%, а посев зерновых культур уменьшился на 55% (Герман 2017: 17; Поляков 2010: 20). Поголовье скота сократилось на 58,3% (Виноградов 2011: 12). Еще осенью 1920 г. Б. Спомер писал своим родственникам в Америку: «К сожалению, о последнем урожае я не могу написать ничего хорошего. Он был очень беден. Что касается того, как сейчас обстоят дела с населением, то там уже много людей без хлеба и мало надежды на помощь» (Brief aus dem Beideck: 5). При этом, как отмечал колонист из Франка, сельское население должно было сдать государству «3 пуда мяса, 7 пудов яблок, 8 пудов картофеля и голову крупного рогатого скота» (Briefe aus Russland, 21 April: 8).

Весной 1921 г. появляются первые признаки приближающегося голода. Ситуация с продовольствием продолжала ухудшаться. «Жизнь и в городах, и в деревнях трудна; приходится обходиться без стольких совершенно необходимых вещей. В городах хлеб нормируется; каждый человек получает три восьмых фунта. В стране также ощущается нехватка хлеба среди многих семей» (Briefe aus Russland, 21 апреля: 8). В июле председатель губисполкома Сокольский отмечал: «У крестьян отсутствуют какие-либо запасы хлеба. Дошли до такого состояния своим стремлением удовлетворить требования центра на максимальное выполнение разверстки» (Виноградов 2011: 16).

Нежелание сельского населения отдавать «последние крохи» продовольствия привели к тому, что власти отправили в Поволжье продовольственный отряд рабочих из Тулы. Их действия окончательно подорвали хозяйственную систему в регионе. Немцы прозвали эту раз-

верстку «железной метлой», потому что «… отняли все: сначала деньги, потом фрукты, мясо, муку, лошадей, крупный рогатый скот, овец, свиней, кур, а также последнюю одежду» (Briefe aus Russland, 22 December: 5). Член исполкома Области немцев Поволжья А. Моор подвел итог работы тульского продотряда: «Если бы хлеб был в достаточном количестве, его взяли бы и без тульотряда. Правда, отряд выкачал известное количество зерна, но зато мы теперь имеем ряд сел, где хлеба нет совершенно. А поля в большинстве стоят черные, незасеянные, ибо крестьяне обобраны дочиста, амбары подметены метелкой» (Герман 2017: 16). Постоянное выкачивание из сел разных видов продовольствия ухудшало и без того тяжелое положение колонистов: «Каждый день мы смотрим голоду в глаза. О, как многие уже умерли с голоду, потому что нет больше хлеба, который можно было бы найти. Мало надежды на урожай, потому что все лето не было абсолютно никаких дождей» (Briefe aus Russland, 11 August).

Лето 1921 г. было жарким. Степи оказались выжжены, а поля, лежащие под паром, вытоптаны черным фуражным скотом. Однако не только отсутствие дождей печалило немцев. Они с тоской смотрели в будущее, указывая на тот факт, что «в прошлом году урожай был плохой, а в этом году мы почти ничего не собрали, потому что у многих людей не было семян: а если вы не посеете, вы не сможете собрать урожай» (Briefe aus Russland, 8 Декабря: 8). Урожай ржи был ранним и поэтому ее сбор начался во второй половине июня, но он оказался скудным. Об этом они писали своим родственникам. Но рассказать все было невозможно, «если вы хотите, чтобы это письмо дошло до вас» (Briefe aus Russland, 18 August).

Обострение продовольственного положения способствовало росту цен на продуктовые и промышленные товары, которые выросли почти в 200 раз. Якоб Дейнес из колонии Норка писал своему другу Стро, жившему в Америке, что заработная плата за день в России составляет около 4 тыс. рублей, но на них невозможно купить и фунта хлеба. Он привел стоимость товаров, которые являлись наиболее востребованными среди населения. Так, «пшеница стоит 140 тыс. р, рожь – 135 тыс. р, гречиха – 50 тыс. р, ячмень –130 тыс. р, просо – 200 тыс. р, картофель – 35 тыс. рублей за пуд. Фунт мяса стоит 3 тыс. р, масла – 10 тыс. рублей. Пара хороших волов 4 млн р, старая добрая кляча от 1 до 2 млн р и корова от 2 до 4 млн рублей. … Пара сапог стоит около 100 тыс. р, рубашка – от 50 до 70 тыс. р, брюки – от 200 тыс. до 300 тыс. рублей. Игла стоит 2 тыс. р, а маленькая катушка с ниткой – 10 тыс. р.» (Ein Brief …: 5).

Всего в 1921 г. из немецкого Поволжья было вывезено более 1 млн пудов хлеба (Герман 2016: 435). При этом никакие наряды на сдачу про-

довольствия не снимались, хотя люди на местах просили о помощи. Так на 1-й беспартийной конференции Саратовского уезда было принято решение «Возбудить ходатайство перед кем следует об отмене всех продналогов, ввиду того, что уезд в этом году постиг полный неурожай и крестьяне находятся в самом тяжелом положении, в смысле продовольствия, питаясь корой и разными травами» (Виноградов 2011: 17).

К концу 1921 г. запасы продовольствия были на исходе. Домашний скот почти весь вырезан. «Я работал на мельнице, – писал г-н Фойерштейн, – но сейчас на мельницах все тихо, потому что нечем мельничать. Тысячи людей бродят вокруг, как призраки, и умирают от голода. Колокола звонят непрерывно. Многие люди похоронены без гробов, а другие лежат в изгородях и тропинках и вообще не похоронены» (Auszüge aus russischen Briefen: 6).

Доведенные до отчаяния люди стремились уехать из районов, охваченных голодом, в регионы и страны, где, по их мнению, имелось продовольствие. Они считали, что «только те, кто может бежать в Америку или туда, где можно найти хлеб, избегут голодной смерти» (Von Schilling, Russland: 5).

Якоб Шлессер из колонии Вальтер писал, что ежедневно можно было наблюдать одну и ту же картину, как по дороге повозки медленно тянули друг за другом тощие и усталые лошади. Они были полностью загружены последними пожитками, которые предназначались для обмена на хлеб. На повозках сидели дети, старухи и отцы. Они ехали в дальнюю деревню в поисках работы и хлеба. Но они умирали от голода, о чем свидетельствовали многочисленные могильные холмики вдоль дороги. Другие, «возвращались… и теперь вынуждены просить милостыню» (Briefe aus Russland, 2 März: 2).

Находясь в состоянии между жизнью и смертью, колонисты писали американским родственникам, друзьям и бывшим односельчанам письма, в которых просили прислать деньги, продовольствие и одежду. Во многих письмах прослеживается смущение и стыд за то, что приходилось обращаться с просьбами. Например, к Иоганну Беннеру обращался племянник: «Мне очень неприятно и неуместно обращаться к вам и просить о помощи, дорогой дядюшка, но что же мне делать? Всеми силами и энергией ищешь средства и способы избежать жалкой участи, которая уже постигла столь многих наших братьев, и поэтому приходится иногда идти против своих естественных склонностей… Если вы там не утратили чувства любви и долга, если вы не совсем забыли своих близких родственников здесь, у текущей Волги, то вы … пошлете нам что-нибудь из своего изобилия» (Briefe aus Russland, 2 März: 2). Прося о помощи, колонисты добавляли сравнения. «Дорогая сестра, каждый раз, когда ты кладешь кусочек в рот, думай о своих го-

лодающих братьях и сестрах в России. То, что в прежние времена мы не давали нашему скоту, теперь является нашей пищей» (Auszüge aus russischen Briefen: 2).

После получения посылок и писем, просители старались по мере возможности благодарить отправителей. Однако им приходилось экономить, потому что отправление корреспонденции в Америку стоило дорого (7 млн руб. против 10 коп. в прежние времена). Зачастую приходилось в одно письмо вкладывать несколько обращений от разных жителей (Bericht an den Lutherischen Nationalrat: 5).

Находясь в информационном вакууме, колонисты интересовались событиями, происходившими не только в России, но и за границей. В письмах встречаются просьбы присылать книги или газеты. Например, немец из колонии Франк писал: «Если возможно, пришлите мне газету, потому что здесь нет ни одной, которую можно было бы купить, потому что все так дорого и в них нет ничего интересного» (Aus Colorado und Russland: 8). Некоторые были готовы подписаться на немецкоязычные газеты или журналы, но возможности их получения были ничтожны. «Мои хорошие друзья заказали для меня несколько газет, но ни один номер не попал мне в руки» (Brief vom Lehrer von der Wolga: 3).

Несмотря на многочисленные трудности, люди старались не унывать и приспособиться к жизни в новых условиях.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Покровский М.Н. Советская глава нашей истории // Большевик. 1924. № 14. С. 10–19.

Aus Colorado und Russland // Die Welt-Post. 1923. 31 May.

Auszüge aus russischen Briefen // Die Welt-Post. 1922. 2 März.

Bericht a den Lutherischen Nationalrat // Die Welt-Post. 1924. 24 May.

Brief aus dem Beidec // Die Welt-Post. 1921. 17 Februar.

Briefe aus Russland // Die Welt-Post. 1921. 8 Dezember.

Briefe aus Russland // Die Welt-Post. 1922. 2 März.

Briefe aus Russland // Die Welt-Post. 1921. 21 April.

Briefe aus Russland // Die Welt-Post. 1921. 11 August.

Briefe aus Russland // Die Welt-Post. 1921. 18 August.

Briefe aus Russland // Die Welt-Post. 1921. 22 December.

Brief vom Lehrer von der Wolga // Die Welt-Post. 1923, 5 July.

Ein Brief von einem russischen, der zuvor in Amerika gelebt hat // Die Welt-Post. 1921. 29 December.

Von Schilling, Russland // Die Welt-Post. 1921. 29 December.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов С.В. Голод 1921 года в Поволжье: причины, масштабы, последствия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. №3(28). С. 12–21.

Герман А.А. «Военный коммунизм» в немецкой деревне Поволжья (1918–1921 гг.) // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение: материалы V международной научной конференции. М.: Перо, 2016. С. 431–437.

Герман А.А. Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (к 100-летию со дня образования) // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2017. № 3. С. 10–38.

Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: автореф. … докт. ист. наук, Волгоград. 2010.

Сведения об авторе: Ерохина Ольга Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет (119571, пр. Вернадского, 88, Москва, Российская Федерация); ov.erokhina@mpgu.su

Поступила 28.05.2022 *Принята к публикации 8.08.2022*

FAMINE IN THE VOLGA REGION OF THE 1920S THROUGH THE EYES OF GERMAN COLONISTS

O.V. Erokhina

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation
ov.erokhina@mpgu.su

Based on the analysis of the letters from German colonists to the German-language newspaper *Die Welt-Post*, published in Lincoln in the United States, the article brings to light the colonists' perception of socio-economic and political events in the Volga colonies in the early 1920s. The study of letters made it possible to show the scale of the tragedy and the attitude of Germans to what was happening. The author identifies several problems that worried them: deficit of foodstuff or clothing which was compensated for by selling or exchanging their belongings. In addition, they experienced a certain information vacuum which they wanted to fill through books, magazines and newspapers received from relatives and friends.

Keywords: famine, German colonists, Volga Region, Soviet Russia, newspaper *Die Welt-Post*.

For citation: Erokhina O.V. Golod v Povolzh'ye 1920-kh godov glazami nemetskikh kolonistov [Famine in the Volga region of the 1920s through the eyes of German colonists]. *Istoricheskaya etnologiya,* 2022, vol. 7, no. 2, pp. 221–227. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.221-227 (In Russian)

REFERENCES

German A.A. «Voennyy kommunizm» v nemetskoy derevne Povolzh'ya (1918–1921 gg.) ["War Communism" in the German Village of the Volga Region (1918–1921)]. *Konflikty v sovremennom mire: mezhdunarodnoe, gosudarstvennoe i mezhlichnostnoe izmerenie. Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow: Pero Publ., 2016, pp. 431–437. (In Russian)

German A.A. Natsional'no-territorial'naya avtonomiya nemtsev Povolzh'ya (k 100-letiyu so dnya obrazovaniya) [The National-Territorial Autonomy of the Volga Germans (to the 100th anniversary of its formation)]. *Ezhegodnik mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev,* 2017, no. 3, pp. 10–38. (In Russian)

Polyakov V.A. *Golod v Povolzh'e, 1919–1925 gg.: proiskhozhdenie, osobennosti, posledstviya* [Famine in the Volga Region, 1919–1925: Origin, Features, Consequences]. Volgograd, 2010. (In Russian)

Vinogradov S.V. Golod 1921 goda v Povolzh'e: prichiny, masshtaby, posledstviya [Famine of 1921 in the Volga Region: Causes, Scale, Consequences]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura,* 2011, no. 3(28), pp. 12–21. (In Russian)

About the author: Olga V. Erokhina, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of History of Russia, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (88, Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation); ov.erokhina@mpgu.su

Received May 28, 2022 *Accepted for publication August 8, 2022*

УДК 94(470)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Т.Ю. Новинская

Пензенский государственный технологический университет
Пенза, Российская Федерация
golub_00@mail.ru

Актуальность заявленной на Круглом столе темы – продовольственное снабжение населения в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы – определяется ее важным значением в социально-экономическом развитии страны. Продовольственное снабжение следует рассматривать как часть государственной аграрно-продовольственной политики. Цель исследования – осуществить системный анализ факторов, от которых зависело снабжение, и механизмов реализации продовольственного снабжения. Основу методологии составляет принцип системного подхода к рассмотрению вопроса. Недостаток, дефицит, нормированное распределение через карточки и другие формы были главной характеристикой социально-экономического развития рассматриваемого периода и стали следствием ряда обстоятельств естественного, объективного и субъективного характера.

Ключевые слова: продовольственное снабжение, категории населения, нормированное распределение, Великая Отечественная война, послевоенные годы.

Для цитирования: Новинская Т.Ю. Продовольственное снабжение населения в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Историческая этнология. 2022. Т. 7, №. 2. С. 228–239. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.228-239

В октябре 2021 г. в Казани на базе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ прошел Круглый стол, посвященный вопросам продовольственной политики и продовольственного снабжения в Республике Татарстан. Выступления коллег затронули широкий круг вопросов – голод 1921–1923 гг., 1932–1933 гг. и 1946–1947 гг., гуманитарная помощь Германского Красного Креста голодающим Советской России, практики поведения в условиях голода, снабжение населения продуктами питания, обеспечение детских домов. География докладов охватила кроме Татарстана и другие регионы страны. Эти и другие

важные темы стали поводом дискуссий. Работа Круглого стола показала единодушное признание историками наличия в СССР в 1946–1947 гг. факта голода в ответ тем, кто послевоенный голод называет «раздутым до миллионов смертей мифом».

Вопрос продовольственного снабжения остается одним из актуальных направлений в отечественной историографии. Он является важной характеристикой понятия «качество жизни» населения, которое в постсоветской исторической науке заменило утративший свою актуальность термин «народное благосостояние».

От решения продовольственного вопроса зависела и зависит стратегия государственного развития. В 1921 г. В.И. Ленин на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) озвучил вопрос: «Почему на крестьянское хозяйство обращается больше всего внимания?» И сам же ответил на него: «Потому, что только оттуда мы можем получить необходимые нам продовольствие и топливо. Рабочий класс, если он хочет правильно вести хозяйство, как господствующий класс, как класс, который осуществляет свою диктатуру, должен сказать: вот где оказалось самое слабое место, – в кризисе крестьянского хозяйства; это нужно исправить, чтобы еще раз взяться за восстановление крупной промышленности…» (Ленин 1974: 155). Таким образом, вопрос продовольственного снабжения при его рассмотрении из экономической плоскости перетекает в плоскость политическую. В связи с вышесказанным в исторической науке появилось понятие «аграрно-продовольственная политика», которое охватывало политику государства в деревне и обеспечение продовольствием города и армии (Васильев 2010: 73).

Аграрная политика включает в себя комплекс мероприятий по организации сельскохозяйственного производства, результатом которого выступает продовольствие и сельскохозяйственное сырье. Продовольственная политика включает в себя комплекс мер: государственный контроль и ответственность за продовольственную безопасность страны; обеспечение продовольствием потребляющих районов, городов, армии; регулирование продовольственного рынка; ценовая и налоговая политика на нем; контроль экспорта и импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

Такое комплексное осмысление вопроса будет способствовать более объективной оценке ситуации, правильному и творческому использованию исторического опыта. Не случайно отец социологического метода исследования в русской истории В.О. Ключевский писал: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» (Ключевский 1993: 6).

Аграрная политика в деревне и обеспечение города продовольствием

1941–1947-е годы – это военное и послевоенное время, когда все силы советского государства были направлены на борьбу с врагом и восстановление народного хозяйства. Поэтому такие явления в экономике страны как «недостаток» и «дефицит» – проблемы естественные, порожденные сложившимися обстоятельствами. Однако, продовольственный вопрос обострился за долго до Великой Отечественной войны и не был решен к ее началу. Война лишь усугубила существующую в советском обществе проблему с продовольствием.

Особенностью советской повседневности было то, что в августе-сентябре 1918 г. впервые были введены карточки. Они просуществовали до 1921 г. – до начала НЭПа, когда по словам В. И. Ленина «необыкновенно обострившийся кризис крестьянского хозяйства, очень тяжелое положение его, которое к весне 1921 года оказалось гораздо более тяжелым, чем можно это было предвидеть, а, с другой стороны, последствия этого положения сказались как на восстановлении нашего транспорта, так и на восстановлении нашей промышленности» (Ленин 1974: 147). Когда в 1927−1928 гг. в городах стало не хватать хлеба, разразился новый кризис снабжения, местные власти вновь прибегли к введению карточек на хлеб. Он стал следствием реакции земледельцев на рост цен на промышленные товары – крестьяне отказывались сдавать хлеб государству. На государственном уровне карточки на хлеб были вновь введены в апреле 1929 г. (отмена НЭПа). К концу года карточная система распространилась на многие виды продовольственных и промышленных товаров. Пришедшая на смену НЭПа на селе коллективизация должна была решить проблему с продовольствием. Однако, продовольственные кризисы повторялись в 1932–1933 гг., 1936–1937 гг., а дефицит стал носить перманентный характер. После отмены карточек в 1935 г. нормы отпуска в одни руки многих продуктов и промтоваров сохранились. Например, в предвоенном 1940 г. можно было купить только один килограмм мяса, полкилограмма колбасы. Нормы отпуска разнились по регионам.

При распределении продовольствия советское государство руководствовалось принципами «классового подхода» и степенью участия в общественном производстве. Для недопущения дезорганизации хозяйственной жизни и решения проблемы с продовольствием в стране правительство стало применять к крестьянам уже испытанные методы – давление и террор. Они стали основными методами реализации продовольственной политики в отношении крестьянского населения.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война вызвала ажиотаж вокруг продовольствия. Он тем самым усилил дефицит и привел к взрыву спекуляции и злоупотреблений в разных ее проявлениях – от просто спекуляции до должностных преступлений (хищений, подлогов и пр.).

В перечне управленческих решений мобилизационной модели, апробированных в годы первых пятилеток, следует отметить введение нормированного снабжения населения продуктами питания и многократное усиление административного контроля, подкрепленного методами военного управления (Сухова, Ягов 2019: 35). Карточки на продукты питания были введены в июле 1941 г. Хлебные карточки получили название «карточки жизни».

В целях бесперебойного обеспечения продуктами первой необходимости население было поделено на категории: рабочие – повышенного снабжения, I категории, II категории; служащие – I категории, II категории; иждивенцы и дети до 12 лет. Нормы были малы, но «они позволяли жить, работать и не умереть от голода». До 21 ноября 1943 г. норма хлеба по первой категории была 800 г в день, а по второй – 600 г (Савченко, Блесков 2010: 12). Распределяемые по группам и нормам питания «зависели от характера выполняемой работы, возраста и других факторов, влияющих на физиологическую потребность организма». Но факт участия в общественном производстве и обороне советского государства имел первостепенное значение. Так машинисты железнодорожного транспорта имели самую большую пайку, меньше получали рабочие-станочники. Однако, крестьяне, кормившие всю страну, не входили в пайковый контингент. А вот привилегии чиновничьего аппарата с самого начала войны разрастались: горячее питание, литерные обеды (категорий «А», «Б», и «В»), с 1943 г. сухие пайки, усиленное диетическое питание, карточки на ужины и пр. С 1944 г. для руководящих партийных работников вводились бесплатные завтраки, а в феврале 1946 г. были введены карточки дополнительного горячего питания (литер «Б») (Савченко, Блесков 2010: 14). Так выстроилась «система жизни низов» и «система жизни тех, кто командует» (Попов 2004: 311).

Введение нормированного распределения не решило вопрос продовольственного обеспечения. Отоваривание карточек в условиях недостатка выделяемых фондов не устраняло дефицит. Оно стало причиной опозданий рабочих на производство. Поэтому на предприятиях были созданы отделы рабочего снабжения (ОРС). Они отделили рабочих и служащих от остальных категорий населения и помогли устранить проблему опозданий.

Еще одним решением снабжения населения стало расширение сети индивидуального и коллективного огородничества и подсобных хо-

зяйств при предприятиях и учреждениях. Эта государственная политика стала широко пропагандироваться уже в первые годы войны в средствах массовой информации. В условиях, когда с июля 1941 г. до января 1946 г. капитальные вложения в пищевую промышленность составили 339 млн руб., или 4,3% от всех капитальных вложений в промышленность, огородничество и подсобные хозяйства стали реальной возможность для обеспечения питанием рабочих. Столовые на предприятиях получали овощи из своих подсобных хозяйств.

В этой время функционировали колхозные рынки. С 1944 г. начали открываться коммерческие магазины, цены в которых были в 5–6 раз выше государственных цен. Так государство пыталось сдерживать цены на рынке и готовило население к свободной торговле. До 50% потребностей в продуктах питания население покрывало за счет городского рынка (Савченко, Блесков 2010: 13).

В советской историографии 1944 г. считается переломным в производстве продуктов питания. Это было связано с началом восстановления предприятий пищевой промышленности и принятых мер по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. Однако современные исследования доказывают, что материально-техническая база колхозов к концу войны полностью лишилась средств производства и была заменена человеческим ресурсом. Растущие потребности государства в продукции сельского хозяйства приводили к изъятию большей части продукции, полученной колхозами и совхозами, включая часть семенных фондов. Это вело к подрыву самого сельскохозяйственного производства (Белолипецкий 2005: 14). Колхозники получали на трудодни то, что оставалось после сдачи государству и закладки посевного фонда. Сельское хозяйство многих областей значительно пострадало от засухи 1943 г.

В годы войны росли отчисления продовольствия в пользу государства среди всех категорий хозяйств. Значительно увеличилась доля подсобных хозяйств в хлебозаготовках. Подсобные крестьянские хозяйства закрывали план по сдачи государству яиц, масла, мяса. Заготовительные цены были крайне низкими, крестьяне отдавали государству большую часть получаемой продукции практически бесплатно. Для колхозников их личное хозяйство превратилось в основное: оно давало средства для существования и обеспечивало необходимыми продуктами питания. Поэтому в рассматриваемый период, как и прежде, «традиционная крестьянская пища зависела от продуктов, получаемых в собственном хозяйстве» (Лебедева 13: 53). Картофель, зерновые культуры, иногда молоко и яйца, редко мясо. Доля покупных продуктов питания в повседневной жизни крестьян с началом войны значительно снизилась. И если до войны «с ярмарок, базаров привозили предметы

первой необходимости и гостинцы: сахар, чай, баранки и др.» (Лебедева 13: 53), то теперь крестьяне меняли на базаре дрова, сено на хлеб.

После окончания войны началась подготовка к переходу от нормированного распределения к свободной розничной торговле. Но неурожай 1946 г. нарушает государственные планы. Начинается борьба за строгую экономию, цель которой увеличить продовольственные резервы для отмены карточек. В результате сокращались пайковый контингент и пайковые нормы.

Карточки отменяются в декабре 1947 г. Одновременно с объявлением о денежной реформе и отмене карточной системы вышло постановление Совета министров СССР № 3867 от 14 декабря 1947 г. «О нормах продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки». В соответствии с ним устанавливались следующие предельные нормы отпуска товаров: хлеб печеный – 2 кг; крупа, макароны – 1 кг; мясо и мясопродукты – 1 кг; колбасные изделия и копчености – 0,5 кг; сметана – 0, 5 кг; молоко – 1 л; сахар – 0,5 кг и т.д. (Новинская 2014: 105). Причины сохранявшихся норм заключаются в нехватке продуктов и товаров. Так по Пензенской области выделенный лимит хлеба только на 4 тонны превышал карточную норму, выделяемую осенью 1945 г. (Новинская 2016: 113). «Принцип свободной советской торговли» нарушался по всей стране. Кроме нормированной действовала паспортная система продажи хлеба. Эта мера не давала возможность приобрести хлеб в розничной торговле большинством населения области – жителями села.

В целях обеспечения рабочих и служащих хлеб распределялся в первую очередь по предприятиям и учреждениям города. И только его остатки должны были попасть в розничную сеть города. Вместо продажи хлеба до 2 кг в одни руки (как это было предусмотрено приказом Министерства торговли СССР) норма продажи устанавливались в зависимости от выделяемых фондов. Причины отсутствия товара в торгово-розничной сети заключались не только в их прямом отсутствии, но и в многочисленных нарушениях, и некомпетентности ответственных работников. Еще одна важная причина была в том, что 1947 г. был неурожайным.

Хлеб продавали на рынках. Это был не только обычный хлеб из магазинной сети. На рынках продавались разного рода булочки, например, «французские», которые выпекались в домашних условиях из муки, попадавшей разными путями в руки «спекулянтов».

Село после войны испытывало нужду не только в хлебе, но и в других продовольственных и промышленных товарах. Причин было много – удаленность деревень от районных центров, бездорожье и отсутствие транспорта, несогласованная деятельность Облпотребсоюзов,

через которые государство осуществляло торгово-закупочную деятельность в сельской местности, отсутствие четкости и требовательности в работе руководящих структур.

Анализ докладов с мест и сводки официальной отчетности показывает, что сельчане находились в тяжелом материальном положении и в послевоенные годы. Изучение аграрной политики и событий 1946–1947 гг. Р.Р. Хисамутдиновой (Урал) (Хисамутдинова 2003), И.В. Лосевой (Горьковской области) (Лосева 2009), А.И. Репинецким (Самарская область) (Репинецкий 2011), Т.А. Подрезовой (Ставропольский край) (Подрезова 2008), Г.Е. Корниловым (Сибирь) (Корнилов 2014), В.Б. Лапердиной (Омская область) (Лапердин 2013), А.В. Шалак (Восточная Сибирь) (Шалак 2010) позволяет сделать вывод о бедственном положении крестьянского населения по стране в целом. Результаты проверок, предпринятых в ответ на многочисленные просьбы о помощи с мест как от руководства, так и личного характера, показали, что остронуждающихся колхозников и семей отдельных служащих в продуктах питания значительно больше.

Прямым следствием голода стал рост числа заболевших и умерших от таких болезней, как алиментарная дистрофия и септическая ангина. В результате проводимых обследований на местах в целях проверки поступающих сводок с мест, было выявлено, что алиментарной дистрофией, связанной с длительным голоданием, страдало население многих районов страны (Зима 1994: 122–123).

Демографические последствия голода 1946–1947 гг. в современной историографии – вопрос дискуссионный. По подсчетам В.Ф. Зимы «в период с 1946 г. по 1948 г. от голода и вызванных им болезней, в том числе эпидемий тифа, погибло около 2-х млн человек» (Зима 1996: 11). А.В. Шалак считает, что В.Ф. Зима завысил число умерших от голода, включив в их число «и тех, кто умер от различного рода эпидемий, включая тиф, а также дизентерии» (Шалак 2009: 105). В данном случае неточность В.Ф. Зимы состоит лишь в том, что он объединил цифры смертности от заболеваний, причинами которых был голод. Но именно недоедание становилось причиной эпидемий. Употреблять в пищу «ядовитое зерно», которое крестьяне после таяния снега собирали в поле, заставлял их голод. Жительница Горьковской области вспоминает как «после зимы ходили в поле, собирали гнилую картошку, свеклу, лебеду, клевер, толкли картофельную ботву. Все это ели. Молоко, мясо, яйца, шерсть сдавали государству». Употребление ядовитого зерна вызывало септическую ангину. Кроме голода, как главной причины, были и другие обстоятельства, которые усугубляли положение – это удаленность от медучреждений, нехватка койкомест, медперсонала и пр. Так в Пензенской области «в условиях нехватки койкомест

больных тифом помещали в переполненные палаты с другими больными» (Новинская 2014: 104).

На сегодняшний день география изучения голода 1946–1947 гг. охватывает многие регионы бывшего Советского Союза. Это позволяет, прежде всего, собрать информацию, уточняющего характера с точки зрения количественных и качественных показателей, чтобы дать более полную оценку послевоенному голоду.

* * *

Продовольственная политика в годы войны и послевоенные 1946–1947 гг. выстраивалась по принципу «значимости для государства». Крестьяне, кормившие всю страну и создающие сырьевую базу для легкой промышленности, были лишены этого значения. Для всего периода характерно складывание «самых архаичных практик выживания, ориентированных на почти тотальную включенность в систему государственного обеспечения» (Сухова, Ягов: 34). Если в годы войны страна жила под лозунгом «Все для фронта, все для победы!», то в 1946 г. было трудно объяснить народу-победителю причины сокращения хлебных фондов, тем более при увеличении объемов экспорта зерна. Сократившийся в годы войны экспорт зерна до минимума составил в 1946 г. более одного миллиона тонн. В первом полугодии 1947 г. было разбронировано из государственных резервов 4,6 млн тонн зерна. Зерно поставлялось во Францию, Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию и другие страны (Попов 1998: 44). Нельзя забывать, что война, послевоенные трудности, засуха 1946 г. стали причинами «полуголодного существования народа». Они отягощались политикой продразверстки.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белолипецкий В.В. Сельское хозяйство Пензенской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: автореф. … канд. ист. наук. Пенза, 2005.

Васильев А.А. Продовольственный вопрос в аграрной политике или аграрно-продовольственная политика // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро и микропроцессы: сб. статей / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург: РЦРО, 2010. С. 73–79.

Зима В.Ф. Второе раскулачивание (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. №3. С. 122–123.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.

Корнилов Г.Е. Демографический кризис в уральской деревне в середине XX в. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы II Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 173–176.

Лапердин В.Б. Последствия голода 1946–1947 гг. в Омской области // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 4. С. 38–42.

Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М.: РОСПЭН, 2009.

Ленин В.И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 43. Март – июнь 1921.

Лосева И.В. Кризис продовольственного снабжения 1946–1947 годов в Горьковской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 120–123.

Новинская Т.Ю. К вопросу о реформе 1947 года (по материалам Пензенской области) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Т. 2, №2 (18). 2014. С. 102–106.

Новинская Т.Ю. Степень удовлетворения потребностей населения СССР в продуктах питания и товарах первой необходимости во второй половине 1940–1950-е гг. // Успехи современной науки. Белгород: Успехи современной науки, 2016. Т. 4, № 8. С. 113–115.

Попов В.П. Голод 1946-го: причины трагедии // Степные просторы. 1992. № 12.

Попов В.П. Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 24–31.

Попов Г.Х. Об искусстве и жизни. М.: Согласие, 2004.

Подрезова Т.А. Голод 1946–1947 гг. на территории Ставропольского края: причины, масштабы и последствия // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 13. С. 68–74.

Репинецкий А.И. Население и власть в условиях голода 1946–1947 гг. (на материалах Куйбышевской / Самарской области) // Проблемы российской и социальной истории: сб. науч. статей / науч. ред. И.А. Носков. Самара: Самарский университет, 2011. С. 224–230.

Савченко П.В., Блесков Д.А. Государственная система снабжения населения в годы Великой Отечественной войны // Вестник экономической безопасности. 2010. №8. С. 11–15.

Сухова О.А., Ягов О.В. Пензенская деревня в годы Великой Отечественной войны: мобилизационная экономика и практики выживания // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (49). С. 33–44.

Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003.

Шалак А.В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2010. С. 122–133.

Шалак А.В. К оценке масштаба голода 1946–1947 гг. // Историко-экономические исследования. 2009. Т. 10, № 2. С. 100–108.

Сведения об авторе: Новинская Таисия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный технологический университет (440039, проезд Байдукова, 1А, Пенза, Российская Федерация); golub_00@mail.ru

Поступила 13.03.2022 *Принята к публикации 17.05.2022*

FOOD SUPPLY OF THE POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND IN THE FIRST POST-WAR YEARS

T.Yu. Novinskaya

Penza State Technological University
Penza, Russian Federation
golub_00@mail.ru

The relevance of the presented research work is food supply during the Great Patriotic War and in the post-war years. It is determined by its importance in the social-economic development of the country. Food supply should be considered as part of the national agrarian and food policy. The purpose of the research is to conduct a systematic analysis of the factors, which affected the supply, and the mechanisms of food supply implementation. The systematic approach principle to considering the issue constitutes the basis of the research methodology. Shortage, deficit, rationing through cards and other forms were the main characteristic of the socio-economic development of the period under review and were the result of a number of circumstances of a natural, objective and subjective nature.

Keywords: food supply, population categories, rationing, the Great Patriotic War, post-war years

For citation: Novinskaya T.Yu. Prodovol'stvennoye snabzhenie naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i pervye poslevoennye gody [Food supply of the population during the Great Patriotic War and in the first post-war years]. I*storicheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 228–239. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.228-239 (In Russian)

REFERENCES

Belolipetskiy V.V. *Sel'skoe khozyaystvo Penzenskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Agriculture of the Penza Region during the Great Patriotic War. 1941–1945]. Penza, 2005. (In Russian)

Khisamutdinova R.R. *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva na Urale posle okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun' 1945 – mart 1953 gg.)* [The agrarian Policy of the Soviet State in the Urals after the End of the Great Patriotic War (June 1945 – March 1953)]. Orenburg, 2003. (In Russian)

Klyuchevskiy V.O. *Aforizmy. Istoricheskie portrety i etyudy. Dnevniki* [Aphorisms. Historical Portraits and Studies. Diaries]. Moscow, 1993. (In Russian)

Kornilov G.E. Demograficheskiy krizis v ural'skoy derevne v seredine XX v. [Demographic Crisis in a Ural Village in the Middle of the 20th Century]. *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri v XX – nachale XXI v.* Novosibirsk, 2014, pp. 173–176. (In Russian)

Laperdin V.B. Posledstviya goloda 1946–1947 gg. v Omskoy oblasti [Consequences of the 1946–1947 Famine in the Omsk Region]. *Gumanitarnye nauki Sibiri,* 2013, no. 4, pp. 38–42. (In Russian)

Lebedeva L.V. *Povsednevnaya zhizn' penzenskoy derevni v 1920-e gody: traditsii i peremeny* [Everyday Life in a Penza Village in the 1920s: Traditions and Changes]. Moscow, 2009. (In Russian)

Lenin. V.I. Doklad o prodovol'stvennom naloge na sobranii sekretarey i otvetstvennykh predstaviteley yacheek RKP(b) g. Moskvy i Moskovskoy gubernii [Report on the food tax at the meeting of secretaries and responsible representatives of the cells of the RCP (b) of Moscow and the Moscow Province]. *Polnoe sobranie sochineniy*. 5th ed. Vol. 43. Moscow: Politizdat Publ., 1974. (In Russian)

Loseva I.V. Krizis prodovol'stvennogo snabzheniya 1946–1947 godov v Gor'kovskoy oblasti [Food Supply Crisis of 1946–1947 in the Gorkovsk Region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2009, no. 37(175). History, Issue 36, pp. 120–123. (In Russian)

Novinskaya T.Yu. K voprosu o reforme 1947 goda (Po materialam Penzenskoy oblasti) [On the Issue of the Reform of 1947 (based on the materials of the Penza Region)]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastojashhego pljus*. 2014, vol. 2, no. 2(18), pp. 102–106. (In Russian)

Novinskaya T.Yu. Stepen' udovletvoreniya potrebnostey naseleniya SSSR v produktakh pitaniya i tovarakh pervoy neobkhodimosti vo vtoroy polovine 1940–1950-kh gg. [The Degree of Satisfaction of the USSR Population Needs in Food Products and Essential Goods in the Second Half of the 1940s–1950s.]. *Uspekhi sovremennoy nauki*. Belgorod, 2016. Vol. 4, no. 8, pp. 113–115. (In Russian)

Podrezova T.A. Golod 1946–1947 gg. na territorii Stavropol'skogo kraya: prichiny, masshtaby i posledstviya [The Famine of 1946–1947 on the territory of the Stavropol Territory: Causes, Scale and Consequences]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy,* 2008, no. 13, pp. 68–74. (In Russian)

Popov G.Kh. *Ob iskusstve i zhizni* [On Art and Life]. Moscow, 2004. (In Russian)

Popov V.P. Golod 1946-go: prichiny tragedii [The Famine of 1946: Causes of the Tragedy]. *Stepnye prostory,* 1992, no. 12. (In Russian)

Popov V.P. Gosudarstvennyy rezerv khleba v SSSR i social'naya politika [The State Reserve of Bread in the USSR and Social Policy]. *Sociologicheskie issledovaniya,* 1998, no. 5, pp. 24–31. (In Russian)

Repinetskiy A.I. Naselenie i vlast' v usloviyakh goloda 1946–1947 gg. (na materialakh Kuybyshevskoy / Samarskoy oblasti) [Population and Power in the Conditions of the Famine of 1946–1947 (on the materials of the Kuybyshev / Samara Region)]. *Problemy rossiyskoy i social'noy istorii* / ed. I.A. Noskov. Samara, 2011, pp. 224–230. (In Russian)

Savchenko P.V., Bleskov D. A. Gosudarstvennaya sistema snabzheniya naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The State System of Supplying the Population during the Great Patriotic War]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti,* 2010, no. 8, pp. 11–15. (In Russian)

Shalak A.V. Golod v 1940-e gg.: Otsenka masshtabov i social'naya geografiya (na primere Vostochnoy Sibiri) [Famine in the 1940s: Estimation of Scale and Social Geography (on the Example of Eastern Siberia)]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik,* 2010, pp. 122–133. (In Russian)

Shalak A.V. K otsenke masshtaba goloda 1946–1947 gg. [On the Scale Assessment of the Famine of 1946–1947]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya,* 2009, vol. 10, no. 2, pp. 100–108. (In Russian)

Sukhova O.A., Yagov O.V. Penzenskaya derevnya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: mobilizatsionnaja ekonomika i praktiki vyzhivaniya [Penza Village during the Great Patriotic War: Mobilization Economy and Survival Practices]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki,* 2019, no. 1(49), pp. 33–44. (In Russian)

Vasil'ev A.A. Prodovol'stvennyy vopros v agrarnoy politike ili agrarno-prodovol'stvennaya politika [The Food Issue in Agrarian Policy or Agrarian and Food Policy]. *Agrarnaya sfera v kontekste rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vekov:* makroi mikroprocessy / ed. G.E. Kornilov, V.A. Labuzov. Orenburg, 2010, pp. 73–79. (In Russian)

Zima V.F. *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proishozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR of 1946–1947: Origin and Consequences]. Moscow, 1996. (In Russian)

Zima V.F. Vtoroe raskulachivanie (agrarnaya politika kontsa 40-kh – nachala 50-kh godov) [The Second Dispossession (Agrarian Policy of the late 40s – early 50s)]. *Otechestvennaya istoriya,* 1994, no. 3, pp.122–123. (In Russian)

About the author: Taisiya Yu. Novinskaya, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Penza State Technological University (1A, Baydukov passage, Penza 440039, Russian Federation); golub_00@mail.ru

Received March 13, 2022 *Accepted for publication May 17, 2022*

УДК 94(470.41)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ АССР ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И.И. Ханипова

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanipova@mail.ru

Е.Г. Кривоножкина

Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация
katrin1972@yandex.ru

Питание является естественной потребностью человека. Недостаток или отсутствие продуктов сказываются на жизненно важных функциях организма, прежде всего на поддержании здоровья, работоспособности и деторождении. Одной из первых задач государства всегда считается задача по обеспечению населения товарами первой необходимости, прежде всего продуктами питания. Однако в тяжёлые для государства периоды, в том числе накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), обеспечение гражданского населения питанием превратилось для советского государства в сложную задачу. Авторы статьи предпринимают попытку изучения процесса обеспечения городского и сельского населения тылового региона – ТАССР – продовольствием накануне и в годы Великой Отечественной войны путём анализа опубликованных и не опубликованных источников.

Ключевые слова: ТАССР, продовольственное обеспечение, Великая Отечественная война, сельское население, село, город, детские дома.

Для цитирования: Ханипова И.И., Кривоножкина Е.Г. Обеспечение населения Татарской АССР продовольствием накануне и в годы Великой Отечественной войны // Историческая этнология. 2022. Т. 7, № 2. С. 240–253. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.240-253

Питание является основной потребностью человека. Обеспечение населения продуктами питания, как часть аграрно-продовольственной политики, является одной из государственных задач как в мирное, так и в военное время. В статье авторы стремятся восполнить пробелы в изучении довоенной и военной повседневности населения ТАССР в годы Великой Отечественной войны, проанализировав обеспечение продовольствием городских и сельских жителей.

Проблема обеспечения населения ТАССР продовольствием в конце 1930-х гг. – первой половине 1940-х гг. уже поднимались в региональной историографии (Кривоножкина, Ханипова 2011). Объективную картину повседневной жизни населения региона в годы Великой Отечественной войны – материального достатка, бытовых условий, снабжения товарами первой необходимости и продовольственного обеспечения – довольно масштабно и полно представила А.Ш. Кабирова (Кабирова 2009; Кабирова 2015). Вместе с тем, анализируя пути и формы снабжения населения ТАССР в годы военного лихолетья, этот исследователь акцентировал внимание на обеспечении продовольствием горожан, практически не затрагивая организацию снабжения сельского населения.

Принято считать, что одним из спутников Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) был голод. Однако голод в ТАССР, как и во всем Поволжье стал частью жизни населения региона еще в 1920-е годы. Документы показывают, что и в 1930-е годы, накануне Великой Отечественной войны, желаемого достатка продовольствия у населения не было.

Рост цен на важнейшие продукты питания наблюдался в ТАССР начиная с 1936 г. Темпы роста цен значительно увеличились с января по апрель 1940 г. Своего максимума цены достигли весной 1940 г. Наибольший рост цен наблюдался на картофель и капусту: в апреле 1940 г. картофель стоил в 17 раз дороже, чем в 1937 г., а капуста – почти в 27 раз (Кривоножкина, Ханипова 2011). Постановление СНК ТАССР от 9 января 1939 г. об установлении розничной реализационной цены за 1 кг картофеля 40 коп. для Казани и Зеленодольска (ГА РТ Д. 3013: Л. 29) не действовало. Колхозники предпочитали продавать свою продукцию на рынке и не сдавать за бесценок потребкооперации, т.к. рыночные цены во много раз превышали заготовительные. Анализ питания колхозников по бюджетам 1939–1940 гг. показал, что реальное среднемесячное потребление (за исключением муки) было значительно ниже необходимого минимального набора продуктов питания.

К началу 1940-х гг. ситуация с обеспечением сельского населения республики как продовольственными, так и промышленными товарами оставалась крайне напряженной. Инспектор Управления народнохозяйственного учета (далее – УНХУ) Тетюшского района в апреле 1940 г. писал, что в магазинах Государственной торговли и Потребкооперации отсутствуют в продаже сахар, кондитерские изделия, печеный хлеб, что вызывало рост цен на сельскохозяйственные продукты (ГА РТ Д. 427: Л. 51). По сообщению инспекторов УНХУ, по всей республике, за исключением Актанышского, Аксубаевского, Б. Тархановского, Буденовского, Ворошиловского, Заинского, Кайбицкого, Октябрьского, Первомайского районов, где на рынки райцентров увеличился завоз зерновых и муки, повышались цены на все сельскохозяйственные продукты (ГА РТ Д. 427: Л. 58).

Резкое повышение цен на все виды продуктов объяснялось не только уменьшением завоза и повышением спроса. Свою роль сыграли занятость населения и транспорта на весенне-полевых работах, перебои в снабжении продуктами питания государственной торговли. Кроме того, усиленная реализация сельчанами мяса, наблюдавшаяся с осени 1939 г. в результате плохой подготовленности кормовой базы для скота, привела к истощению излишков и сокращению завоза мясных продуктов. Так же обстояло дело и с молочными продуктами. В Казани введение с мая 1940 г. с санкции Казанского горисполкома обязательных средних цен существенно сократило завозы продуктов на рынки города и привело к исчезновению из продажи некоторых продуктов.

Сказалась на повышении цен на продукты питания в конце 1930 – начале 1940-х гг. и «спекуляция» – скупка частными лицами на колхозных рынках Казани продуктов питания для дальнейшей перепродажи. «Спекулянты» приезжали и из других городов – из Йошкар-Олы, Москвы, Ростова-на-Дону (Романов 1940). Имелись на рынках Казани и настоящие спекулянты. Они пользовались удостоверениями колхозников и перекупали мясо, капусту, картофель. Часто перекупщики скупали у сельчан сельхозпродукты прямо на дороге и перепродавали их в столовые, либо продавали на рынках под видом колхозников, ежедневно меняя рынок (ГА РТ Д.427: Л.41; Д. 163: Л. 14, 38, 44–44об, 48об, 57).

Большинство колхозов ТАССР из-за неблагоприятных метеорологических условий и недорода три года подряд накануне войны не выполняли государственные обязательства по хлебопоставкам. Крайне ограниченное количество хлеба выдавалось на трудодень, все чаще появлялись свидетельства об отсутствии у колхозников продовольственного хлеба и употреблении в пищу всевозможных суррогатов. Секрет-

ная переписка между секретарями райкомов ВКП(б) с секретарем Татобкома ВКП(б) А.М. Алемасовым подтверждала значительное ухудшение продовольственного обеспечения сельского населения республики к началу 1941 г. (Кривоножкина, Ханипова 2011: 198–199). Вместе с тем, никто не отменял натуральные повинности, которые сельское население выплачивало в виде обязательных поставок государству в начале 1930-х гг. – отдельных, а к концу 1940 г. почти всех основных продуктов, производимых в приусадебном хозяйстве – зерно, картофель, мясо, молоко, шерсть, кожевенное сырье, яйца (Важнейшие решения… 1948: 587–632).

В годы войны граждане не менее половины потребностей покрывали за счёт колхозного рынка, т.к. карточная система распределения продуктов, установленная в ТАССР с 1 сентября 1941 г. (Гильманов: 93), не обеспечивала их всем необходимым. Со временем ситуация с обеспечением условий для рыночной торговли колхозов еще более осложнилась. Уже к августу 1942 г. сельскохозяйственную продукцию на рынках города в основном продавали частники (колхозники и единоличники, принося свои товары на руках из ближайших к городу населенных пунктов (ГА РТ Д. 31: Л. 25об.). Райкомы ВКП(б) Казани выделяли специальных уполномоченных для заключения договоров с колхозами и организации колхозной торговли сельскохозяйственной продукцией. Однако, колхозы не рассчитавшиеся с госпоставками по всем видам продукции, кроме мяса (ГА РТ Д. 31: Л. 22, 85), и не имея излишков не могли выйти на рынки города.

В условиях начавшейся войны перестройка системы снабжения продовольствием и переход к новым формам торговли коснулись в первую очередь городского населения: введенные нормы снабжения зависели от принадлежности к одной из 4 групп (рабочие и приравненные к ним, служащие и приравненные к ним, иждивенцы, дети до 12 лет), либо от дифференциации по социально-производственному признаку (Кабирова 2009: 149).

В сельской местности, куда была размещена основная часть эвакуированных, уезжавших налегке, порою без самого необходимого, обстоятельства складывались иначе. Даже в годы войны колхозники не получали от государства продовольственные карточки, а вынуждены были ориентироваться только на доходы со своего хозяйства и т.н. трудодни. Нормы выдачи остававшихся в колхозах после госпоставок продуктов зависели от количества выработанных трудодней.

Сами деревенские жители питались в основном за счет урожая картошки и овощей с огородов. Выращенный урожай в основном вы-

носился на базар, особенно в условиях второй половины 1930-х гг., когда оплата трудодней была незначительной или вовсе задерживалась. Закупки в сельпо и лавках периодически появлявшихся в продаже сахара, кондитерских изделий, круп были крайне редкими. В годы войны картошка, потребление которой увеличилось более чем в два раза, являлась в деревне главным продуктом питания. Мясо и молоко стали большой роскошью. С наплывом эвакуированных ситуация с продовольственным обеспечением стала еще более напряженной. Тем более, что нормы продуктов, выдаваемых колхозникам за трудодни, были мизерными, и поделиться продуктами с вновь прибывшими они не могли. Сама выдача продуктов на трудодни не всегда соответствовала количеству выработанных трудодней. Например, в д. Убеи Дрожжановского района колхозник Пётр Иванович Чеканов, отец двух воинов, в 1941 г. добросовестно работал в колхозе, но авансом хлеба получил очень мало. При окончательном расчёте на выработанные трудодни он с большим трудом смог получить один центнер хлеба, ещё два до 1942 г. так и не были получены (ГА РТ Д. 564: Л. 152). И наоборот: Дьяконов Анатолий, эвакуированный из Старо-Русского района Ленинградской области в колхоз им. Ворошилова Б. Тархановского района, с 11 сентября по 31 января 1941 г. выработал 28,12 трудодней, за что ему (из расчёта 900 г на трудодень) полагалось получить 25 кг 300 г хлеба и 5 руб. 26 коп. деньгами (из расчёта 15 коп. за один трудодень). Фактически же Дьяконов получил 700 кг печёного хлеба, 14 кг пшеничной муки, 62 кг картофеля, 1 кг шерсти и 696 рублей (ГА РТ Д. 629: Л. 17). Таких случаев в архивных документах зафиксировано значительное количество. Нелегким было положение сельской интеллигенции и служащих. Письма к руководству республики свидетельствовали о недостаточном обеспечении учителей хлебом (ГА РТ Д. 77: Л. 142). Многочисленные архивные документы дают основание утверждать, что война нивелировала положение практически всех жителей села – им одинаково, независимо от социальной принадлежности, пришлось терпеть нужду и лишения.

Отдельной задачей для руководства ТАССР стала организация полноценного питания для воспитанников детских учреждений, в т.ч. эвакуированных в республику. Реализация и доведение до потребителя фондов по снабжению эвакуированных детей и детских учреждений систематически сталкивалась с трудностями. Основной причиной несвоевременного снабжения эвакуированных детских учреждений стало значительное опоздание фондовых извещений и нарядов Татсоюза и сбытовых организаций на отпуск продуктов питания. Так, на отгрузку

продуктов на август 1941 г. извещения были получены лишь 20 августа, на сентябрь – 16 сентября, ноябрь –19 ноября. Но даже при такой задержке промышленные базы не могли обеспечить своевременную реализацию нарядов и отгрузку товаров в районы. Сбытовая контора Главрыбы систематически не выполняла планового завоза рыбных изделий. Заложенные отгрузки в октябре – 21,5 тонн и в декабре 45 тонн рыбы и сельди были отпущены лишь в количестве 3 тонн, т. е. недогруз выразился в размере 63 тонн. Росглавкондитер недогрузил по районам ТАССР в 4-м квартале 1941 г. свыше 86 тонн кондитерских изделий. Макаронная фабрика недогрузила 30 тонн макаронных изделий. Росглавхлеб поставил лишь 192 тонн хлеба (26,2% от плана), Главросжирмасло – 3 940 кг (29,4% от плана) (ГА РТ Д. 518: Л. 12–15). Отдельные сбытовые организации фактически сорвали план отгрузки товаров. Это крайне отрицательно отразилось на снабжении эвакуированного населения.

Учитывая, что большинство райпотребсоюзов выбирали продукцию собственным гужевым транспортом, особенно отдаленные районы республики – Ютазинский, Октябрьский, Буинский, Куйбышевский, Агрызский, Альметьевский, Мамадышский, Алексеевский, Кузнечихинский, Р. Слободский, Тетюшский, Чистопольский и т. д., то совершенно очевидна роль и участие баз промышленности в деле отгрузки товаров потребкооперации и доведения их до потребителя. Однако, архивные документы содержат немало фактов, когда базы промышленности не использовали прибывавший к ним за получением товаров гужевой транспорт райпотребсоюзов. Так, например, дважды приезжавшие на фабрику «Светоч» обозы Акташского и Куйбышевского райпотребсоюзов за получением кондитерских изделий, вынуждены были вернуться без товаров. Холостые пробеги, срыв снабжения эвакуированных и детдомовцев, непродуманная логистика вносили свою лепту в недопоставку продуктов в районы.

На протяжении последних 4-х месяцев 1941 г. такие продукты, как масло растительное, сахар, животное масло, кондитерские изделия (частично), консервы вместо прямой отправки продукции от поставщиков в районы завозились на базу Татсоюза (Казань) для дальнейшей переотправки. Это создавало кроме транспортных затруднений, накладные расходы, проблемы со складскими помещениями, расфасовкой и отгрузкой товаров на место назначения.

Некоторые продукты питания (животное масло, мясо) райпотребсоюзы должны были получать на месте или из ближайшего райпункта «Заготскот». Наряды, отправляемые почтой, а не телеграфом, прибы-

вали на места с большим опозданием, зачастую их срок уже истекал, что отрицательно отражалось на снабжении детских организаций. Так, тресту «Маслопрома» (г.Чистополь) еще 20 декабря 1941 г. сообщили, что в Бурундуковском маслозаводе отсутствует масло и просили отгрузить из другого района необходимое масло для Буденновского райпотребсоюза. Просьба осталась без внимания, вследствие чего в декабре детские учреждения Буденновского района остались без этого продукта. Аналогичное положение, связанное со срывом поставки мяса и колбасы, возникло по вине Казанского мясокомбината, когда Высокогорский райпотребсоюз даже выставив аккредитивы на стоимость продукции, не смог отоварить наряд на мясо и колбасу по фонду декабря.

В течение 1942 г. детдома получали продукты питания от Райпотребсоюзов из централизованных фондов с большими перерывами. Наряды на сахар, крупу и другие продукты отоваривались несвоевременно, а в Заинском и Мамадышском районах они не отоваривались совсем. В большинстве районов республики из-за невыполнения колхозами государственных поставок не отоваривались наряды на молоко (ГА РТ Д. 441а: Л. 68).

Продовольственная ситуация вызвала необходимость создания в эвакуированных детских домах подсобных хозяйств. Включившись в колхозное производство, детдомовцы наравне с деревенскими подростками зарабатывали трудодни, получая за них продукты от колхозов. Так, в 1942–1943 гг. воспитанники детских домов и интернатов республики заработали на полях колхозов в среднем по 1 000 трудодней, что значительно улучшило питание детдомовцев. Некоторые детдома вырабатывали такое количество трудодней, которое превышало требуемое. Например, Зубцовский детдом, расположенный в Тетюшском районе выработал 3 000 трудодней, интернат ст. Орша Н. Челнинского района – 2 000 трудодней, Тетюшский детдом – 1 800 трудодней. В детдомах Свияжска, в Латвийском детдоме средняя норма выработки на одного воспитанника составила 40–50 трудодней (ГА РТ Д. 551: Л. 124 об.).

Однако говорить об улучшении выделения фондов, обеспечения нарядов на питание детских учреждений ТАССР к 1945 г. у нас нет оснований. К примеру, в I–II квартале 1945 г. детским домам были полностью выданы нормы хлеба; картофель и овощи получены в объеме для создания 10 месячного запаса; сахар и кондитерские изделия – 100 % в I кв. и 101,8 % во II кв.; соль – 100,1 % в I кв. и 100 % во II кв. Не до конца были отоварены жиры (на 100% I кв. и 97,7% во II кв.) мясо, рыба (на 92,9% I кв. и 88,7% во II кв.), яйца (на 90,8 % I кв. и 88,7% во II кв.), крупа и макаронные изделия (на 88,8 % I кв. и 90,6% во

II кв.), мука пшеничная (на 68,3 % I кв. и 67,9% во II кв.), чай (только в I кв. на 104,9 %) (подсчитано по: ГА РФ Д. 5835: Л. 5 об. – 6). По линии Народного комиссариата просвещения ТАССР детским учреждениям выделялось молоко.

Несмотря на улучшение снабжения детских домов в I–III квартале 1945 г. со стороны торгующих организаций ТАССР (прежде всего, Татсоюзом) в районах республики (особенно в Куйбышевском, Верхне-Услонском, Шереметьевском, Актанышском) райпотребсоюзы продолжали недопоставлять детским домам продукты питания. Так, детдом №32 Шереметьевского района в III квартале недополучил мяса и рыбы в объеме 109 кг, жиров – 61 кг, Дрожжановскому району недопоставили 498 кг рыбы и мяса, Сарабикуловскому детдому Шугуровского района недодали мяса и рыбы 104 кг, яиц 1 639 шт., картофеля 3 000 кг, детскому дому №31 Красноборского района – жиров 54 кг, крупы 138 кг, муки 123 кг, яиц 3 005 шт. (ГА РФ Д. 5835: Л. 5 об.). В докладной записке исполняющего обязанности прокурора ТАССР И.С. Надеева и прокурора отдела общего надзора А. Терминасова в Татобком ВКП(б) от 13 января 1942 г. «О продвижении продовольственных товаров, предназначенных для эвакуированного населения» отметилось, что продвижение продовольственных фондов для эвакуированного населения в районы находилось в критическом состоянии. Поставщики не выполняли планы поставок, Наркомторг ТАССР, не обеспечивал контроль по отовариванию всех фондов, спускаемых на места для эвакуированных.

Актуальным оставался вопрос правильности расходования продовольственных фондов, предназначенных для эвакуированных. По данным проверки Прокуратуры ТАССР видно, что выделенные фонды в большинстве случаев расходовались не по прямому назначению, эвакуированные получали продукты несвоевременно и не в том количестве, которое им полагалось получить. Так, по Бугульминскому району из отправленных в сентябре-октябре 1941 г. продуктов питания, примерно из 2 тонн плановых кондитерских изделий отпущено эвакуированным лишь 311 кг, из 740 кг сахара – лишь 149 кг, из 1,5 тонн колбасы лишь 92 кг. Такое же положение складывалось и по другим видам продуктов.

В Акташском районе оставались невыкупленными продовольственные фонды: в сентябре – 6 ящиков яиц, колбасы 500 кг. Конфеты, предназначенные эвакуированным в количестве 2 390 кг, были проданы не эвакуированным. 400 кг масла распродано не по прямому назначению, в то время как детские площадки и санатории остались недо-

снабженными. Например, Татарскому Азбековскому отделению Семиостровского сельпо распродали 20 кг сахара, предназначенного для детских яслей. Подобные факты расходования специальных продуктовых фондов фиксировались в Такталачукском, Азякульском, Ново-Алимовском сельпо Актанышского района.

Отсутствие учета расходования спецфондов наблюдалось в Верхне-Услонском районе. Остатки неизрасходованных фондов реализовывались через ресторан В.Услонского райпотребсоюза, т.к. продукты спецфондов при поступлении в райпотребсоюз обезличивались и отдельного оперативного учета не велось. Аналогичная ситуация наблюдалась в снабжении эвакуированных Юдинского района, когда имела место недопоставка продовольственных фондов, предназначенных для эвакуированных, и расходование отпущенных продуктов на местах не по прямому назначению.

Часто торгово-промышленные базы (Главрыба, Роскондитер, Главкондитер, Маслопром, макаронная фабрика, мясокомбинат) срывали планы отгрузки товаров в районы даже для эвакуированных детей и детских учреждений. Татсоюз не всегда обеспечивал проверку на местах правильности расходования продуктов питания, предназначенных для эвакуированных детей и детдомов.

Наркомторг ТАССР, выдавая наряды, не обеспечивал их отовариванием, т.к. не проверял фактическое наличие у баз промышленности товаров. В результате создавалось такое положение, когда снабжающие организации, упомянутые выше, были не в состоянии обеспечить выполнение плана отгрузки товаров в районы. Не отслеживал Наркомторг и своевременного спуска нарядов базами на места. Фактически в условиях войны базы промышленности не выполняли своих основных функций по отгрузке товаров в районы. Это вызывало большие затруднения для Татсоюза и низовых потребительских организаций по транспортировке товаров по районам. Прокуратура ТАССР, получая сигналы о проблемах с расходованием продовольственных фондов, предназначенных для эвакуированного населения, издавала соответствующие директивы районным прокурорам. В них звучало требование усиления контроля над расходованием продовольственных фондов с привлечением конкретных виновников к уголовной ответственности (ГА РТ Д. 518: Л. 12–15).

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. советские и партийные организации Татарской АССР в феврале-марте 1943 г. организовали сбор средств в Фонд помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны. Только по 32 сельским районам нуждаю-

щиеся получили 4008 центеров продовольствия и овощей. Например, колхозники колхоза «Искра» за один день внесли в этот фонд из личных запасов 37 пудов хлеба, 125 пудов картофеля, 10 фунтов масла, 120 л молока, 4800 рублей деньгами (Татария…: 127–128). В целом в республике за 1943/1944 гг. было собрано 13 млн рублей, 10474 тонн продовольствия, 5118 голов скота. К 1 января 1945 г. семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны, проживающим в республике, было выдано пенсий, пособий на общую сумму более 810 млн 500 тыс. рублей (Татария…: 334, 335). Это была значительная поддержка нуждающихся. Однако, на наш взгляд, для оказания реальной помощи семьям военнослужащих, проживающих в сельской местности, требовалась не мобилизация средств остального населения, большая часть которого сама испытывала нужду, а изменение системы производственных отношений, в результате которого сельчане полностью обеспечивались самыми необходимыми продуктами. В условиях войны сделать это было невозможно, но и после войны ситуация не изменилась. Одной рукой государство представляло семьям фронтовиков средства для существования в виде денежных пособий, а другой, изымая из деревни практически всю сельскохозяйственную продукцию, лишало эти семьи нормальной жизни. Цены на продукты в условиях дефицита росли, многие эвакуированные семьи военнослужащих не обзавелись собственным хозяйством, им не хватало денежного пособия. Поэтому им снова требовалась помощь.

Несмотря на предпринимаемые властными структурами меры по решению продовольственной проблемы (в частности, обсуждение в июле 1943 г. на VI сессии Верховного Совета ТАССР вопроса о производстве продовольственных товаров из местного сырья) ситуация с продовольственным обеспечением населения ТАССР к 1944 г. крайне обострилась (Кривоножкина, Ханипова: 187–188). Руководство республики прилагало разные усилия, чтобы ликвидировать дефицит продовольствия в городах. Но село оставалось предоставлено лишь себе.

Чтобы хоть как-то помочь особо остронуждающимся семьям, в большинстве районов республики стали организовывать кассы взаимопомощи, специальные финансово-продовольственный и материальный фонды. К примеру, 4 ноября 1944 г. в одном из колхозов Кузнечихинского района из фондов гособеспечения была оказана помощь остро нуждающимся детям-беспризорникам, семьям фронтовиков и инвалидам – вещами и обувью в количестве 25 шт. (ГА РТ Д. 161: Л. 1). Но такие формы поддержки были действенными в городах, хотя помощь, оказываемая организациями и предприятиями, носила разноплановый

характер и сильно различалась от материальных возможностей собирающих. К примеру, в декабре 1941 г. детям от 3-х до 12-ти лет работников ЦКБ-32, размещенном в Советском районе Казани, были розданы продовольственные карточки, выдано 39 кг крупы и 19 кг жиров, 3 пары шерстяных носок, 2 м бязи, 4 пары кожаных ботинок (ГА РТ Д. 1178: Л. 52).

На заводе №340, где работало значительное число эвакуированных, невыполнение нарядов и выделение товаров по фондам максимум на 50–60% от положенных норм привело к ухудшению общественного питания работников завода. Из-за неотоваривания продовольственных карточек у рабочих фиксировалась дистрофия и авитаминоз, выросла смертность. Так, в I-й квартал 1944 г. от тяжелой формы дистрофии умерло 4 работника из 13 заводчан, находившихся на излечении в городской больнице. В крайне тяжелом положении находились семьи рабочих, имевшие лишь паек в виде хлеба и кондитерских изделий. В детских садах завода, в которых воспитывалось 700 детей рабочих, питание детей было очень плохим из-за отсутствия овощей, в т.ч. картофеля. С января 1944 г. дети, находившиеся в детсадах по 12 часов, были переведены с 4-х разового питания на 3-х разовое. Калорийность суточного питания ребенка вместо положенных 980 калорий составляла 590–600 калорий. Из-за систематического недоедания основная часть детей работников завода была ослабленной. Завод запросил на II-й квартал дополнительные фонды для организации питания рабочих и их детей (ГА РТ Д. 407: Л. 88–88 об.). Для поддержки голодающего населения максимально использовались подручные средства. Так, в детских учреждениях, лечебных заведениях и общественных столовых предприятий для борьбы с авитаминозами готовились напитки из хвои (ГА РТ Д. 538: Л. 299).

Продуктовое обеспечение населения накануне и в годы Великой Отечественной войны оставляло желать лучшего. Оплата труда по остаточному принципу, не достигавшая даже установленного минимума, направленность всей колхозной продукции на выполнение государственных поставок, пополнение семенных и других обязательных фондов, а также тотальная мобилизация денежных средств граждан на сельхозналог, в фонд Обороны и на нужды действующей армии в годы войны, практически обрекали и сельчан, и горожан на полуголодное существование.

Большую роль в структуре доходов сельской семьи играло лично подсобное хозяйство. Однако, в условиях выполнения обязательных

государственных поставок в семьях практически не оставалось продукции из личного хозяйства.

Срыв снабжения продуктами питания эвакуированного контингента, и в первую очередь детей (особенно в первые месяцы и годы войны) был вызван объективными причинами – нехваткой транспорта, непродуманной логистикой, недостаточными объемами производства.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 годы. М.: Сельхозгиз, 1948.

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 5. Д. 441 а.

ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 518.

ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 551.

ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 564

ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 629.

ГА РТ. Ф. П-111. Оп. 1. Д. 161.

ГА РТ. Ф. П-1346. Оп. 1. Д. 1178.

ГА РТ. Ф. П-2057. Оп. 1. Д. 407.

ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3013.

ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 17. Д. 163.

ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 17. Д. 427.

ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 538.

ГА РТ. Ф. Р-3542. Оп. 1. Д. 31.

ГА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 77.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5835.

Романов Л. Шире развернуть колхозную торговлю // Красная Татария. 1940. 27 февраля.

Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Сборник документов и материалов / Сост. А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. Казань: Татарское кн. изд-во, 1963.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Казань: Татарское кн. изд-во, 1977.

Кабирова А.Ш. Продовольственное снабжение населения Татарстана в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151, кн. 2, ч. 2. С. 148–156.

Кабирова А.Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЯЗ, 2015.

Кривоножкина Е.Г., Ханипова И.И. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.). Казань, 2011.

Сведения об авторах: Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующей отделом новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ihanipova@mail.ru

Кривоножкина Екатерина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики высшей школы Института психологии и образования, Казанский федеральный университет (420111, ул. Межлаука, 1, Казань, Российская Федерация); katrin1972@yandex.ru

Поступила 6.06.2022 *Принята к публикации 8.08.2022*

PROVIDING THE POPULATION OF THE TATAR ASSR WITH FOOD ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

I.I. Khanipova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru

E.G. Krivonozhkina

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
katrin1972@yandex.ru

Nutrition is a natural human need. The lack or absence of products affects all vital functions of the body, primarily maintaining health, working capacity, and childbearing. One of the first tasks of the state at all times is the task to provide the population with essential goods, and, above all, with foodstuff. However, in difficult periods for the state, such as on the eve and during the Great Patriotic War (1941–1945), providing the civilian population with food constituted a difficult task for our state. In the presented article, the authors has made an attempt to study the process of providing the urban and rural population of the rear region – the Republic of Tatarstan – with food on the eve and during the Great Patriotic War and fill in the gaps in this problem by the means of analyzing published and unpublished sources.

Keywords: TASSR, food supply, the Great Patriotic War, rural population, village, city, orphanages.

For citation: Khanipova I.I., Krivonozhkina E.G. Obespecheniye naseleniya Tatarskoy ASSR prodovol'stviyem nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Providing the population of the Tatar ASSR with food on the eve and during the Great Patriotic war]. *Istoricheskaya etnologiya,* 2022, vol. 7, no. 2, pp. 240–253. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.240-253 (In Russian)

REFERENCES

Gil'manov Z.I. *Tatarskaya ASSR v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.)* [Tatar ASSR in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Kazan, 1977. (In Russian)

Kabirova A.Sh. Prodovol'stvennoe snabzhenie naseleniya Tatarstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Supplying Foodstuff to the Population of Tatarstan during the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, vol. 151, book 2, ch. 2, pp. 148–156. (In Russian)

Kabirova A.Sh. *Tatarstan v gody voennykh ispytaniy (1941–1945 gg.)* [Tatarstan during the Years of Military Trials (1941–1945)]. Kazan, 2015. (In Russian)

Krivonozhkina E.G., Khanipova I.I. *Sel'skoe naselenie Tatarskoy ASSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1937–1945 gg.)* [The Rural Population of Tatar ASSR on the Eve and during the Great Patriotic War (1937–1945)]. Kazan, 2011. (In Russian)

About the authors: Ilnara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, Acting Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ihanipova@mail.ru

Ekaterina G. Krivonozhkina, Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Higher School's Pedagogy Department of the Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University (1, Mezhlauk St., Kazan 420111, Russian Federation); katrin1972@yandex.ru

Received June 6, 2022 Accepted for publication August 8, 2022

УДК 739.2+7.04+7.033.3

О ДВУХ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ПОДВЕСКАХ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ОПЫТ ЭТНОЛОГО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С.В. Суслова

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
sv_suslova@mail.ru

Л.Н. Донина

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lis.art@mail.ru

Экспертный историко-этнологический и технологический анализ двух центральноазиатских подвесок из фондов Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (экспозиция 2014 г.) позволяет считать их вариациями традиционного ювелирного украшения типа *чулпы* волго-уральских татар. Они представляют собой подвески для кос из блях и серебряных монет, собранных в различных композициях. Генезис их конструктивно и функционально связан с традициями финно-угорского населения Волжской Булгарии. *Чулпы* широко использовались и для декора других типов татарских накосников – матерчатых, сформировавшихся в русле иных, тюрко-кочевнических традиций Евразии. Филигранная подвеска из блях лопастной формы представляет собой яркий образец этнокультурных и художественных традиций волго-уральских татар. Особенно это подтверждает технология изготовления бляхи, полностью соответствующая ремесленным традициям казанско-татарской ювелирной школы. Другая подвеска с пластинчатыми бляхами тюльпанообразной формы также изготовлена татарскими мастерами, но с учетом ряда локальных центральноазиатских (казахских) ювелирных традиций. Трансляция этноспецифических татарских украшений в традиционную культуру тюрко-мусульманских народов Евразии,

в том числе и центральноазиатских, осуществлялась благодаря функционированию на востоке Волго-Уральского региона «вторичных» казанско-татарских очагов ювелирного производства. Особенно этому способствовали производственная и торговая деятельность известного в России Рыбно-Слободского кустарного промысла. Анализ проведен на базе типологических, картографических и иллюстративных материалов Историко-этнографического атласа татарского народа (том «Народный костюм»).

Ключевые слова: украшения кос, ювелирные традиции, татары, волжские булгары, тюрко-кочевники.

Для цитирования: Суслова С.В., Донина Л.Н. О двух центральноазиатских подвесках из фондов Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук: опыт этнолого-технологической экспертизы // Историческая этнология. 2022. Т. 7, №. 2. С. 254–273. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.254-273

В рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии: общее и особенное» (проект № 13-06-97056) нами изучались источники в фондах и экспозициях крупнейших российских музеев. В экспозиции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (далее – МАЭ РАН) 2014 г., посвященной ювелирному искусству Ирана и Центральной Азии XVIII–XIX вв., наше внимание привлекли две серебряные подвески из блях – филигранной лопастной и пластинчатой тюльпанообразной формы (рис. 1), позволяющие по ряду признаков считать их вариациями накосных украшений волго-уральских татарок.

С целью более точной атрибуции осуществлен углубленный историко-этнологический и технологический анализ этих предметов. Экспертиза проведена на базе типологических и картографических материалов Историко-этнографического атласа татарского народа (Суслова, Мухамедова 2000). Использован и богатый корпус иллюстративных источников, собранных в период работы над атласом (1971–2000 гг.), часть которых оцифрована и хранится в архиве отдела этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ. Технико-технологические аспекты экспертизы осуществлены на основе разработанных прежде подходов с использованием современных цифровых технологий (Донина, Суслова 2018).

Украшения кос, которым придавалось магическое значение, у татарок, как и у большинства тюрков Евразии, получили самое широкое распространение. Они были чрезвычайно разнообразны по форме, де-

кору, по способам ношения и технике изготовления. По материалам историко-этнографического атласа у татар выявлено три основных типа накосников (Суслова, Мухамедова 2000: 204–210), среди которых чисто ювелирными являются накосники *чулпы* – подвески из блях и серебряных монет, собранных в различных композициях (рис. 2). Встречаются накосники из одной, двух, трех блях. Имеются экземпляры, состоящие из шести и даже девяти блях, соединенных в два или три ряда коромыслицем. К ним, как правило, прикреплялись подвески: серебряные монеты или специально изготовленные бляхи (рис. 3). Такие украшения крепились сразу к обеим косам или же использовались при оформлении конца матерчатых накосников (рис. 4). Молодые женщины носили их в комплексе с калфакообразными (праздничными) уборами (рис. 5), в повседневном быту – с платком, повязанным на кромку с распущенным по спине полотнищем – «по-татарски». До глубокой старости это украшение носили с традиционными покрывалами и женщины старшего поколения.

Чулпы из блях преобладали у всех этнотерриториальных групп волго-уральских татар (кроме крещеных – «кряшен»). Благодаря казанско-татарскому ремесленному и рыбно-слободскому кустарному очагам ювелирного производства они транслировались в традиционную культуру сибирских, астраханских татар, тюркских и других народов Евразии, в том числе и центральноазиатских. Их носили башкирки (Шитова 1995: 125), узбечки (Государственный музей истории культуры Узбекистана, Самарканд, инв. № Э-79-228; Государственный музей Искусств Узбекистана, Ташкент, инв. № 7-36), казашки (Тохтабаева 2008; рис. 125б), нередко и финно-угорские народы, причем часто не по назначению (рис. 6). В качестве красивой ювелирной вещицы ими украшались женские нагрудники, височные украшения или головные уборы.

Древнейшим центром производства этого типа накосных украшений являлась Казань (Ново-Татарская слобода) и районы Заказанья, особенно Казанский, Мамадышский, Лаишевский уезды Казанской губернии. На их базе в середине XIX – начале XX в. в различных, в том числе и восточных районах Волго-Уральского региона, возникает ряд «вторичных» очагов, созданных татарскими ювелирами, попавшими в периферийные районы в силу различных исторических причин. По картографическим материалам Атласа (Суслова, Мухамедова 2000: 293) в Оренбургской губернии – это Сеитова слобода Оренбургского уезда, деревня Попово Троицкого уезда; в Уфимской губернии – деревня Кшаны Стерлитамакского уезда (Суслова, Мухамедова 2000: 194–196). Ювелиры «вторичных» центров, как и в Заказанье, работали на заказ. Они изготавливали татарские украшения, сохраняя традиционные технологии и учитывая вкусы местного населения.

Рис. 1. Подвески в экспозиции МАЭ РАН. Серебро, сердолик, стекло, железо. Иран, Центральная Азия. XVIII–XIX вв. Экспозиция 2014 г.

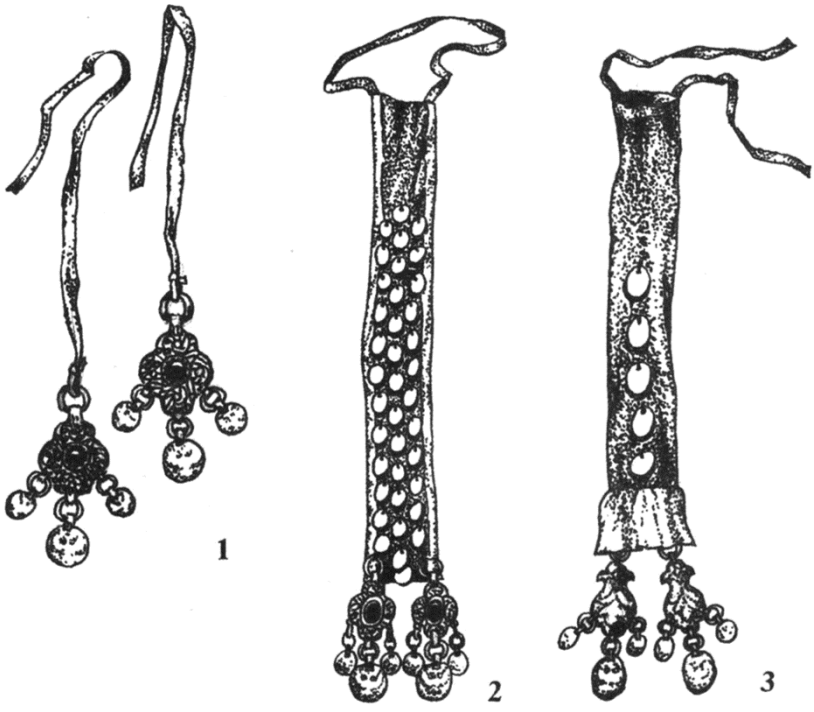

Рис. 2. Типы накосных украшений волго-уральских татар:
1 – *чулпы*, 2 – *чәч тәнкәсе*, 3 – *чәчкап*.
(Суслова, Мухамедова 2000: 204).

Рис. 3. Накосники *чулпы*. Серебро, бирюза, аметист, стекло, филигрань, чеканка. Казанские татары. XIX в. НМ РТ. (Суслова, Мухамедова 2000: 205).

Рис. 4. Матерчатый накосник *чәч тәнкәсе,* декорированый филигранными чулпы. Кряшены. НМ РТ. (Суслова 2018: 16).

Рис. 5. *Чулпы* в комплексе городского костюма казанских татар. Конец XIX в. Из фондов НМ РТ. Фото С.В. Сусловой.

Рис. 6. Накосники *чулпы* в комплексе головного убора башкир. XIX в. Выставка РЭМ «Этнокультурное наследие Шелкового пути: вдоль Волги и Каспия» (Казань, 2019).

Рис. 7. Накосники *чулпы* из блях лопастной формы. Серебро, филигрань, сердолик, стекло. Казанские татары. XIX в. НМ РТ, № 10264-16. Фото Л.Н. Дониной.

Рис. 8. Бляха лопастной формы. НМ РТ, № 10264-16.

Рис. 9. Накосник *чулпы* из бляхи тюльпанообразной формы. Бронза, литьё, гравировка. Казанское ханство (?). https://mdrussia.ru/topic/119342-ukrasheniya/ (дата обращения 07.01.2022).

Рис. 10. Накосное украшение. Серебро, гравировка. Казахи. Конец XIX в. Южный Казахстан. Татарская работа. Выставка РЭМ «Этнокультурное наследие Шелкового пути: вдоль Волги и Каспия» (Казань, 2019).

Рис. 11. Реконструкция финно-угорского костюма с накосниками типа *чулпы*. (Крыласова 2001: 72–73).

Рис. 12. Накосник *чәч тәнкәсе* в платочном комплексе девичьего головного убора. Казанские татары. Начало XX в. Д. Большой Салтан, Пестречинский р-н ТАССР. Экспедиция 1972 г. Фото С.В. Сусловой.

Однако особая роль в проникновении их на восток играли русские ювелиры, занимавшиеся изготовлением традиционных татарских украшений в с. Рыбная Слобода на Каме. В конце XIX в., в период расцвета рыночных отношений, ювелирное дело в селе Рыбная Слобода превратилось в крупный кустарный промысел. В 1891 г. ювелирно-металлическим промыслом в Рыбной слободе зарабатывали в 50 домах: 67 мастеров, 22 наемных рабочих и ученика (Давыдова 1895: 116). В начале XX в., согласно отчету статистического бюро Казанского губернского земства, число серебряников составляло 106 человек: мужчин 91, женщин 15, в том числе 28 подростков (Мелкая промышленность: 221–225). В 1913 г. промыслом было занято 77 дворов (Гильдт 1913: 9). Кустари копировали основные виды татарских ювелирных украшений, в том числе и наиболее востребованные в тюркском мире

накосники *чулпы*. Типовая продукция сбывалась на ярмарках – Рождественской, Нижегородской, Мензелинской, Ирбитской (Воробьев, Бусыгин 1957: 18). Значительная их часть попадала в Среднюю и Центральную Азию, особенно Казахстан, Киргизию, Туркменский край (Обзор кустарных занятий: 70). Недаром улицу в Рыбной Слободе, где жили ювелиры, называли Хивой. Изготавливались кустарями и высокохудожественные вещи, которые приобретались музеями. Филигранные золотые украшения династия ювелиров Хавановых поставляла в Таджикистан, Туркмению, Узбекистан (Трофимова 2006: 71).

Татарские *чулпы,* как особый тип украшений, для изготовления которых применялись различные технологии, обладают характерной функционально-образной структурой (рис. 7). Прежде всего, это составное украшение, детали которого выстраиваются в композицию по вертикали. Центральным звеном служит крупная бляха. К двум ее противоположным сторонам напаяны широкие плоские петли для массивных колец. Верхнее кольцо предназначалось для тесьмы, которая вплеталась в косу, нижнее – для соединения с подвеской. В этом качестве служили, в основном, российские монеты, которые подвешивались на лицевую сторону *чулпы* с изображением орла. Наиболее распространенными у татар были *чулпы,* в основе которых лежала бляха лопастной формы.

В экспозиции МАЭ РАН представлены две подвески, аналогичные татарским *чулпы*. Одна из них состоит из двух филигранных блях лопастной формы с одной подвеской в виде монеты крупного достоинства. Бляхи различаются величиной и структурой каркаса. Для более точной их атрибуции был проведен технологический анализ каждого элемента украшения, в первую очередь самих лопастных блях. Их основой служит трёхчастный силовой каркас, элементы которого изготовлены из гладкой проволоки прямоугольного сечения и соединены пайкой. Внешняя его часть определяется силуэтом бляхи, внутренняя служит для вставки кабошона. Части каркаса соединены геометрическими мотивами в виде прямых отрезков или изогнутой скобы. Крупный овальный сердолик в пластинчатой оправе возвышается над плоскостью филиграни. С лицевой стороны по краю оправа имеет насечку в виде мелких зубцов. Петли для колец изготовлены из полосы металла, прокатанного в вальцах с желобчатыми углублениями. Основным мотивом миниатюрной орнаментации служит односторонний завиток в один оборот из вальцованной проволоки, соответствующей высоте каркаса (рис. 8). Технология ажурной филиграни этой лопастной бляхи полностью соответствует ремесленным и художественным традициям казанско-татарской ювелирной школы. В предыдущих работах, посвященных выявлению генезиса казанской филиграни, нами обосновывается её связь с искусством филиграни булгарского улуса Золотой Орды

(Донина, Суслова 2019). На джучидские ее традиции ранее обращал внимание и М.Г. Крамаровский (Крамаровский 2000).

Вторая подвеска из экспозиции МАЭ РАН по технологии изготовления также являет собой близкий аналог казанско-татарским накосникам. По конструктивно-композиционному принципу сборки это также двухчастные *чулпы*, но в основе которых лежат бляхи из металлических пластин. Верхняя бляха представляет собой мотив закрытого тюльпана, нижняя, более крупная – раскрытого. К бляхам подвешены серебряные российские монеты (один рубль и шесть полтинников). Для татарской традиции также характерны тульпанообразные сюжеты, однако их силуэты более замкнутые и округлые (рис. 3). Татарские бляхи чаще украшались цветочно-растительным орнаментом, выполненным традиционной плоскорельефной чеканкой способом насечки на зерневом фоне. Декором блях из МАЭ РАН является выделенный фактурой (гравировкой, тауровкой?) силуэт, повторяющий их контуры и служащий обрамлением для вставки крупного сердолика. В ряд аналогий легко встраиваются одночастные татарские тюльпанообразные *чулпы*, выполненные в технике литья в песчаную форму, которые относятся к хронологически более ранним материалам (Казанское ханство?) (рис. 9), а также более поздние аналоги из металлических пластин, с традиционным чеканным цветочно-растительным орнаментом (рис. 10).

Вероятнее всего, подвески-чулпы с гравированными пластинчатыми бляхами из Кунсткамеры были изготовлены татарами в одном из вторичных ювелирных очагов производства, скорее всего по заказам казахов. В этом убеждают заостренные формы тюльпанообразных силуэтов, отсутствие цветочно-растительного орнамента, использование свойственной для казахского ювелирного искусства технологии гравировки. Татарскую работу подтверждает и традиция использования российских серебряных монет, что не было характерным для казахских ремесленников, применяющих обычно специально изготовленные бляхи.

Татарские накосники *чулпы* по ряду параметров – конструктивно (бляха с подвесками) и особенно функционально (подвеска к косам) восходят к раннебулгарским накосным украшениям из литых шумящих подвесок. Они были характерны и для женского наряда древневенгерских племен, обитавших на территории Средней Волги и Нижней Камы и участвовавших в сложении этноса и культуры Волжской Булгарии (Халикова 1976: 155). В XIX – начале XX в. накосники из литых блях среди татарок имели незначительное распространение (Суслова, Мухамедова 2000: 206). Как известно, система контроля за оборотом драгоценного металла в Российской империи вплоть до конца XIX в. ставила под особый запрет литье (Полное собрание законов: 691–692), что привело к переориентации региональных ремесленных традиций.

Шире литые *чулпы* бытовали в более раннее время, в периоды Казанского ханства и Волжской Булгарии, о чем свидетельствует средневековый археологический материал (рис. 9). Литые накосники были распространены в финно-угорских погребениях, особенно в марийских древностях. Согласно исследованию Н.Б. Крыласовой, так называемые «арочные» накосники из ажурных литых блях с подвесками, были характерны для финно-угорского населения Пермского Предуралья (Крыласова 2001: 61–73) (рис. 11). Известный булгаровед Е.П. Казаков считает, что такие шумящие подвески попали и в Волжскую Болгарию. На Билярском городище была найдена литейная форма для изготовления «арочных» накосников, что свидетельствует об их производстве непосредственно в домонгольской столице (Культура Биляра 1985: табл. XXXVI – 9). Более того, А.М. Белавин высказал предположение о том, что, «возникнув в VIII в., шумящие накосники прошли длительную эволюцию и развились в украшения типа татарских *чулпы*, прослеживаемые в этнографическое время у тюркских народов» (Белавин 1989: 20). Нам остается только присоединиться к компетентному мнению известных археологов. В этом убеждает и тот факт, что в золотоордынских и кочевнических памятниках Восточной Европы накосники типа *чулпы* не выявлены.

В качестве декоративного элемента *чулпы* нередко входили в состав других типов татарских накосников – матерчатых, очевидно, на поздних этапах их формирования. Накосник *чәч тәнкәсе* (*тезмә*) состоял из простеганных одной или двух-трех полос ткани или позументных лент, украшенных монетами, ювелирными поделками, бляхами, и скрепленных между собой перемычками. Нижний конец накосника (хвост) редко оставался неукрашенным. Обычно он оформлялся ювелирным украшением *чулпы*, подвесками из коралловых бус, колокольчиками или позументными кистями. Нижний конец накосника прикрывал две косы сверху донизу. *Чәч тәнкәсе* – преимущественно девичье украшение казанских татар и кряшен. Он был достаточно тяжелым, особенно у кряшен, поэтому крепился не только у основания кос тесемками, но порою и дополнительно на лбу или вокруг лица наподобие уздечки (рис. 12, 13). Бытовал *чәч тәнкәсе* и у касимовских татар, и у сергачских мишарей, тесно связанных в этнокультурном отношении с казанскими татарами. Его носили в комплексе головного убора *ак калфак* (белый калпак) или с большим бархатным калфаком. Близкие аналоги накоснику *чәч тәнкәсе* из одной простеганной полосы ткани известны у башкир (Шитова 1995: 124), в комплексе с *хушпу* у чувашей (Ягафова 1998: 168), как татарское заимствование у соседних финно-угорских народов края, например, у восточных марийцев (Молотова 2020: 304).

Рис. 13. *Чәч тәнкәсе* в девичьем калфачном комплексе головного убора. Середина XIX в. Реконструкция С.В. Сусловой по материалам Казанского уезда Казанской губ. Рис. Д. Залялетдинова.

Рис. 14. Накосник *чәчкап* в комплексе головного убора тастар. Мишари. Середина XIX в. Реконструкция С.В. Сусловой по материалам Кузнецкого и Хвалынского уездов Саратовской губ. Рис. Д. Залялетдинова.

Рис. 15. Чехлы для кос из шерсти. Пазырыкский курган №2. Экспозиция ГЭ, инв. №1684/242, 243.

Происхождение *чәч тәнкәсе* исследователи связывают со средневековыми тюркскими женскими головными уборами типа *кашпау,* которые имели сзади спускающийся вдоль кос длинный «хвост». В XVIII в. о нем писал Георги: «От шапки висит затылочное украшение, шириной в ладонь» (Георги: рис. 27, 28). По мнению Н.И. Воробьева, у татар этот головной убор был заменен калфаком, а наспинная лопасть эволюционировала в накосник (Воробьев, Бусыгин 1957: 282).

Интересен другой матерчатый накосник *чәчкап* (*чәч капчыгы*) – в виде чехла, футляра для кос. Он украшался монетами, вышивкой, а хвост его – нередко и *чулпы*. Накосник-чехол является составным элементом тастарного комплекса головного убора касимовских татар и южных (степных) групп татар-мишарей (рис. 14). Любопытными аналогами с точки зрения их генезиса являются нижние головные уборы ногаек Терско-Сулакской низменности – мешочки (чехлы) для волос *шуткъу,* описанные С.Ш. Гаджиевой: «В *шуткъу* сперва опускали косы, а затем его, как чепец, надевали на голову. Убор плотно облегал голову и спадал с косами на спину» (Гаджиева 1976: 150). Сопоставимым в типологическом и функциональном отношении с *шуткъу* является нижний головной убор астраханских карагашек, который состоял из волосника-чепца, к нижнему краю которого со стороны спины при-

шивалась полоса ткани, прикрывающая косы (Суслова 1992: 41). Мишарки надевали волосник *чәчкап* также с чепцом.

Матерчатые накосники-чехлы происхождением связаны с древними тюркскими головными уборами. Тюрко-кочевнические их варианты на территории Казахстана известны с эпохи бронзы. Они включали один или несколько чехлов для кос в виде наспинной лопасти-хвоста, наподобие *чәчкап* (Усманова, Логвин 1998: 29, 43, 49). Прототип мишарского накосника-чехла обнаруживаем у кочевников Алтая в скифскую эпоху. Это, например, накосники-чехлы из шерсти из Пазырыкского кургана № 2 (рис. 15). Судя по средневековым археологическим материалам, кочевники Восточной Европы также скрывали косы в специальные чехлы-футляры. С.А. Плетнёва в работе «Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях», описывая женские головные уборы на каменных изваяниях кочевников, отмечает, что к ним «часто прикреплялась спускающаяся на спину лопасть… косы никогда не изображались с насечками – видимо их носили заключенными в футляры» (Плетнева 1958: 211) (рис. 16). В этой же работе она приводит любопытное упоминание А. Терещенко о головном уборе казашек, относящееся к середине XIX в.: «Волосы женщины и девушки разделяют на две и три косы: две висят по плечам, третья обшита в бархат. Иногда вместо косы – лопасть, украшенная кистями, лентами и бляхами» (Терещенко 1853: 68). Подобные головные уборы казашек хранятся в Центральном Государственном музее Казахстана (рис. 17). Любопытен и возможный монгольский след в генезисе *чәч кап*. У забайкальских бурят известны узкие длинные чехлы для кос из ткани, украшенные тесьмой, позументом, коралловыми бусами, серебряными пластинами. Е.А. Михайлова считает, что такой накосник-чехол достаточно распространен у ряда племен Монголии (Михайлова 2015: 79–80). Очевидно, что происхождение *чәчкап* изначально связано с кипчако-ногайскими кочевническими традициями, тюрко-монгольским миром в целом. Не случайно он широко бытовал именно у касимовских татар и южных групп татар-мишарей (Суслова, Мухамедова 2000: 298), наиболее тесно связанных с кочевническими традициями Евразии.

Экспертный историко-этнологический и технико-технологический анализ ювелирных украшений из фондов МАЭ РАН, обозначенных как «центрально-азиатские подвески», дает основание отнести их к вариациям татарских накосников типа *чулпы,* генезис которых конструктивно (бляха с подвесками) и функционально (подвески к косам) изначально связан с традициями финно-угорского населения Волжской Булгарии. *Чулпы* широко использовались и для декора других типов накосных украшений волго-уральских татар – матерчатых *чәч тәнкәсе* и *чәчкап*, сформировавшихся в русле иных, тюрко-кочевнических тра-

диций Евразии. В этом убеждает типологический, картографический и иллюстративный материал Историко-этнографического атласа татарского народа (том «Народный костюм»), фиксирующий преобладание ювелирного украшения *чулпы* в традиционных комплексах головных уборов мусульманок.

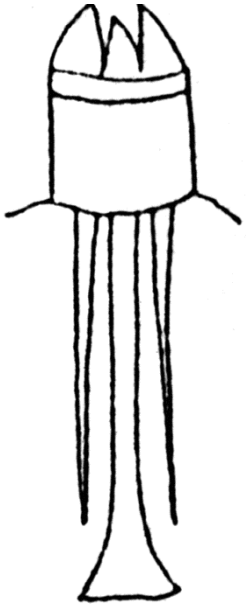

Рис. 16. Головной убор кочевников с лопастью и чехлами для кос. (Плетнёва 1958: 211).

Рис. 17. Старинный головной убор с футлярами для кос. Казахи. Центральный государственный музей Казахстана (Алматы), инв. № КП 3426, КП 507. Фото С.В. Сусловой.

Филигранная подвеска из фондов Кунсткамеры – яркий образец этнокультурных и художественных традиций волго-уральских татар. Особенно это подтверждает технология ажурной филиграни лопастной бляхи, практически полностью соответствующая ремесленным и художественным традициям казанско-татарской ювелирной школы. Другая подвеска – в основе с пластинчатыми бляхами тюльпанообразной фор-

мы, также изготовлена татарскими мастерами, но с учетом локальных центральноазиатских (казахских) ювелирных традиций. Трансляция этноспецифических татарских украшений в традиционную культуру тюрко-мусульманских народов Евразии, в том числе и центральноазиатских, осуществлялась благодаря функционированию на востоке региона «вторичных» казанско-татарских очагов ювелирного производства, но, главным образом, широкой производственной и торговой деятельности известного в России Рыбно-слободского кустарного промысла, где в массовом порядке изготавливались традиционные татарские украшения.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: при Императорской Академии наук, 1799. Ч. II.

Гильдт В. Ювелирно-металлический промысел в России // Кустарная промышленность России. СПб.: Якорь, 1913. С. 3–16.

Давыдова С.А. Производство металлических изделий в рыбной Слободе Лаишевского уезда Казанской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. Т. 3. С. 113–123.

Мелкая промышленность Казанской губернии. Казань: Тип. Губерн. правл., 1911.

Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. Казань: Типография В.М. Ключникова, 1896.

Полное собрание законов Российской империи СПб.: Типография II отделения собственное Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том XIII. 1728–1732. С. 691–692.

Терещенко А. Следы Дешт-и-Кипчака и внутренняя Киргиз-Кайсацкая орда // Москвитянин. 1853. № 22, кн. 2. С. 58–74.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X–XIII вв. // Актуальные проблемы исторической науки. Тезисы. Пермь, 1989.

Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань: Татгосиздат, 1953.

Воробьев Н.И., Бусыгин Е.П. Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем. Казань: Гос. музей Татар. АССР, 1957.

Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1976.

Донина Л.Н., Суслова С.В. Казанско-татарское ювелирное искусство в контексте технологических традиций художественного металла Евразии //

Ювелирные украшения тюркских народов Евразии. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 199–224.

Донина Л.Н., Суслова С.В. О золотоордынских традициях в ювелирном искусстве казанских татар: на примере филигранных миндалевидных серёг // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 461–484.

Крамаровский М.Г. К истокам казанской скани // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы Международной научной конференции. Казань, 1−3 июля 1999 г. / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 272–278.

Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001.

Культура Биляра. М.: Наука, 1985.

Михайлова Е.А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. Т. LI. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–120.

Молотова Т.Л. Марийский костюм. Чебоксары: Перфектум, 2020.

Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.–Л., 1958. Том I. МИА № 62. С. 151–226.

Суслова С.В. Костюм астраханских татар (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1992. С. 80–89.

Суслова С.В. Татарский костюм. Историко-этнологическое исследование. Казань: Татарское книжное издательство, 2018.

Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Приуралья (середина XIX – начало XX вв. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фән, 2000.

Трофимова М.И. Рыбная Слобода. Живые голоса. Казань: Идел-Пресс, 2006.

Тохтабаева Ш.Ж. Шедевры Великой степи. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 240 с.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские накосные украшения Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаковск: Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, 1998.

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. М.: Наука, 1976. №3. С. 141–156.

Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995.

Ягафова Е.А. Самарские чуваши: историко-этнографические очерки. Конец XVII – начало XX в. Самара: Поволжье, 1998.

Сведения об авторах: Суслова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); sv_suslova@mail.ru

Донина Лариса Николаевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lis.art@mail.ru

Поступила 1.04.2022 *Принята к публикации 31.05.2022*

ABOUT TWO CENTRAL ASIAN PENDANTS FROM THE COLLECTIONS OF PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: EXPERIENCE OF ETHNOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL EXPERTISE

S.V. Suslova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
sv_suslova@mail.ru

L.N. Donina

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lis.art@mail.ru

An expert historical, ethnological and technological analysis of two Central Asian jewelry pendants from the collections of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (MAE RAS) (2014 exposition) allows us to consider them as variations of the traditional *chulpa*-type jewelry of the Volga-Ural Tatars. They are pendants for braids made of plaques and silver coins collected in various compositions. The genesis of the *chulpa* structurally and functionally connected with the traditions of the Finno-Ugric population of the Volga Bulgaria. Chulpas were also widely used for decorating other types of braid jewelry – cloth types of Tatar braids, formed in line with other, Turkic-nomadic traditions of Eurasia. A filigree pendant made of blade-shaped plaques from the MAE RAS funds is a vivid example of the ethno-cultural and artistic traditions of the Volga-Ural Tatars. This is confirmed by the plaque manufacturing technology which fully corresponds to the craft traditions of the Kazan-Tatar jewelry school. Another pendant with tulip-shaped plate plaques at the base was obviously made by the Tatar artisans as well, taking into account a number of local Central Asian (Kazakh) jewelry traditions. The translation of ethno-specific Tatar jewelry into the traditional culture of the Turkic-Muslim peoples of

Eurasia, including Central Asian ones, was carried out thanks to the functioning of the "secondary" Kazan-Tatar centres of jewelry production in the east of the Volga-Ural region. This was especially facilitated by the production and trading activities of the well-known in Russia Rybnaya-Sloboda handicraft industry. The analysis based on typological, cartographic and illustrative materials of the Historical and ethnographic atlas of the Tatar people (volume "Folk costume").

Keywords: braid decorations, jewelry traditions, Tatars, Volga Bulgars, Turkic nomads.

For citation: Suslova S.V., Donina L.N. O dvukh tsentral'noaziatskikh podveskakh iz fondov Muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo Rossiyskoy akademii nauk: opyt etnologo-tekhnologicheskoy ekspertizy [About two Central Asian pendants from the collections of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences: experience of ethnological and technological expertise]. *Istoricheskaya etnologiya,* 2022, vol. 7, no. 2, pp. 254–273. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.254-273 (In Russian)

REFERENCES

Belavin A.M. O svoeobrazii yuvelirnoy produktsii Volzhskoy Bulgarii 10–13 vv. [On the Originality of the Jewelry Production of the Volga Bulgaria in the 10th – 13th Centuries]. *Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki* [Actual Problems of the Historical Science]. Perm, 1989. (In Russian)

Donina L.N., Suslova S.V. Kazansko-tatarskoe yuvelirnoe iskusstvo v kontekste tekhnologicheskikh traditsiy khudozhestvennogo metalla Evrazii [Kazan-Tatar Jewelry Art in the Context of the Technological Traditions of the Artistic Metal of Eurasia]. *Yuvelirnye ukrasheniya tyurkskikh narodov Evrazii* [Jewelery of the Turkic peoples of Eurasia]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 199–224. (In Russian)

Donina L.N., Suslova S.V. O zolotoordynskikh traditsiyakh v yuvelirnom iskusstve kazanskikh tatar: na primere filigrannykh mindalevidnykh seryog [On the Golden Horde Traditions in the Jewelry Art of the Kazan Tatars: On the example of filigree almond-shaped earrings]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review). 2019, vol. 7, no. 3, pp. 461–484. (In Russian)

Gadzhieva S.Sh. *Material'naya kul'tura nogaytsev v 19 – nachalo 20 vv.* [The Material Culture of the Nogais in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (In Russian)

Khalikova E.A. Rannevengerskie pamyatniki Nizhnego Prikam'ch i Priural'ya [Early Hungarian Monuments of the Lower Kamch and the Urals]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. Moscow: Nauka Publ., 1976, no. 3, pp.141–156. (In Russian)

Kramarovskiy M.G. K istokam kazanskoy skani [To the Origins of Kazan Filigree]. *Srednevekovaya Kazan': vozniknovenie i razvitie* [Medieval Kazan: Emer-

gence and Development]. Ed. by F.Sh. Huzin. Kazan: Master-Layn Publ., 2000, pp. 272–278. (In Russian)

Krylasova N.B. *Istoriya Prikamskogo kostyuma: kostyum srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya* [The History of the Kama Costume: the Costume of the Medieval Population of the Perm Cis-Urals]. Perm, 2001, 259 p. (In Russian)

Kul'tura Bilyara [The Culture of Bilyar]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russian)

Mikhaylova E.A. S"emnye ukrasheniya narodov Sibiri [Removable Ornaments of the Peoples of Siberia]. *Ukrasheniya narodov Sibiri* [Ornaments of the Peoples of Siberia]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2005, vol. 51, pp. 12–120. (In Russian)

Molotova T.L. *Mariyskiy kostyum* [The Mari Costume]. Cheboksary: Perfektum Publ., 2020. (In Russian)

Pletnyova S.A. Pechenegi, torki i polovtsy v yuzhnorusskikh stepyakh [Torks and Cumans in the South Russian Steppes]. *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition]. Moscow-Leningrad, 1958, vol. 1, MIA, no. 62, pp. 151–226. (In Russian)

Shitova S.N. *Bashkirskaya narodnaya odezhda* [Bashkir Folk Clothes]. Ufa: Kitap Publ., 1995. (In Russian)

Suslova S.V. *Tatarskiy kostyum. Istoriko-etnologicheskoe issledovanie* [Tatar Costume. Historical and Ethnological Research]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2018. (In Russian)

Suslova S.V., Mukhamedova R.G. *Narodnyy kostyum tatar Povolzh'ya i Priural'ya: seredina 19 – nachalo 20 vv. Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda* [Folk Costume of the Tatars of the Volga and Ural regions: mid 19th – early 20th centuries. Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan: Fen Publ., 2000. (In Russian)

Suslova S.V. Kostyum astrakhanskikh tatar: po materialam muzeynykh kollektsiy [Costume of the Astrakhan Tatars: Based on Museum Collections]. *Astrahanskie tatary* [The Astrakhan Tatars]. Kazan, 1992, pp. 80–89. (In Russian)

Tokhtabaeva Sh.Zh. Shedevry Velikoy stepi [Masterpieces of the Great Steppe]. Almaty: Dayk-Press Publ., 2008. (In Russian)

Trofimova M.I. *Rybnaya Sloboda. Zhivye golosa* [Rybnaya Sloboda. Live Voices]. Kazan: Idel-Press Publ., 2006. (In Russian)

Usmanova E.R., Logvin V.N. *Zhenskie nakosnye ukrasheniya Kazakhstana. Epokha bronzy* [Women's Braided Jewelry of Kazakhstan. The Bronze Age]. Lisakovsk, 1998. (In Russian)

Vorob'yev N.I. *Kazanskie tatary: etnograficheskoe issledovanie material'noy kul'tury dooktyabr'skogo perioda* [Kazan Tatars (an ethnographic study of the material culture of the pre-October period]. Kazan: Tatgosizdat Publ., 1953. (In Russian)

Vorob'yev N.I., Busygin E.P. *Khudozhestvennye promysly Tatarii v proshlom i nastoyashchem* [Artistic Crafts of Tataria in the Past and Present]. Kazan: Gosmuzey Tatarskoy ASSR Publ., 1957. (In Russian)

Yagafova E.A. *Samarskie chuvashi: istoriko-etnograficheskie ocherki: konets 17 – nachalo 20 vv.* [Samara Chuvash (historical and ethnographic essays: late 17th – early 20th centuries]. Samara: Povolzh'ye Publ., 1998. (In Russian)

About the authors: Svetlana V. Suslova, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow of the Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); e-mail: sv_suslova@mail.ru

Larisa N. Donina, Cand. Sc. (Art History), Senior Research Fellow of the Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); lis.art@mail.ru

Received April 1, 2022 *Accepted for publication May 31, 2022*

УДК 391(=512.1)

ОБЕРЕГ *МУСКА* У ГАГАУЗОВ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Е.Н. Квилинкова

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси
Минск, Республика Беларусь
cvilincova@mail.ru

В статье народная медицина рассматривается как часть традиционных знаний, являющихся одной из составляющих народной культуры и сохраняющихся в устной форме. Отмечается, что у каждого этноса сложился собственный арсенал народных способов лечения, который связан с народными традициями, религиозными представлениями и хозяйственной деятельностью.

Объектом исследования автора является оберег *муска* (маленький предмет треугольной формы), который занимает в народной медицине гагаузов особое место и сохраняется в настоящее время. На основе полевого материала анализируются способы его изготовления и ношения, рассматривается проявление форм религиозной идентичности. Приводятся данные об аналогичных оберегах, распространенных у других народов (болгар, турок, татар).

Делается вывод о том, что у гагаузов сохранились архаичные способы изготовления *муски*. В большинстве случаев ими используются целебные растения, выполняющих функцию оберега. Некоторые вкладывающиеся в оберег предметы отражают конфессиональную принадлежность гагаузов – православие. Рассматривая традицию ношения оберега как часть традиционной культуры народа, а также выявляя имеющиеся этнокультурные параллели в данной области, автор «вписывает» ее в историко-культурный контекст.

Ключевые слова: этномедицина, обереги, народные способы лечения, гагаузы.

Для цитирования: Квилинкова Е.Н. Оберег *муска* у гагаузов в контексте религиозной идентичности и этнокультурных параллелей // Историческая этнология. 2022. Т. 7, № 2. С. 274–293. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.274-293

Об институте знахарства у гагаузов и категориях знахарей

В традиционном обществе заболевания рассматривались как нарушение установившегося в природе соотношения сил и как результат негативного воздействия потусторонних (нечистых) сил на человека. Накопленные поколениями знания о лечении более сложных заболеваний передавались от посвященного к посвященному, а о наиболее распространенных – от матери к дочери / от бабушки к внучке. В зависимости от характера болезни использовали различные сочетания средств и приемов лечения.

Характерной чертой народной медицины является то, что она не имеет письменных источников, а ее секреты передаются устно. Этномедицина существует как область традиционных знаний в неразрывной взаимосвязи с национальной культурой. У каждого этноса сложился собственный арсенал народных способов лечения, который связан с народными традициями, религиозными представлениями и хозяйственной деятельностью.

У гагаузов довольно развит институт знахарства. До настоящего времени в народе сохраняется вера в то, что отдельные люди обладают таинственными способностями, которые оказывают как негативное, так и позитивное воздействие на здоровье человека и его хозяйство. В гагаузском языке по отношению к данной области знаний употребляется понятие *evelli insanın ilaçları* (букв. – древние народные способы лечения). В каждом поселении живет несколько особо известных профессиональных лекарей (обычно это «бабки»), у каждого из которых есть особый набор лечебных средств и заговоров и даже своя «специализация» (перечень болезней, от которых они излечивают). Одни лечат с помощью железных предметов, другие – заговариванием в печной трубе, третьи – изготовлением оберегов-талисманов.

Оберег *муска* (*mıská* / *muská*) занимает в народной медицине гагаузов отдельное место. Он представляет собой обшитый тканью маленький предмет треугольной формы, который носят с целью излечения от болезни и в качестве предохранения от злых сил.

Целью статьи является анализ данных об основных свойствах «действующих» оберегов, способах их изготовления и связанных с ними верований, а также сведений об изготовителях, раскрывающих важную сторону традиционных знаний гагаузов о народных способах лечения и «профилактики» болезней. Важным представляется историко-сравнительное изучение способов изготовления и ношения оберега

муски у гагаузов для выявления результатов межкультурного взаимодействия и этнокультурных параллелей. Такой подход дает возможность осмыслить данную традицию как важную составляющую культуры народа и позволяет «вписать» ее в историко-культурный контекст.

Сбор полевого материала осуществлен автором в 2007–2009 гг. во время индивидуальных полевых исследований по гагаузским селам юга Молдовы. Благодаря хорошей сохранности знаний по народной медицине удалось собрать богатый полевой материал, который лег в основу проведенного нами исследования (Квилинкова 2010). Наиболее архаичные формы заговоров и магии сохранились в ряде гагаузских сел (Гайдары, Джолтай, Баурчи), в которых и в настоящее время семейная и календарная обрядность во многом сохраняет свой традиционный характер (Квилинкова 2005; Квилинкова 2007).

Помимо данных о *муске* были собраны сведения и о других бытующих у гагаузов разновидностях талисманов-оберегов – молитвах-оберегах, хранящихся под иконами в домах многих православных гагаузов. Это сборники-тетради с рукописными апокрифическими текстами (молитвами и заговорами), которые наделялись особыми магическими свойствами (Квилинкова, 2012; 2016). Значительная их часть представляет собой так называемые «спасительные молитвы», имеющие двойной смысл: предохранение / спасение человека от всяких напастей и спасение души. Широкое распространение у гагаузов апокрифических текстов, использовавшихся в качестве талисмана-оберега, свидетельствует об усилении у них народной религиозности (Квилинкова 2013).

Сведения о лечении при помощи народных средств и лекарственных трав у гагаузов сохранились хуже, чем знания о лечении с использованием врачевательной магии и заговоров. Вероятно, это в немалой степени связано с тем, что с распространением системы здравоохранения часть использовавшихся ранее народных средств лечения была заменена лекарствами, покупаемыми в аптеках, и посещением врачей.

До недавнего времени многие гагаузские женщины обладали элементарными знаниями – они знали несложные способы лечения наиболее распространенных детских болезней и могли сами лечить детей. В настоящее время практически каждая пожилая женщина знает и использует заговор от сглаза, которому, по народным представлениям, более всего подвержены маленькие дети. Широкое знание сельским населением заговоров и врачевательной магии является, на наш взгляд, результатом сохранения у них пережитков той древнейшей эпохи, ког-

да знание заговоров было всеобщим. Если собственные заговоры не помогали, обращались обычно к тем соседкам, которые знали, как лечить болезнь. Считалось, что одно произнесение заговора уже само по себе способно произвести нужное воздействие. Но как правило, заговоры сопровождались определенными магическими ритуалами, способствующими усилению действия заговорных формул.

Высокая степень сохранности и архаичности народных способов лечения характерна для села Гайдары, в котором по ряду объективных причин (сила традиций и общественного мнения, невысокий в прошлом уровень социально-экономического развития, удаленность от путей сообщения) до сих пор довольно полно представлена традиционная обрядность гагаузов (Квилинкова, 2020а). В этом селе живет немало женщин, знающих древние способы лечения (основанных на магии и заговорах), но не являющихся знахарями в классическом понимании (лечение не является их «профессией»). Они используют свои знания на практике при обращении к ним соседок с просьбой вылечить больного ребенка. Такие женщины хорошо известны как на своей, так и на соседней улице. При указании на непрофессиональных лекарей информанты говорили: «Эта женщина тоже лечит».

Именно у таких «непрофессиональных» лекарей нам удалось записать архаичные способы лечения. Такие лекари получили знания от бабушек и матерей, также не являвшихся профессиональными знахарями. Более того, передавая свои знания как опыт ухода за детьми, они подчеркивали, что нет необходимости в случае заболевания ребенка сразу же обращаться к знахаркам, поскольку многие из болезней детей женщины в состоянии лечить сами путем совершения специальных магических действий и произнесения заклинаний. В отличие от профессиональных знахарей, строго хранивших тайны лечения, некоторые бабушки с охотой передавали свои знания другим женщинам, которые желали научиться этому. Основным условием было «ухватить» знания, так как записывать их не разрешается. Строго соблюдается правило – передать знания можно только человеку, который младше по возрасту.

К знахарям обращались при более тяжелых формах заболеваний, когда использование собственных знаний и лечение у непрофессиональных лекарей не приводило к положительному результату. Общепризнанным является представление о том, что знахари обладают магической силой. Однако в народе бытует убеждение о разной природе происхождения этой силы. В зависимости от своего могущества знахари занимают определенное место в данной иерархии. Такое различие

проистекает не от источника их силы, а скорее от суммы магических знаний и колдовских приемов, которыми они обладают.

Лиц, занимающихся лечением больных и применяющих в своей практике народные способы лечения (в том числе заговоры) называют *ilaççı* (от глаг. *ilaçlamaa* – лечить) и *okucu* (от глаг. *okumaa* – заговаривать), то есть «знахари-лекари». К ним относятся костоправы (*kırıkçı / bastırıkçı*) и «знахарки-гадалки» (*ölçücü*). В деятельности последних акцент делается на традиционных формах гадания (с помощью платка, рубашки, ремня) с целью определения характера заболевания и способа его лечения. Слово *bilgiç* приведенное в гагаузско-русско-молдавском словаре в значении ‘знахарь, гадальщик’, вероятно, можно рассматривать как общий термин, который больше соответствует значению ‘знающий’ (Гагаузско-русско-молдавский словарь 1973: 83). В настоящее время для обозначения понятия «знахарь» оно практически не используется.

В народе считается, что люди, которые занимаются только врачевательной деятельностью (то есть «знахари-лекари») действуют с помощью божественной силы. И действительно, в произносимых ими заговорах на помощь призываются Бог, Богородица и другие святые. Сами же тексты, как правило, представляют собой заговоры-молитвы. Перед началом лечения знахари трижды перекрещиваются и просят у Бога прощения и помощи. В лечебной магии произнесение имени Бога и святых являлось одним из способов «обеспечения» себя божественной энергией. Присутствие в лечении и в заговоре-молитве «христианского адресата» позволяет отнести данное явление к категории народного православия.

К другой группе знахарей относятся лица, занимающиеся так называемой черной магией (порча, привороты и т.д.). По отношению к ним используется термин *büücü*, который по содержанию соответствует понятию «знахарь-колдун» (*ţor* – уст. колдун). В народе существует четкое убеждение, что они действуют с помощью бесовской силы, а потому люди стараются избегать визитов к ним.

Сведения об изготовителях муски

Лекарей, делающих *муски*, мало, так как они строго соблюдают тайну изготовления оберегов и произносимых для этого заговоров. Такими «специалистами» традиционно славилось село Гайдар. В нем и в настоящее время живет несколько знаменитых знахарок (*büük ilaççıykalar*). Их врачевательные способности признаны далеко за пределами села. Они же изготавливают *муски*. Зафиксированы единичные

сведения о том, что в прошлом такие обереги изготавливала знахарка из села Баурчи. Впрочем, несколько путанно информаторы называют и отдельные гагаузские населенные пункты, в которых в прежние времена были подобные специалисты (например, упоминается город Чадыр-Лунга).

В некоторых случаях подчеркивалось, что обереги делают вдовцы, вдовы или те, кто находится в преклонном возрасте, но никогда не был женат/замужем (*dul karı ili adam; olmasın eşin*). Они воспринимаются как сакрально чистые люди. По словам односельчан, *муска*, изготовленная Кати-булю (по «уличному прозвищу» – Чони-Кати), считается самой сильной. Фиксированного денежного вознаграждения за оберег нет; люди дают столько, сколько могут. В 2009 г. при сборе полевого материала автор статьи побывала в доме знахарки. У нее были готовые *муски*. Одну из них женщина согласилась дать за небольшое денежное вознаграждение. По-видимому, их лекарка заговаривает непосредственно тогда, когда к ней приходит больной. Произнесение ею молитвы-заговора для *муски* зависит от конкретной болезни, для лечения которой к ней обращаются.

Гагаузский оберег *муска* / *мыска*. Село Гайдары, 2019 г.
Фото Е.Н. Квилинковой.

По сведениям знахарки из села Джолтай, в прежние времена в селе Гайдар *муски* «читала» (заговаривала) вдова (*окиуиси babu*), муж которой безвести пропал на войне. Когда она умерла, ее занятие продолжил сын. Тот же информант пояснял, что такой оберег может сделать любой человек, но он должен быть грамотным, чтобы суметь прочитать или написать молитву, вкладываемую в оберег. На вопрос, почему она не делает их, информант ответил: «Я неграмотная». Отметим, что Чони-Кати, заговаривавшая *муски*, также была неграмотной. Изготовление оберегов являлось делом особой «группы» знахарей, не обязательно владевших грамотой. Возможно, текст молитвы могли для них написать грамотные дети, внуки.

Согласно сведениям В.А. Мошкова, относящихся к концу XIX – началу XX вв., обереги изготовляли священники по просьбе прихожан (Мошков 1901: 27). На вопрос, изготавливают ли священники такие *муски* в настоящее время, информанты дали отрицательный ответ.

Муска и другие виды оберегов

Муска – это специально изготовленный оберег, который носили от наиболее тяжелых и хронических заболеваний с целью излечения от них и предохранения от злых сил. В лечебной обрядности гагаузов народные практики тесно переплетаются с православной атрибутикой. Это ярко проявляется в способах изготовления *муски*. Имеющиеся различия являются, по-видимому, результатом полученных знахарями знаний.

Муска – это маленький предмет треугольной формы, который наделяется магической силой. Внутрь него помещаются различные семена (обычно тмин), клочок бумаги с молитвой и другие предметы, которые заворачиваются в ткань синего (села Гайдары, Баурчи, Джолтай), красного (село Баурчи) или черного цвета (по данным В.А. Мошкова). Возможно, цвет материала, из которого изготавливали муску, обусловливал ее свойства. Символика и роль цвета в оберегах довольно подробно рассмотрены в работах современных исследователей. Считается, что свойства синего цвета чрезвычайно разнообразны. Он может вселять энергию, черпает силы из стихии воды и выводит из состояния страха и тревоги. Черный цвет почти повсеместно выражает негативные эмоции и силы зла, о чем свидетельствуют такие выражения, как «черная кошка», «черная магия». В исламе черный – цвет мщения. Красный считается очень сильным цветом, который несет силу; питает людей энергией, стимулирует кровообращение (Краснов).

Помещаемые внутрь *муски* семена определенных растений, по народным представлениям, обладают особой силой. Для усиления действия трав их сочетают с другими магическими предметами и материалами. Со слов упомянутой знахарки из села Гайдар (Чони-Кати), она внутрь «футляра» кладет небольшой кусочек подкладочной ткани от старой священнической рясы, которую ей дают в церкви; базилик, освященный в день Св. Маккавеев (*makavey fesleni*); тмин (*çor otu*); «рыбную *муску*» – кость треугольной формы от речной рыбы (*balık mıskası*). В зависимости от болезни могли меняться входящие в оберег компоненты или произнесенный над ним заговор-молитва. Информант из села Бешгиоз сообщил о том, что Пантелей-дядо из села Гайдары, у которого они в свое время делали оберег от сглаза, положил внутрь него «цветочек тмина» (*bir çiçecik çor otu*) и 9 семян *poy otu* (трава, использующаяся у гагаузов в качестве приправы). Согласно сведениям другого информанта, в муску клали клочок бумаги, на которой записывалась молитва «за здоровье» больного и его имя, «рыбную *муску*» и тмин; или только «листок бумаги с молитвой из Евангелия». Записанную на бумаге молитву знахарь складывал треугольником и отдавал больному, который должен был, придя домой, зашить ее в ткань синего цвета, повесить на шнурок и носить на шее. Особо информант подчеркнул изображение множества крестов на листочке с молитвой. «В скольких местах там были кресты! Где необходимо было остановиться и вдохнуть воздуха при чтении, там делали крест» (село Джолтай). Письменная традиция изготовления оберегов связана с верой в то, что написанный текст обладает сверхъестественной силой. В связи с акцентом, сделанным информантом относительно крестов, отметим, что, согласно исследованиям, крест почти в каждой культуре мира изначально служил охранительным символом. После возникновения христианства он стал символом Христа, его распятия и в целом символом христианской веры (Бадж 2001: 265–274).

Существенно дополняют сведения о способе изготовления оберега данные информанта из села Баурчи. Помимо указанных ранее предметов (клочок ткани от старой священнической рясы, тмин), внутрь *муски* клали также 9 семян бессмертника (*kılıç otu*). При этом использовался обратный счет от 9 до 1, завершавшийся словами *hiç, yok*, что означало, по-видимому, число 0 (букв. – нет ничего). Именно в этом, по мнению информанта, состоит магическое действие оберега (*ölä ilaç olêêr*).

Из приведенных сведений видно, что, несмотря на определенные особенности изготовления оберегов, в большинстве случаев обязательно присутствует тмин, считавшийся в народе сильнодействующим

предохраняющим от всех напастей растением. Защитный символизм *муски* с использованием растений и других магических предметов заключается в отпугивании злых духов. Подобного рода обереги обладают огромной энергетикой и имеют древнее происхождение. *Муска*, помимо различных магических предметов, вбирает в себя энергию заклинания (молитвы-заговора) и энергию самого заклинающего.

Интерес представляют сведения о способе изготовления *муски* у гагаузов, зафиксированные В.А. Мошковым. Из приведенных данных видно, что описанный исследователем способ изготовления оберега, несмотря на религиозную атрибутику, имеет языческое содержание. Сравнение собранной нами информации со сведениями указанного автора позволяет говорить о том, что в настоящее время у гагаузов сохраняются древние способы изготовления таких оберегов. Так, В.А. Мошков писал, что *муску* делают священники из собственной старой ризы. Ее носят на шее вместе с крестом или зашивают в рубашку или шапку. Он упоминает о том, что «кусок ризы зашивается в холстинку **черного** (выделено нами – Е.К.) цвета, которой придается наружная форма треугольника. На поверхности вышивается мишурный крест». В прошлом *муску* носили от лихорадки, сумасшествия и от других болезней (Мошков 1901: 27–28). В настоящее время информанты отмечают, что оберег носят люди, страдающие тяжелой хронической болезнью или особо подверженные сглазу (*nazar için*), и в тех случаях, когда ребенок постоянно плачет, если у него слабое здоровье (*saalı yok*), от испуга (*korku var*), от паралича (*kısma için*). Налицо изменения в характере заболеваний, которые «лечит» *муска*.

Взрослые носили *муску* на шее или прикрепляли ее к внутренней стороне рубахи на груди. Детям оберег пришивали к шапочке изнутри (если меняли рубашку или шапочку, то перекладывали и оберег). Строго следили за тем, чтобы не намочить *муску*. Это, видимо, связано с представлением о том, что, соприкоснувшись с водой, оберег терял магическую силу. Носили его (не снимая) в течение длительного времени (до юношеского возраста (*delikannı olunca*), до женитьбы или до самой смерти). По сведениям информантов, если больной переставал носить *муску*, то ему не было покоя (*raatı yoktu*). Считалось, что если потерять оберег, то человек вновь заболеет. Необходимо было ежемесячно или несколько раз в году «обновлять» магическую силу оберега с целью сохранения его охранительных функций. Вначале знахарка «читала» ребенка, а затем *муску*. Необходимость «обновления» оберега заключалась, по-видимому, в том, что с течением времени в результате скопления в нем отрицательной энергии ослабевала охранительная сила, и

знахарка путем чтения молитвы-заговора и собственной энергии положительно «заряжала» *муску*.

В селе Баурчи нами зафиксированы сведения о том, что *муск*у необходимо носить 40 дней, а затем снять и хранить в укромном месте. При признаках слабости, «когда чувствуешь, что болезнь опять начинает одолевать (*bitirer*), снова начинаешь ее носить». Жительница города Чадыр-Лунга (уроженка села Казаклия) сообщила, что в настоящее время продолжительность ношения оберега составляет 9 дней, в то время как раньше его носили 40 дней. Можно предположить, что в зависимости от характера болезни оберег рекомендовалось носить более короткое или более длительное время. Однако данные о непродолжительном или периодическом ношении оберега, вероятно, следует рассматривать как некоторое ослабление правил. Не исключено, что привязка к числу 40 связана с его особым символическим значением в христианстве. Вместе с тем, согласно исследованиям ученых, число 40 характерно и для мусульманской культуры и отражает, по-видимому, языческую символику (Градешлиев 1991: 80–89).

Проявление религиозной идентичности гагаузов в способе изготовления муски

При сравнении наших полевых материалов с данными В.А. Мошкова видно, что некоторые зафиксированные в настоящее время способы изготовления оберега являются более архаичными, чем их интерпретирует исследователь. Это объясняется его описанием лишь одной из *муски*. Однако оно является уникальным, так как демонстрирует отношение местных священников к народной медицине, показывает свойственное духовенству двоеверие, позволяет выдвинуть гипотезу о привнесении традиций целительства задунайским духовенством с Балкан, где у православного населения процветало язычество. Особо отметим, что сейчас знахари для оберегов традиционно используют старую священническую ризу, которую им передают, по-видимому, с согласия священника. Это свидетельствует о сохранении языческо-христианского синкретизма, являющегося составной частью православия у гагаузов. В том, что *муска* представляет собой предмет треугольной формы, проявляется ее связь с христианской символикой.

Традиция изготовления *муски* у гагаузов не пресекалась и сохранилась в архаичной форме до настоящего времени. Упоминание о том, что в *муску* кладут клочок бумаги с записанной молитвой («за здоро-

вье» больного с указанием его имени) можно рассматривать как более поздний способ изготовления оберега.

В.А. Мошков, желающий подчеркнуть религиозность гагаузов, связал ее с ношением муски. «Как современные гагаузы высоко ставят положение священника, можно видеть, между прочим, из обычая носить так называемую «муску», талисман, приготовленный из старой священнической ризы… Священники делают муску по просьбе прихожан, причем она обходится около трех рублей…» (Мошков 1901: 27). В данном случае речь должна идти не об отношении гагаузов к священникам и к христианской вере, а о традиции ношения такого оберега. Изготавливаемые знахарями *муски* ценились народом так же высоко.

Другие разновидности оберегов у гагаузов

В летнюю пору ношение *муски* было не очень удобным: она обшивалась тканью и могла быстро истрепаться. Поэтому более практичными были различные обереги из растений (например, чеснока), которые, по словам информантов, заменяли ношение *муски* на период жатвы. Во время полевых работ или позднего возвращения домой человек клал в карман головку чеснока или сучок от сосны (*çam acı budaa*), которые предварительно заворачивали в тряпочку. Чеснок в качестве оберега носили с собой в день Св. Андрея (от нечистой силы – *cadı*). Чтобы уберечься от действий мифических существ – Русали – в Русальные праздники на поясе или в кармане одежды носили полынь, пили вино, настоянное на полыни. Указанные растения и предметы наделялись большой магической силой и считались довольно действенным средством предохранения от нечистой силы и сглаза (село Баурчи).

Особое внимание уделялось защите роженицы и новорожденного. Чтобы воспрепятствовать воздействию на них злых сил, необходимо было рядом с колыбелью или под подушкой ребенка держать веник или железный предмет – ножницы, нож, гвоздь. Для предохранения детей от сглаза и от испуга ребенку на кисть повязывали красную ниточку или несколько скрученных нитей разного цвета – красного, желтого, зеленого и синего, «наподобие радуги» (село Бешгиоз). Другими действенными средствами защиты детей от сглаза и от воздействия злых сил считались голубые и синие бусинки (*nazar boncuu*), рыбная кость треугольной формы (*muskacık* / *balık muskası*). Так, «от сглаза три голубые бусинки пришивали на детскую шапочку в виде креста» (Курогло 1980: 22) (видимо, имелся в виду символический крест). Серьгам, особенно золотым, и другим украшениям, в том числе серебряным

браслетам, также приписывали защитную функцию (Курогло 1980: 22). Подобные обереги были широко распространены и у других народов.

Обереги для животных

У гагаузов существовали довольно разнообразные обереги для предохранения скота от сглаза. Интересные сведения приводит В.А. Мошков. От сглаза «вешают скоту на шею подошву от сношенных лаптей. Корове привязывают на хвост красную нитку, новорожденным телятам и ягнятам вешают на шею “китки” (кисточки из гаруса), а жеребятам – ложку. Корове, только что отелившейся, привязывают к хвосту на красной ленточке зубок чесноку и кусок “феслина” (базилика – Е.К.)» (Мошков 1901: 17).

Интерес представляет средство от сглаза для лошадей, зафиксированное тем же исследователем у бессарабских гагаузов более 100 лет назад. Описанный им способ изготовления оберега во многом схож с *муской*: брали 9 штук семян травы *чора-оту* или *чор оту* и считали их три раза обратно, затем смешивали зерна с воском и прилепляли к лошади под гриву в невидном месте (Мошков 1901: 17).

В более тяжелых случаях, когда имел место падеж скота, прибегали к помощи священника. Разновидностью оберега, вероятно, можно считать следующий обычай. «Если у кого-нибудь скот постоянно сдыхает, то говорят, что ему подбросили на двор череп скотины из злости на хозяина. В таком случае призывают священника отслужить молебен и окропить двор святой водой, а потом устраивают обед» (Мошков 1901: 24).

Этнокультурные параллели относительно способа изготовления и ношения оберегов треугольной формы

Традиция ношения оберегов треугольной формы с написанными в них заклинаниями имеет древнее происхождение. К ней прибегали врачи римских легионов. Для борьбы с лихорадкой они вписывали в треугольник слово «абракадабра» – древнееврейский символ могущества. Слово писали на листе пергамента, а лист привязывали к шее больного на девять дней. Позже пергамент снимали и бросали его в реку или ручей, текущих на восток, чтобы вода уносила жар больного, отдавала жар солнцу, а больной выздоравливал. В более позднее время в равносторонний треугольник вписывали имя больного человека, а оберег подвешивали на его шею. В таком виде обряд дошел до России

и сохранился. Треугольники с надписями вкладывали в *наузы*, чтобы они, наряду с другими оберегами, защищали владельца (Краснов).

При тяжелых болезнях болгары носили специальне обереги – *мускu*, которые квалифицируются болгарскими исследователями как амулеты (Тодорова-Пиргова 2003: 456–458). Их изготавливали от головной боли, страха, тяжелой болезни, для воинов, идущех на войну. Отмечается существование традиции письменных *мусок*, в которых содержались строки из Корана, прославляющие Аллаха. При изготовлении средства от головной боли *мускy* опускали в сосуд с водой, которую пили в течение 7 дней (Тодорова-Пиргова 2003: 456–458). От испуга носили амулеты треугольной формы. Уголек, золу или кусочек расплавленного олова зашивали в футляр, который обворачивали 7 раз тканью или кожей. Его носили в сумке или хранили под подушкой (Тодорова-Пиргова 2003: 211).

У болгар в различных обрядах использовались «накити-амулети». Иногда они являлись составной частью традиционного костюма. В Болгарии *муски* получили особую популярность в эпоху Возрождения. При больших бедствиях и эпидемиях женщины украшали себя различными металлическими *мусками*-накидками. Их носили под одеждой, навешивали на двери. *Муски-кутийки* (*кутийки* с болг.яз. – коробочки), называемые еще *хамалии*, изготовленные из серебра, носили поверх одежды как украшение. Они имели различную форму: прямоугольную, четырехугольную, треугольную, круглую и цилиндрическую. Внутрь вкладывали молитвы и предметы, которые наделялись магической силой. От сглаза (против *уроки*) в *мускy* клали ногти, зубы, волосы. Согласно народным верованиям, подобные обереги имеют особую сакральную силу (Шулекова 1994: 105–106).

У турок, широко распространенная в прошлом традиция ношения *мусок* с целью излечения от тяжелых болезней (в том числе для устранения последствий инсульта и инфаркта), сохраняется и в настоящее время. По словам Ходжи Сабри Мустафы (из села Рани лист, Болгария), сила его *мусок* идет от старинных книг, собранных им от трех имамов. Для оберегов он использует специальные тексты «за здоровье» из Корана, «в которых собрана сила 124 святых». Самой сильной *муской* Ходжи является *тълъзъм мускасъ*, которая носится для благополучия и как оберег от всяких напастей – «*която е за боллук, файда, пази притежателя си*». Она изготавливается следующим образом: когда текст написан на арабском языке, туда дописывается имя человека, для которого она предназначена. В оберег кладут клочок ткани от рубашки (*риза*) новорожденного и «частицу кожи с руки Мариам» (растение –

Рука Богородицы), которую Ходже Сабри Мустафе привозят из Стамбула. *Муске* придается треугольная форма. Носить ее нужно непрерывно; оберег не имеет срока давности, но сила утрачивается, если его бросить в текущую воду (Салифова).

Как видим, данный способ изготовления *муски* и отношение к ней как к освященному предмету, носимому постоянно, похож на гагаузский оберег. И в первом, и во втором случае *муска* представляет собой небольшой предмет треугольной формы, внутри которого находится клочок бумаги с написанным на нем текстом религиозного содержания: у гагаузов – христианская молитва, у турок – текст из Корана. В обоих случаях используется лоскуток ткани, имеющий магическое значение: у гагаузов – от священнической ризы, у турков – от рубашки новорожденного. Использование Ходжой Сабри Мустафой частицы «кожи руки Мариам» в муске (растения «Рука Богородицы»), вероятно, можно рассматривать как проявление мусульманско-христианского синкретизма. Указанное растение широко используется гагаузами в лечебной магии, в частности, в родильной обрядности (село Гайдары) (Квилинкова 2020b).

Из приводимых Ходжой Сабри Мустафой сведений следует, что традиция ношения *мусок* на Балканах не связывается с исламом, а рассматривается местным населением как средство народной медицины. За *мусками* к этому человеку приходят болгары, турки, цыгане и всем им он оказывает помощь, так как верит, что «Аллах не делит людей. Господь один для всех и нет двух Господ» (Салифова). Ни этнические, ни религиозные различия не являлись определяющими, главное – вера в силу оберега.

При изучении этнокультурных параллелей интерес представляют обнаруженные нами сведения об аналогичных оберегах у татар. У них существовало их несколько видов. У крымских татар были очень распространены амулеты треугольной формы. Еще в середине XIX в. Г.И. Радде писал, что «татары, мужчины и женщины, старые и молодые, каждый носит при себе молитву как спасительный талисман. Эти молитвы покупаются у духовенства, и пишут их на треугольной бумажке киноварью и прячут в кожаные сумочки, тоже треугольной формы, и сумочку носят на спине. Девушки этот треугольный кусочек кожи заплетают в косички и иногда носят несколько таких амулетов. Старики же носят их всегда на груди. Молитвы никогда не вынимаются из своего футляра, и большая часть татар не знает их содержания» (Амулеты у татар 2007).

Исследователи отмечают, что наиболее распространенными являлись амулеты с молитвой треугольной формы (приводятся сведения и о бытовании четырехугольных), в которые обычно вкладывались написанные муллой молитвы *дуа*. Их футляры обычно обшивались разными цветами ткани – чаще черным и красным.

«Интересно, что цвет сумочек и нашивок, как и цвет чернил, которыми писалась молитва, был обычно красный. Здесь, очевидно, это символ защиты от злых духов и одновременно знак святости. Причем такого же цвета амулеты были и у представителей других этносов, например, у туркмен, казанских татар. В женском костюме татар горно-прибрежной группы амулеты часто представляли собой произведения ювелирного искусства и были тесно связаны с украшениями. Так, в конце XIX в. Ф.Ф. Лашков писал, что амулеты-ладанки, называвшиеся “сач-хасиде” (“сач” тур. – волосы, “хасиде” – хвалебная ода), делались из украшенных с лицевой стороны филигранью плоских прямоугольной формы серебряных полых футляров, которые подвешивались с помощью цепочки и крепились металлическими плетеными нитями к волосам, причем, обычно в центральной части средних косичек. Сумочки с молитвами мужчины носили и на переброшенном через плечо ремешке. У чабанов такой ремень с прикрепленным к нему амулетом, украшенный серебряными бляшками с чернью, назывался “пуздан”» (Амулеты у татар 2007).

Амулеты-нашивки являлись неотъемлемой частью мужского костюма у ногайцев и степных татар: «… в 1860-е годы бытовали нашивки на спинке ногайского бешмета, они были четырехугольной формы, из красного или черного сукна, иногда их еще обшивали серебряным галуном. Такие же нашивки встречались и на теплых суконных куртках степных татар. А.С. Морозова отмечает, что на спинку у ворота верхней одежды йомуты нашивали из красного шелка треугольной формы амулет “дога”» (Амулеты у татар 2007).

Обереги / амулеты у христианских и мусульманских народов имеют много общих элементов, корни которых следует искать в язычестве. Размышляя о стойкости традиции ношения амулетов, Э.У. Бадж писал: «Никакой уровень развития культуры и никакое воспитание не заставят человека полностью отказаться от использования амулетов и различных систем предсказания будущего. Ибо амулеты дают их владельцам ощущение поддержки, защищенности и благополучия…» (Бадж 2001: 19, 15). Значимость в таких вопросах силы и влияния веры нельзя недооценивать.

* * *

Анализ полевого материала показал, что у гагаузов сохранились архаичные способы изготовления *муски*. Они в большинстве случаев подразумевали использование целебных растений, выполняющих функции оберега. Другие символически значимые для религиозного сознания предметы, вкладываемые внутрь, усиливали магическую силу оберега и в глазах верующих людей он получал статус освященного предмета. Соответственно, в *муску* вкладывали предметы, отражающие конфессиональную принадлежность изготовителя и той среды, в которой он жил. Упомянутый Ходжа изготавливал *муски* для счастья, удачи, от алкоголизма, поэтому их можно рассматривать как талисман. У гагаузов слово *муска* имеет конкретное содержание – оберег треугольной формы, используемый в народной медицине.

Рассмотрение функционала других оберегов, широко использовавшихся в календарной обрядности и в быту гагаузов (чеснок, веточки дерева, железные предметы, красные нитки), позволяет говорить о том, что они выступали как «отгонное» средство, в основе которого лежит апотропеическая (предохранительная) магия (Квилинкова 2002; 2007; 2014; 2015).

Муска у гагаузов является разновидностью оберега, который использовался для лечения наиболее тяжелых заболеваний. С помощью оберега происходило восстановление энергетической целостности ауры, благодаря чему человек меньше подвергался негативному воздействию других лиц, становился менее уязвимым. В отношении к *муске* и в способе ее изготовления у гагаузов ярко проявляется христианско-языческий синкретизм и религиозная идентичность: треугольная форма оберега, символизирующая Святую Троицу; освященные в церкви растения; лоскутки ткани от священнической ризы; текст молитвы из Евангелия. Что касается употребления в оберегах целебных растений и обратного счета от 9 до 0, то в их основе лежат языческие представления.

В настоящее время у гагаузов страх перед злыми силами настолько велик, что они постоянно прибегают к различным формам магии для защиты себя, семьи и домашних животных. Значимость и широкое использование *муски* объясняется верой людей в то, что материалы, из которых они изготовлены, обладают полезными для человека и животного качествами, свойствами или силами, а вложенный внутрь оберега текст (написанные на клочке бумаги молитва, заговор и/или имя больного), содержащий охранительные символы в виде крестов, увеличивает его силу. Чтобы оберег стал действующим необходимо три условия:

положительная энергия человека, изготовившего оберег; непоколебимая вера человека в его магическую силу; произнесение соответствующего заговора.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Амулеты у татар. 3.11.2007. https://www.narodko.ru/article/kogu/tatar/amulety_u_tatar.htm (дата обращения 12.02.2022).

Гагаузско-русско-молдавский словарь. М.: Наука, 1973.

Краснов И.П. Наузы – славянские обереги. http://dreamsilver-taro.narod.ru/libr/metod/amulet/krasnov/nauz/index.htm (дата обращения 12.02.2022).

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1901. С. 1–80.

Салифова Ф. Ходжа лекува инсулт с муски. https://hyperton.blogspot.com/2008/07/blog-post_9223.html (дата обращения 12.02.2022).

Соктоева Л.Ж. Символика чисел в культуре народов. https://mognovse.ru/htp-simvolika-chisel-v-kuleture-narodov.html (дата обращения 12.02.2022).

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бадж Э. Уоллис. Амулеты и суеверия. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001.

Градешлиев И. Краят на един мит и началото на една легенда // Исторически преглед. 1991. Кн. 1. С. 80–89.

Квилинкова Е.Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев–Благоевград: Tip. Centrală, 2012.

Квилинкова Е.Н. Гагаузский народный календарь. Chişinău: Pontos, 2002.

Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011.

Квилинкова Е.Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016.

Квилинкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005.

Квилинкова Е.Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев: Elan Inc, 2010.

Квилинкова Е.Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Tip. Centrală, 2014.

Квилинкова Е.Н. Курбан у гагаузов (Архаическая современность). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2015.

Квилинкова Е.Н. Методика и практика этнологических исследований (научно-методическое пособие). Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020a.

Квилинкова Е.Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат–София: Tip. Centrală, 2013.

Квилинкова Е.Н. Соционормативная культура: традиции и инновации. Кишинев, 2020.

Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Buziness-Elita, 2007.

Квилинкова Е.Н. Хаджылык у гагаузов как религиозный и этнокультурный феномен: от прошлого к настоящему. Кишинев: Tipogr. Centrală, 2017.

Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980.

Тодорова-Пиргова И. Баяния и магии. София, 2003.

Шулекова Ю. Накитки-амулеты от Габрово // Българска етнография. 1994. Год. V. Кн. 2. С. 105–119.

Сведения об авторе: Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси (220072, ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, Республика Беларусь); cvilincova@mail.ru

Поступила 14.02.2022 *Принята к публикации 17.05.2022*

CHARM *MUSKA* AT THE GAGAUZ IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS IDENTITY AND ETHNOCULTURAL PARALLELS

E.N. Kvilinkova

Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after K. Krapiva of the Belarus National Academy of Sciences
Minsk, Republic of Belarus
cvilincova@mail.ru

In the article, traditional medicine is considered as part of traditional knowledge, which is one of the components of folk culture and is preserved by word-of-mouth. It is noted that each ethnic group has developed its own arsenal of folk methods of treatment, which is associated with folk traditions, religious beliefs and economic activities.

The object of the author's special study is the amulet «muska» (a small triangular object), which occupies a special place in the folk medicine of the Gagauz and is preserved at the present time. Based on the field material, the methods of its manufacture and wearing are analyzed, the manifestation of religious identity forms

is studied. The data is given on similar amulets common among other peoples (Bulgarians, Turks, Tatars, etc.).

It is concluded that the Gagauz have preserved archaic methods of making musky. In most cases, they use medicinal plants that perform the function of a talisman. Some items invested in the amulet reflect the confessional affiliation of the Gagauz – Orthodoxy. Considering the tradition of wearing amulets as part of the traditional culture of the people, as well as identifying the existing ethno-cultural parallels in this area, the author "fits" it into the historical and cultural context.

Keywords: ethnomedicine, amulets, folk methods of treatment, Gagauz.

For citation: Kvilinkova E.N. Obereg *muska* u gagauzov v kontekste religioznoy identichnosti i etnokulturnykh paralleley [Charm *muska* at the Gagauz in the context of religious identity and ethnocultural parallels]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 274–293. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.274-293 (In Russian)

REFERENCES

Badzh E. Uollis. *Amulety i sueveriya* [Amulets and Superstitions]. Moscow: Refl-buk Publ., Kyiv: Vakler Publ., 2001. (In Russian)

Gradeshliev I. Krayat na edin mit i nachaloto na edna legenda [The End of the Myth and the Beginning of the Legend]. *Istoricheski pregled.* 1991, vol. 1, pp. 80–89. (In Bulgarian)

Kvilinkova E.N. *Gagauzskiy pesennyy folklor – "Grammatika zhizni"* [Gagauz song folklore – "The Grammar of Life"]. Kishinev: Elan Inc. Publ, 2011. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Pravoslavie – sterzhen gagauzskoy etnichnosti* [Orthodoxy is the Core of the Gagauz Ethnicity]. Komrat; Sofiya: Centrală Publ., 2013. (In Russian)

Kvilinkova E.N. Kurban u gagauzov (Arkhaicheskaya sovremennost) [Kurban among the Gagauz (Archaic Modernity)]. Kishinev: Centrală Publ., 2015. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Gagauzy v etnokulturnom prostranstve Moldovy* (Narodnaya kultura i etnicheskoe samosoznanie gagauzov skvoz prizmu svyazi vremen) [The Gagauz in the Ethnocultural Space of Moldova (Folk Culture and Ethnic Identity of the Gagauz through the Prism of the Connection of Times)]. Kishinev: Centrală Publ., 2016. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Sotsionormativnaya kultura gagauzov: traditsii i transformatsii* [The Socionormative Culture of the Gagauz people: Traditions and Transformations]. Kishinev: Print Caro Publ., 2020b. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Apokrify v zerkale narodnoy kultury gagauzov* [Apocryph in the Mirror of the Folk Culture of the Gagauz]. Kishinev–Blagoevgrad: Centrală Publ., 2012. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Gagauzskiy narodnyy calendar* [Gagauz Folk Calendar]. Chişinău: Pontos Publ., 2002. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Gagauzy Moldovy i Bolgarii (Sravnitelnoe issledovanie kalendarnoy obryadnosti, terminov rodstva i folklora)* [The Gagauz of Moldova and Bulgaria (Comparative study of calendar rituals, terms of kinship and folklore)]. Chişinău: Pontos Publ., 2005. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Zagovory, magiya i oberegi v narodnoj medicine gagauzov* [Conspiracies, Magic and Amulets in the Folk Medicine of the Gagauz.]. Kishinev: Elan Inc., 2010. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Kult volka u gagauzov skvoz prizmu etnokulturnyh simvolov* [The Cult of the Wolf among the Gagauz through the Prism of Ethnocultural Symbols]. Kishinev: Centrală Publ., 2014. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Metodika i praktika etnologicheskih issledovanij (nauchno-metodicheskoe posobie)* [Methods and Practices of Ethnological Research (scientific and methodological manual)]. Kishinev: Print Caro Publ., 2020. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura gagauzov: etnoregional'nye osobennosti* [Traditional Spiritual Culture of the Gagauz: Ethno-Regional Features]. Kishinev: Buziness-Elita Publ., 2007. (In Russian)

Kvilinkova E.N. *Hadzhylyk u gagauzov kak religioznyy i etnokulturnyy fenomen: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Hadzhilyk among the Gagauz as a Religious and Ethno-cultural Phenomenon: from the Past to the Present]. Kishinev: Centrală Publ., 2017. (In Russian)

Kuroglo S.S. *Semeynaya obryadnost gagauzov v XIX – nachale XX vv.* [Family Rituals of the Gagauz in the 19th – early 20th centuries.]. Kishinev, 1980. (In Russian)

Todorova-Pirgova I. *Bayaniya i magii* [Accordion and Magic]. Sofiya, 2003. (In Bulgarian)

Shulekova Yu. Nakitki-amulety ot Gabrovo [Capes-amulets from Gabrovo]. *B'lgarska etnografiya*. God. V. 1994. Kn. 2, pp. 105–119. (In Bulgarian)

About the author: Elizaveta N. Kvilinkova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after K. Krapiva of the Belarus National Academy of Sciences (1, building 2, Surganov St., Minsk 220072, Republic of Belarus); cvilincova@mail.ru

Received February 14, 2022 *Accepted for publication May 17, 2022*

УДК 39(=512.164)

ТРАДИЦИОННЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ У ТУРКМЕН

С.Дж. Атдаев

Институт истории и археологии
Академии наук Туркменистана
Ашхабад, Туркменистан
serdar63atdayev@gmail.com

Традиционные игрушки и поделки представляют собой важную часть детского мира. Они являются не просто забавой, но и важным элементом воспитания и развития ребенка. При помощи игрушек дети познают окружающий мир, учатся налаживать социальные связи, готовятся к взрослой жизни. Исследование направлено на обобщение археологических и этнографических материалов по тадиционным детским игрушкам у туркмент для создания общей картины данной части культуры народа.

Археологические находки показывают, что на территории Туркменистана детские игрушки изготовлялись еще во времена бронзового века. Они обнаружены и среди предметов средних веков. Для мальчиков обычно мастерили миниатюрные луки и стрелы, пращи, ружья и сабли. Дети плели сетки для охоты на птиц, мастерили капканы для ловли животных. Они изготавливали игрушечные хозяйственные орудия труда. Игрушки имитируют свадьбы и иные торжества, которые сопровождаются игрой на миниатюрных музыкальных инструментах. Девочки делали в основном куклы, предметы домашнего обихода и посуду. Отдельное место занимают фигурки животных. В прошлом игрушки-куклы изготовлялись для проведения ритуальных обрядов – при лечении или вызывании дождя. Производство традиционных игрушек продолжалось вплоть до начала XX в. Сведения об изготовления игрушек сохранились в туркменских народных сказках и поверьях.

Ключевые слова: игрушка, кукла, рождение ребенка, воспитание, хозяйственные игрушки, музыкальные поделки, фигурки животных.

Для цитирования: Атдаев С.Дж. Традиционные детские игрушки у туркмен // Историческая этнология. 2022. Т. 7, №. 2. С. 294–306. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.294-306

Мир огромен, полон таен
Суть его нам не понять.
Не пекутся только дети,
В играх счастье коротать.
С.А.

Игрушки являются важной частью детского мира. При помощи игрушек ребенок познает окружающий их мир, учится налаживать социальные связи, готовится к взрослой жизни. Традиционные детские игрушки у туркмен изучены не достаточно глубоко. Первую попытку предпринял советский ученый, филолог и литературовед А.П. Поцелуевский (1894–1948) (Поцелуевский 1931). Позже этот вопрос затронул академик А. Джикиев (Джикиев 1983). Последнее обращение к теме было предпринято О.А. Ботяковой (Ботякова 1995). Наше исследование направлено на обобщение археологических и этнографических материалов по тадиционным детским игрушкам у туркмент для создания общей картины данной части культуры народа.

Согласно преданиям тюркских народов, появление детских игрушек связано с именем легендарного Коркут-Ата. Когда сказитель женил своих детей, он организовал праздник. Но из-за своей бедности, он был вынужден выложить на скатерть лепешки из глины вместо хлеба. С тех самых пор дети изготавливают для развлечений разные игрушки, подражая настоящим вещам (Басилов 1992: 71).

Первые сведения о детских игрушках, обнаруженных на территории Туркменистана, относятся к бронзовому веку. На поселениях Маргуша (2900–1500 г. до н.э.) найдены керамические горны, в которых, наряду с посудой, обжигались и миниатюрные глиняные детские игрушки – фигурки животных – баранов, козлов, верблюдов (Сарианиди 2002: 96). Археологические раскопки в средневековом квартале гончаров, расположенном в западном пригороде Мерва (XII в.), выявили разнообразные детские игрушки: миниатюрную посуду, крохотные светильники, фигурки людей и животных. Здесь найдены свистульки в форме козлов, петухов и рыб (Лунина 1962: 393, 397).

По сообщению Мухаммада ар-Равенди (ум. после 1206 г.), в сельджукском государстве мусульманские теологи и правоведы разделяли товары на разрешенные (ал-халял), запрещенные (ал-харам, ал-махзур) и неодобряемые (ал-макрух). Продажа игрушек, изображавших животных, возбранялась. Однако их невозможно было запретить, поскольку они глубоко укоренились в народе: фигурками животных активно торговали в праздники (*ид*); деревянные щиты и мечи – по случаю нового года (*Новруз*); рожки из обожженной глины – для церемоний в дни праздника ‘сада’. (Агаджанов 1991: 157). Производство игрушек про-

должалось вплоть до начала XX в. В обзорной работе «Азиатская Россия» сообщается, что местные кустари производили детские игрушки из дерева, жести, глины и тряпок (Азиатская Россия 1914: 403).

Рождение ребенка

Выходя замуж, подруги невестки по традиции дарят ей разные игрушки. С пожеланиями рождения мальчика ей подносят игрушки для мальчика, с пожеланиями рождения девочки – куклы. Накануне свадьбы сторона невестки устраивает коллективное приготовление приданного. По окончании работ детям раздают сладости и игрушки. В день торжества свадебный караван едет за невесткой. Во время шествия раздаются деньги, сладости и игрушки. После свадьбы готовятся лепешки, поверхности которых украшивают мучными изображениями игрушек (Türkmen halk ygym-ynançlary 2005: 41–47).

Стены кибитки, где родился мальчик, внутри и снаружи украшают ватными фигурками, представляющим звезды, луну, солнце и домашних животных. Эти подарки не снимают в течение 40 дней (Овезбердыев 1962: 158). Если в семье ждут рождения девочки, то старшая родственница матери изготавливает куколку. После рождения девочки куклу отдают детям (Ботякова 1995: 169).

Игрушки мальчиков

Дети в играх стараются подражать взрослым. Игрушки *оюнджак* они лепят из глины. Обычно это фигуры воинов и всадников (Овезбердыев 1962: 159). Обязательными атрибутами военных игр являются лук и стрела, пращи, игрушечные кремневые ружья, сабли из прутьев. Для изготовления лука *ок-яй* обычно используют ветки ивы *сёвут*, *тал* или тамариска *йылгын*. Тетиву *кириш* изготовляют из бараньих кишок или из шелковых ниток *эриш*. Стрелу *ок* мастерят из прямых стволов ивы и тамариска. Конец стрелы заостряют и надевают на него острый железный наконечник. Задний конец стрелы изготовляют в виде перьев *хачджа* (Джикиев 1983: 110–112). Немецкий этнограф и путешественник Р. Карутц (1867–1945) отмечал, что иногда лук изготавливался из кости. Стрела мастерилась из камыша, в конце которой втыкали обыкновенную иглу (Карутц 1911: 86). А.П. Поцелуевский писал, что луки и стрелы дети делали из тутового дерева, а стрелы имели наконечники в виде железного гвоздя или конически свернутого листка жести (Поцелуевский 1931: 98, 99).

Метание камней из пращи – излюбленная игра детворы. Конструкция пращи *сапан*, состоит из шерстяной полуовальной формы чаши *окара*. В неё помещается камень или ком земли. К гнезду привязывают

шерстяные шнуры *сапан багы*. Один из шнурков имеет кольцо для указательного пальца правой руки *халка*. На конце другого шнура прикрепляют шелковую бахрому, которая при стрельбе хлопает (Джикиев 1983: 113, 114). Пращи применяются для отпугивания птиц и кабанов, поедающих посевы и урожаи. Гравёр и рисовальщик Л.Е. Дмитриев-Кавказский (1849–1916) писал, что в окрестных полях Мерва встречал большие глинобитные тумбы, на которых стояли охранники зерновых полей. При большом скоплении птиц в них кидались камни из праща (Дмитриев-Кавказский 1894: 114).

Среди детских игрушек туркмен следует упомянуть самопалы, из которых весьма интересен *кумолок-яйы*. Состоит он из камышовой трубки с двумя отверстиями сверху и одним снизу, гибкого тутового прута или камышовой лучинки. Прут просовывается по дуге в трубку. При нажатии на кончик прута происходит щелчок по вложенному. Другой вид самопалов называется *таркыллавук*. Он состоит из длинной камышовой трубки с расщепом на конце. Туда вставляется палочка *гуладжык*, которая при подергивании за веревочку, отлетает в сторону. Звук выстрела имитировало игрушечное ружье *тупен*. Водяной лук *сув яйы*, *соркуч* состоял из камышовой трубки с вставленным в нее тряпочным поршнем. Этой игрушкой дети обрызгивали друг друга водой (Поцелуевский 1931: 98, 99).

Сетки для ловли мелких птичек плетутся из конского волоса, а игрушечные капканы для ловли животных – из гибких веток или стеблей камыша. Популярными игрушками являются двигательные игрушки – тряпичный мяч, волчок (сармач) и чижик (чилик), ветряная вертушка.

Детские игрушки отражают черты бытовой жизни. Имитируя труд взрослых, дети изготовляют из дерева хозяйственные орудия – кетмень, соху, борону, топорик-теше, весы с чашечками. Мастерятся сложные по изготовлению конструктивные предметы – миниатюрные мельницы, водяное колесо *чархыджа*.

С помощью глиняных фигурок дети имитируют поход взрослых в гости и женитьбу *атбашчы* (Овезбердыев 1962: 159). Игрушка *ойнавач*, символизирующая жениха, называлась *адамча*. Она имеет музыкальное сопровождение. Обязательным атрибутом музыкальных игрушек являются их миниатюрные копии – туркменская скрипка *гыджак* со смычком, струнный инструмент *дутар* и дудка *туйдук*. Корпус *дутара* и *гыджака* дети делают из ствола зонтичного растения *гамак*, а струны – из конского волоса.

Интересной выглядит игрушка *сызлавуч*. Она представляет собой деревянную палочку с кольцеобразной зарубкой или зазубренный диск из сухой тыквенной корки с двумя отверстиями в центре. При помощи шнура диску задается кругообразное движение, из-за которого возни-

кает резкий жужжащий звук. Из маленьких сортов тыквы *чага кяди* изготовляется игрушка-трещотка. Популярна свистулька *джуль-джуль*. Производится она из тонкой жести или дерева. Внутрь кладут зерно фасоли или камешек, которые при вдувании издают пронзительный свист.

Игрушки являются развлечением не только детей. Корреспондент британской газеты «Daily News» Эдмонд О'Донован (1844–1883), находившийся в Мерве в начале 1881 г., описывал сцену участия взрослых в играх. Однажды к нему явился глава текинского отделения *утамыш* Аманнияз-хан, сын знаменитого Ораз Яглы-хана из рода гараахмет. Решив удивить Донована своим новым приобретением, он показал маленькую шарманку – детскую игрушку, выполненную из позолоченного картона. Она издавала дивные звуки, посмотреть и послушать которые собралась толпа зевак. Вскоре инструмент пошел по кругу, безмерно радуя присутствующих (The Merv Oasis travels… 1883b: 286). Донован видел игру детей с бумажным воздушным змеем, называемым у туркмен *томасе* (*томаша*). Туркмены говорили Доновану, что запускают змея испокон веков (The Merv Oasis travels… 1883a: 251).

Игрушки девочек. Куклы

Главными игрушками девочек являются образные игрушки – куклы. Игры в них развивают вежливость и гостеприимство. Эти черты девочки видят у своих родителей, и потому, становятся вторыми воспитателями после матери (Детские игрушки 1909: 176).

Девочки мастерят куклы *гурджак* только женского пола. Темами игр с ними становятся в основном свадьбы и другие тожества (Овезбердыев 1962: 159). Игрушки девочек *джаджек / джюджек* представляют собой набор раскрашенных черепков, символизирующих предметы домашнего обихода – треножник *таган*, казан, ложки, чайники, пиалы, миски, ведра и т.д.

Куклы мастерятся из деревянных или камышовых палочек, на которые наматываются лоскуты материи. Игрушка имеет женскую одежду, ее голову изображает свернутая углом или кружком тряпка (Карутц 1910: 86). Обычно на деревянную палочку крепят поперечную перекладину, изображающую руки, а на верхние концы палочек наматывают белую тряпичную головку (Поцелуевский 1930: 100).

В «Туркестанских ведомостях» за 1909 г. пишется о том, что палочку обтягивали куском материи. Затем один ее конец завязывали куском платка, а сверху надевали халат. К груди вместо золотых и серебряных изделий, которые носили женщины, пришивали что-нибудь блестящее. Такие куклы изображали молодых женщин. Девочки делали

куклы, изображающие женщин пожилых лет: одежда на таких игрушках состояла из старой материи, а голова повязалась белым платком. Кукол помещали в одной юрте и везли на верблюдах в другую юрту. Хозяйка юрты угощала гостей хлебом и водой. Для игры изготовляли паланкин *кеджебе*, в котором перевозили невесту в юрту жениха. Некоторые детали кукол и лепили интерьер из глины (Детские игрушки 1909: 173, 174).

Возможно, девочки в качестве кукол использовали маленькие тыковки. Известно, что тыкву иногда использовали в качестве реквизита при инсценировке народных пьес. Российским и советским востоковедом (1880–1938) А.Н. Самойловичем была описана сцена с грудным ребенком в исполнении туркменского музыканта Амана бахши. В качестве младенца была использована длинная грушевидная тыква (Самойлович 1908: 123–124).

Игрушки, изображающие животных

Особую группу игрушек представляют фигурки животных, которых мастерят из камыша и глины. При изготовлении лошади к камышовой трубке крепят короткий обрезок, изображающий поводья и уздечку. В дни празднования Новруза детям часто дарят глиняные детские игрушки-свистульки в виде коня. Эта традиция связана с обрядом испрашивания дождя.

По народному поверью, изготовление фигурки коня приносит рождение мальчика. Фигурку лепят из глины, снабжая седлом и легкой попоной из ткани *койнекче*. Зимой ее покрывают войлочной попоной со специальными завязками *багаджик*. Коню дают имя. Его скрывают от женщин, так как конь является для них запретным. Фигурку хранят на мужской половине дома, головой на север. Мальчикам разрешается играть с ней. Если фигура случайно разбивается, ее лепят заново, сохраняя прежнее имя (Ботяков, Ботякова 1998: 56).

Р. Карутц отметил, что лошадок вырезали из местного мягкого известняка или из дерева, часто с подвижными ногами. Кусочек тряпки изображал седло. Этнограф сообщает о том, как видел у одного туркменского мальчика конюшню для лошадки: ребенок выкопал маленькую яму, обложил её камнями и накрыл кусочком железного листа (Карутц 1910: 86). При изготовлении животных использовали кости животных. Нижние челюсти, обернутые тряпками, изображали верблюдов, с седлами и поводьями. Девочки играли в ‘перекочевку аула’, взваливая на игрушечных верблюдов вьюки и другую поклажу (Карутц 1910: 86).

Из глины девочки мастерили верблюдов, коров и баранов. Для верблюдов делали узды и седла (Детские игрушки 1909: 173). Девочки могли изготовить младшим братьям коня, всадника с оружием, который едет к своему другу и где его угощают бараниной (Детские игрушки 1909: 174). Известно, что у ставропольских туркмен на свадьбах популярен танец с игрушечным козленком (Джикиев 1983: 45).

Ритуальные игрушки

Игрушки в прошлом имели и ритуальное назначение. В основном это были куклы, намеренно изготовленные для проведения ритуальных обрядов – излечения от болезни, вызывания дождя. При обращении к природным явлениям использовали деревянные и матерчатые куклы. Обряд назывался *чемче-гелин* (невестка-ковш). Материал, записанный в Марыйском велаяте (области) Туркменистана в середине XX в, показывает, что такой обряд проводился во время наступления весны. Дети и подростки с началом сумерек ходили по дворам и читали считалки, в которых с помощью куклы *чемче-гелин* просили у Всевышнего обильного дождя.

Çemçe gelin aş islär,
Alladan ýagyş islär.
Elim hamyrda galdy,
Bir çemçejik suw islär.

Что просит Чемче-гелин?
Она просит у Всевышнего дождя.
Руки мои в тесте.
Просит Чемче-гелин ложечку воды.
(Атдаев 2020: 89).

Туркменские шаманы – *порханы* – применяли куклы в своих сеансах. При лечении пациента использовалось животное, которое затем приносилось в жертву. Кости животного закапывалось у дороги, а на кучки отброшенной лопатой земли шаман втыкал куколки *гурджак* в виде палочек, у которых навершие из лоскута материи обозначало человеческую голову. Такие куколки изготовлял сам *порхан*. Обычно их число составляло 40 (Басилов, Ниязклычев, 1975:130). Вылепленная кукла применялась во время камлания. Порхан прятал ее за занавес и в нужный момент вынимал для проведения сеанса (Басилов 1992: 233).

Информация о практике изготовления игрушек сохранилась в народных сказках. В одной из них «*Syrlaryň açylyşy*» («Открытие тайн»)

говорится, как некий музыкант был влюблен в прекрасную пери, и не добившись ее расположения, ежедневно мастерил куклы, подобные своей влюбленной (Türkmen halk ertekileri 2006: 21–32). Другая сказка посвящена кукле и называется «*Gurjak gyz*» («Девочка игрушка») (Türkmen halk ertekileri 2006: 159–161). В сказке «*Üç gyz dogan*» («Три сестры») описана забавная кукла, которая сама могла веселиться и смеяться (Türkmen halk ertekileri 2006: 211–221). Кукла фигурирует в сказке «*Nadara tilkijik*» («Безумная лисица») (Türkmen halk ertekileri 2012: 138–141).

В сказке «*Akpamyk*» говорится, что у одного человека было семеро сыновей. Вскоре его жена должна была родить восьмого ребенка. Сыновья, отправляясь на охоту, обратились к отцу со словами: «Если родится девочка, установите на входе куклу, если же родится мальчик, повесьте лук и стрелы» (Türkmen halk ertekileri 2006: 33–45).

Согласно повествованию народного эпоса «*Гёроглы*», будущий герой родился в утробе уже погибшей матери. Одаренный необычайной силой, он самостоятельно появился на свет. Время от времени дите выползало из могилы, чтобы пососать молоко пасущихся рядом коз. Увидев это необычное явление, люди задумали выманить ребенка. Он был настолько обросшим, что трудно было определить его пол. Тогда было решено расположить по обе стороны от отверстия игрушки. С одной стороны, разложили игральные альчики, с другой – куклу. Ребенок выбрал альчики. Так был определено, что это был мальчик (Görogly 1980: 34).

Поверья рыбаков гласят, что если у кого-то начинал падать улов, причиной которого были проделки конкурентов, то нужно сделать куклу, имитирующей соперника. Затем выстрелом из ружья символически убить его. После этих манипуляций удача должна была вернуться к рыбаку. Использовать такой приём решался не всякий, так как он считался опасным и мог привести к реальной смерти прототипа (Демидов 1963: 131).

Святые места и могилы праведников являются местом частого посещения бездетных женщин. Они в желании зачать ребенка усиленно молят о помощи, оставляют крошечные модели детских колыбелей**,** луков и стрел (Джикиев 1983: 112). Иногда мастерят две куклы – мальчика и девочки. Горсть кладбищенской земли смешивается с солью и закутывается в тряпочку. Этот амулет обшивается шнурком-аладжа, крепится на шее куклы и в таком виде подвешивается в доме (Türkmen halk yrym-ynançlary 2005: 60). Если женщина страдает недержанием плода, то она мастерит две куклы, и вместе с пожилой женщиной посещает кладбище. В жертву приносится черная курица, кровью которой кропят куклу. Куклы оставляются на кладбище (Türkmen halk yrym-ynançlary 2005: 63).

* * *

Традиционные игрушки и поделки представляют собой важную часть детского мира. Игрушки – это забава, значимый элемент воспитания подрастающего поколения. При их помощи дети познают окружающий мир, учатся налаживать социальные связи, готовятся к взрослой жизни. Археологические находки показывают, что детские игрушки у туркмен изготовлялись на территории Туркменистана еще во времена бронзового века. Подобные находки продолжают встречаться на памятниках среднего века. Согласно средневековым источникам, игрушки являлись обязательным атрибутом весеннего праздника Новруз.

Для мальчиков обычно изготовлялись миниатюрные луки и стрелы, пращи, ружья и сабли. Плелись сетки для охоты на птиц, мастерились капканы для ловли животных. Имитировались хозяйственные орудия – кетмень, соха, борона, топорик, весы с чашечками, мельницы, водяное колесо. Игрушки изображали свадьбу и другие значимые торжества. У туркмен популярными были музыкальные игрушки – скрипка-*гыджак*, струнный инструмент *дутар* и дудка-*туйдук*. Особой популярностью пользовались волчок *сармач*, чижик *чилик*, ветряная вертушка, тряпичный мяч. Девочки изготавливали в основном куклы. Игры в куклы прививают у них вежливость и гостеприимство. В набор игрушек девочек входят поделки, изображающие треножник *таган*, казан, ложки, чайники, пиалы, миски, ведра.

Отдельное место занимают фигурки животных. Игрушки-куклы в прошлом изготовлялись для проведения ритуальных обрядов – излечения от болезней, вызывания дождя. Производство традиционных игрушек у тукрмен продолжалось до начала XX в. Сведения об игрушках сохранились в туркменских сказках, поверьях и молениях.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Görogly. Türkmen halk eposy. Aşgabat: Türkmenistan, 1980.

The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the 'Daily news'. Vol. I. G. P. Putnam's Sons, New York. 1883a.

The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". Vol. II. G. P. Putnam's Sons, New York. 1883b.

Türkmen halk ertekileri. (Haýwanlar hakyndaky ertekiler). Aşgabat: Miras, 2012.

Türkmen halk ertekileri. (Jadyly ertekiler). Aşgabat: Miras, 2006.

Türkmen halk yrym-ynançlary. Aşgabat: Miras, 2005.

Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991.

Азиатская Россия. Том 2. Земля и хозяйство. СПб., 1914.

Атдаев С. Дж. Обряд испрашивания дождя у туркмен // Народы и религии Евразии. 2020. №3 (24). С. 83–97.

Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992.

Басилов В.Н., Ниязклычев К. Пережитки шаманства у туркмен-човдуров // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 123–137.

Ботяков Ю.М., Ботякова О.А. Раннее детство в представлениях, обычаях и обрядах туркмен // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 51–84.

Ботякова О.А. Куклы народов Средней Азии // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1995. Вып. 7. С. 159–172.

Демидов С.М. О пережитках верований, связанных с водной стихией и рыболовством у туркмен // Труды Института Истории, Археологии и Этнографии. Серия этнографическая. АН ТССР, Т.VII. Ашхабад, 1963. С. 119–134.

Детские игры у туркмен Закаспийской области // Туркестанские ведомости. 1909, № 272. С. 173–176.

Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры (на материале Южного и Восточного Туркменистана). Ашхабад: Ылым, 1983.

Дмитриев-Кавказский Л.Е. По Средней Азии: записки худож. Л.Е. Дмитриева-Кавказского. СПб.: А.Ф. Девриен, 1894.

Карутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке / Пер. Е. Петри. СПб.: Изд-е А.Ф. Девриена. 1911.

Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // Труды ЮТАКЭ. Том XI. Ашхабад. Изд-во АН ТССР. 1962. С. 217–417.

Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков пендинского оазиса // Труды Института Истории, археологии и этнографии. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1962, т.VI. С. 151–182.

Поцелуевский А.П. Гокленские детские игрушки // Туркменоведение. 1931. № 7–9. С. 80–110.

Самойлович А. Этнографические мелочи из дневника путешествующего по Туркмении // Живая Старина. Вып. 1. СПб., 1908. С. 122–125.

Сарианиди В. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.

Сведения об авторе: Атдаев Сердар Джумаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана (744005, проспект Сапармурата Туркменбаши, 18, Ашхабад, Туркменистан); serdar63atdayev@gmail.com

Поступила 8.04.2022 *Принята к публикации 17.05.2022*

TRADITIONAL CHILDREN'S TOYS AT THE TURKMENS

S.J. Atdaev
Institute of History and Archeology
of the Turkmenistan Academy of Sciences
Ashgabat, Turkmenistan
serdar63atdayev@gmail.com

Traditional toys and various handcrafted items constitute an important part of the children's world. Toys are not just fun, but also an important element in the upbringing and development of the child. With the help of toys, children learn about the world around them, learn to establish social ties, and prepare themselves for adulthood.

Archaeological finds demonstrate that children's toys were made on the territory of Turkmenistan already in the Bronze Age and their production continued into the Middle Ages. Miniature bows and arrows, slings, guns and sabers were usually made for boys. Children weaved bird nets and made animal traps. They also created toy tools of trade for the household. Toys imitate weddings and other celebrations accompanied by playing miniature musical instruments. Girls mainly made dolls, as well as household items and utensils. Animal figurines occupy a distinct place in the group of toys. In the past, doll toys were also made for ritual ceremonies: curing diseases or calling the rain. The production of traditional toys continued until the beginning of the 20th century. Information about toys production has been preserved in Turkmen folk tales and beliefs.

Keywords: toy, doll, childbirth, upbringing, household toys, handcrafted items, animal figurines.

For citation: Atdaev S.J. Traditsionnyye detskiye igrushki u turkmen [Traditional children's toys at the Turkmens]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 294–306. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.294-306 (In Russian)

REFERENCES

Agadzhanov S.G. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednyaya Aziya v XI–XII vv*. [The Seljuk State and Central Asia in the 11th–12th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1991. (In Russian)

Atdayev S.J. Obryad isprashivaniya dozhdya u turkmen [The ritual of Asking for the Rain of the Turkmen]. *Narody i religii Yevrazii,* 2020, no. 3(24), pp. 83–97. (In Russian)

Aziatskaya Rossiya [Asian Russia]. Volume 2. Zemlya i khozyaystvo [Land and Economy]. Saint Petersburg, 1914. (In Russian)

Basilov V.N. *Shamanstvo u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Shamanism among the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow: Nauka Publ., 1992. (In Russian)

Basilov V.N., Niyazklychev K. Perezhitki shamanstva u turkmen-chovdurov [Remnants of Shamanism among the Turkmen Chovdurs]. *Domusul'manskiye verovaniya i obryady v Sredney Azii*. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 123–137. (In Russian)

Botyakov Yu.M., Botyakova O.A. Ranneye detstvo v predstavleniyakh, obychayakh i obryadakh turkmen [Early Childhood in the Ideas, Customs and Rituals of the Turkmen]. *Detstvo v traditsionnoy kul'ture narodov Sredney Azii, Kazakhstana i Kavkaza*. St. Petersburg, 1998, pp. 51–84. (In Russian)

Botyakova O.A. Kukly narodov Sredney Azii [Dolls of the Peoples of Central Asia]. *Kunstkamera: Etnograficheskiye tetradi*. St. Petersburg, 1995, Issue. 7, pp. 159–172. (In Russian)

Demidov S.M. O perezhitkakh verovaniy, svyazannykh s vodnoy stikhiyey i rybolovstvom u turkmen [On the Relics of Beliefs Associated with the Water Element and Fishing among the Turkmens]. *Trudy Instituta Istorii, Arkheologii i Etnografii. Seriya etnograficheskaya*. Ashgabat, 1963, pp. 119–134. (In Russian)

Detskie igry u turkmen Zakaspiyskoy oblasti [Children's Games among the Turkmens of the Transcaspian Region]. *Turkestanskie vedomosti*, 1909, no. 272, pp. 173–176. (In Russian)

Dmitriev-Kavkazsky L.E. *Po Sredney Azii: zapiski khudozh. L.E. Dmitrieva-Kavkazskogo* [In Central Asia: Notes of the Artist L.E. Dmitriev-Kavkazsky]. St Petersburg: A.F. Devrien, 1894. (In Russian)

Dzhikiyev A. *Traditsionnyye turkmenskiye prazdniki, razvlecheniya i igry (na materiale Yuzhnogo i Vostochnogo Turkmenistana)* [Traditional Turkmen Holidays, Entertainment and Games (on the materials of Southern and Eastern Turkmenistan)]. Ashgabat: Ylym Publ., 1983. (In Russian)

Görogly. *Türkmen halk eposy* [The Turkmen Folklore Epos]. Ashgabat: Türkmenistan, 1980. (In Turkmen)

Karutts R. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake* [Among the Kirghiz and the Turkmens on Mangyshlak]. Transl. E. Petri. St Petersburg: A.F. Devrien. 1911. (In Russian)

Lunina S.B. Goncharnoye proizvodstvo v Merve X – nachala XIII vv. [Pottery Production in Merv in the 10th – early 13th centuries]. *Trudy YUTAKE.* Ashgabat: TSSR Academy of Sciences Publ., 1962. Vol. XI, pp. 217–417. (In Russian)

Ovezberdyyev K. Materialy po etnografii turkmen-sarykov pendinskogo oazisa [Materials on the Ethnography of the Turkmen-Saryks of the Penda Oasis]. *Trudy Instituta Istorii, arkheologii i etnografii.* Ashgabat: TSSR Academy of Sciences Publ. 1962. Vol. VI, pp. 151–182. (In Russian)

Potseluevskiy A.P. Goklenskie detskie igrushki [Goklen Children's Toys]. *Turkmenovedenie*, 1931, no. 7–9, pp. 80–110. (In Russian)

Samoylovich A. Etnograficheskie melochi iz dnevnika puteshestvuyushchego po Turkmenii [Ethnographic Details from the Diary of a Person Travelling in Turkmenistan]. *Zhivaya Starina*. Vol. 1. St. Petersburg, 1908, pp. 122–125. (In Russian)

Sarianidi V. *Margush. Drevnevostochnoye tsarstvo v staroy del'te reki Murgab* [Margush. An Ancient Eastern Kingdom in the Old Delta of the Murghab River]. Ashgabat, 2002. (In Russian)

The Merv Oasis Travels and Adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the 'Daily news'. Vol. I. G. P. Putnam's Sons, New York. 1883a. (In English)

The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". Vol. II. G. P. Putnam's Sons, New York. 1883b. (In English)

Türkmen halk ertekileri. (Haýwanlar hakyndaky ertekiler). Ashgabat: Miras, 2012. (In Turkmen)

Türkmen halk ertekileri. (Jadyly ertekiler). Ashgabat: Miras, 2006. (In Turkmen)

Türkmen halk yrym-ynançlary. Ashgabat: Miras, 2005. (In Turkmen)

About the author: Serdar J. Atdaev, Cand. Sc. (History), Leading Researcher Fellow of the Department of Ethnography, Institute of History and Archeology of the Turkmenistan Academy of Sciences (18, Saparmurat Turkmenbashi Ave., Ashgabat 744005, Turkmenistan); serdar63atdayev@gmail.com

Received April 8, 2022 *Accepted for publication May 17, 2022*

Идентичность в теории и прикладных исследованиях

УДК 316.4.06

ОБРАЗ ТАТАРСТАНА В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ И СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (2013–2019 гг.)

Г.И. Макарова

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru

Последние десятилетия характеризовались в РФ переменой стратегий регионов и их включением в логику взаимной конкуренции. Это сделало актуальным поиск отличительности каждого из них, выстраивание публичных этнокультурных образов. Цель статьи – раскрыть содержание и специфику формируемого в Татарстане его образа посредством связанных с культурой и социокультурным развитием официальных нормативно-правовых и программных документов. Нижние временные границы исследования определяются проведением в республике первого спортивного мега-события – Универсиады-2013, верхние – последним предпандемийным годом (2019 г.). Его основным методом стал отбор и традиционный анализ законов, стратегий, программ, концепций, принятых в республике и связанных с этнокультурным и стратегическим территориальным развитием.

Проведенный анализ определил два основных направления репрезентации Республики Татарстан. Первое – преемственное со стратегиями 1990-х – начала 2000-х годов, когда на первый план выходила этнокультурная ее компонента. В относимых к нему документах Татарстан продвигается как исторически сложившийся мультикультурный регион, территория межэтнического согласия, паритета татарской и русской культур, ислама и православия, а также центр развития татарской культуры, татарской идентичности. Второе направление связано с переориентацией активности региональных элит на поиск новых социально-экономических смыслов, связанных, однако, с социокультурными. Республика продвигается как модернизированный конкурентоспособный регион страны, в котором особое внимание уделяется человеку, развитию его способностей и реализации потребностей, в том числе в безопасной и комфортной социокультурной среде. Этнокультурная отличитель-

ность территории трактуется при этом как преимущество в межрегиональной конкуренции, ресурс для привлечения инвестиций и социального капитала.

Ключевые слова: этнокультурный образ, культурная политика, стратегии регионального развития, региональная идентичность, элиты, Татарстан.

Для цитирования: Макарова Г.И. Образ Татарстана в культурной политике и стратегиях регионального развития (2013–2019 гг.) // Историческая этнология. 2022. Т. 7, №2. С. 307–328. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.307-328

Характерное для последних десятилетий включение регионов России в логику взаимной конкуренции сделало важным поиск отличительности каждого из них. Особая роль отводится при этом публичным этнокультурным образам, применяемым в позиционировании территорий в пространстве страны и в мире и способным приносить определенные (в том числе экономические) дивиденды, а также влиять на формирование региональных идентичностей. Эти образы продвигаются посредством разрабатываемых в них официальных брендов, ориентированных на самих жителей и визитеров, реализуемых массовых мероприятий и мегасобытий. Однако изначально содержательные основы формирования региональных образов задаются культурной и – шире – социокультурной политикой, поскольку в ней формулируются основные принципы и определяются направления социокультурного развития. Кроме того, она непосредственно участвует в их конструировании, будучи направленной на укрепление региона в качестве административно-территориальной целостности (в составе более крупного образования – государства), на формирование соответствующей солидарности.

Цель статьи – раскрыть содержание и специфику формируемого в республике в изучаемый период образа Татарстана посредством связанных с культурой и социокультурным развитием официальных нормативно-правовых и программных документов. Она конкретизируется следующими *задачами*:

– выяснить, вокруг каких смыслов выстраивается в изучаемый период отличительность региона посредством культурной политики и стратегий регионального развития;

– выявить основные тенденции изменения формируемых в официальных документах образов Татарстана;

– определить, какое место занимают среди них этнокультурные образы;

– уточнить содержание этих образов в их взаимосвязи с задачами укрепления региональной идентичности.

Материалы и методы

Статья опирается на анализ официальных документов – принятых в РТ законов, государственных программ, концепций, связанных с этнокультурным, а также стратегическим территориальным развитием. Данный анализ был направлен на выяснение основных приоритетов этнокультурной политики республики, развития региона в целом, влияющих на формирование его публичного образа и региональную идентичность. Он осуществлялся в несколько этапов. На первом – проводился первичный отбор законов, программ, концепций по названию или тематике; на втором – в текстах выделялись фрагменты, связанные с определением названных приоритетов; на третьем – производился их традиционный (содержательный) анализ. Всего за указанный период было изучено: 53 закона (в том числе вносящих изменения в уже действующие), 9 государственных программ РТ (в их числе – новые редакции принятых ранее), 3 концепции, 4 стратегии, 1 резолюция (также был исследован ряд документов, принятых в предыдущие периоды, но важных для понимания современных тенденций развития республики). При этом в данном случае мы не будем рассматривать такие особые символические продукты как представляющие основы регионального бренда и айдентики программы – «Наследие Татарстана» (2014 г.) и «Visit Tatarstan» (2016 г.)[1].

Выделенный для анализа период представляется наиболее значимым с точки зрения выстраивания этнокультурного имиджа/публичного образа Татарстана. Нижней его границей выступил 2013 г., когда в его столице было проведено первое мега-событие – Универсиада-2013 (открывшее чреду проводимых здесь мероприятий мирового масштаба). Верхней границей стала середина 2019 г. – то есть рубеж, после которого началась пандемия Covid-2019, изменившая многие, в том числе связанные с брендированием и имиджевой стратегией процессы. Вместе с тем сегодня, в контексте стремительно меняющегося миропорядка и перераспределения баланса мировых сил, можно предположить реактуализацию проблематики выстраивания этнокультурного и этноконфессионального образа региона в составе Российской Федерации, открывающей новые возможности сотрудничества республики и рос-

[1] Тем более, что их содержание уже было проанализировано автором (Макарова 2017).

сийского государства в целом со странами Востока и Азии, исламского мира. Тем самым предлагаемый материал может представлять интерес не только с точки зрения выявления особенностей определенного отрезка истории региона, но и с позиции перспектив использования анализируемых образов-символов для определения путей дальнейшего социально-экономического развития территории, страны.

С целью уточнения объекта и предмета исследования обозначим здесь авторское видение двух, используемых в статье опорных понятий. Относительно территориального образа, отметим, что многие этнологи и этносоциологи фокусируются на той его стороне, что связана с исторической и этнокультурной спецификой региона, места. Ряд авторов подчеркивает особую значимость этнических символов в репрезентации республик РФ (Богатова 2017), в отличие от стран Запада (где в последние годы имела место тенденция отказа от связанных с этнокультурной спецификой территорий кодов). То есть подобного рода отличительность не является обязательным свойством таких образов, но она способна, по признанию исследователей, усилить «спрос» на региональную идентичность «на внешнем и внутреннем рынках» (Гельман 2003: 96). Вместе с тем, соответствующее такого рода характеристикам понятие «этнокультурный образ региона» не получило своего определения в отечественной науке, хотя устанавливается значение близких, но не идентичных терминов: «историко-культурный образ-бренд территории» (Малькова, Тишков 2012: 31), «географический образ» (Замятин 2013: 13). В данной статье мы будем понимать под *этнокультурным образом* обобщенное видение и продвижение элитами и/или самими жителями региона его этнокультурной самобытности, связываемое с историей, традициями, языком и культурой проживающих на территории социальных индивидов и этнокультурных групп, а также с их взаимодействием.

При интерпретации термина «*культурная политика*» мы будем опираться на сложившуюся в России и во многих других странах его трактовку, как такой формы влияния правящих элит (центральных и региональных) и связанных с ними социальных институтов на процесс культурного производства и формирование социокультурных норм, взглядов, ценностей людей (Карпова 2009), которая является декларируемой, официально закрепленной в законах, концепциях и программах культурного развития (Разлогов, Бутенко 2000). Соответственно этнокультурная политика – это часть культурной политики и одновременно этнополитики, связанная с сохранением, воспроизводством и развитием либо нивелировкой этнических языков и культур (Гуща

1997: 2), с управлением процессами межкультурного (межэтнического) взаимодействия и формирования региональных идентичностей, а также, наряду с национальной политикой, с обеспечением консолидации населения страны на основе общегражданских ценностей.

Результаты

Проведенный анализ обнаружил, что культурная – и шире социокультурная – политика Татарстана развивалась в изучаемые годы в двух основных направлениях. Первое – преемственное с принципами, заложенными в 1990-х – начале 2000-х гг., когда акцент делался на этнокультурном своеобразии региона, выступавшем обоснованием относительной политической самостоятельности республики. Второе – характеризует особенность последних десятилетий, когда на первый план вышли задачи ее социально-экономического развития и успешного соперничества с другими регионами страны. Этнокультурная специфика территории стала при этом трактоваться как один из факторов повышения ее конкурентных преимуществ, способный принести определенные, в том числе экономические, дивиденды. Соответственно, различается и репрезентация в обозначенных группах документов региона и его столицы.

Образ Татарстана в политике управления этнокультурными различиями

Относительно первого из направлений, отметим, что в обозначенный период руководство республики стремится, в первую очередь, подтвердить государственный статус татарского языка наряду с русским и расширение сфер его социального функционирования. За это время приняты:

– Закон РТ «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан» (от 12 января 2013 г., 1-ЗРТ), где прописано официальное положение данного языка в регионе и уточнены права граждан на его применение в различных областях;

– Закон РТ «Об образовании» (от 22 июля 2013 г., 68-ЗРТ), статьей 8 которого вновь закреплялось право граждан «на получение … образования на родном языке», «изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации», а также положение об изучении татарского и русского языков в образовательных организациях РТ (п. 3);

– Закон РТ «О внесении изменений в Закон Республики Татарстан «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан»

(от 2 июля 2015 г., 51-ЗРТ), в статье 12 новой редакции которого вновь прописывалось положение о том, что информационные надписи на таких объектах «должны быть выполнены на государственных языках» РТ (п. 1).

Реализация языковой политики осуществлялась на основе Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2022 годы»[2]. Ее отличает особое внимание к внедрению новейших информационных технологий в процесс изучения языков РТ, к повышению мотивации молодежи, поддержание ее инициатив в данном направлении. Специальные меры связаны с участием Татарстана в сохранении языка татарской диаспоры. Цель и задачи Государственной программы «Развитие образования и науки Республики Татарстан на 2014–2025 годы»[3] сформулированы безотносительно к этноязыковой проблематике. Здесь акцент сделан на «обеспечении высокого качества образования» (раздел 2 Основные цели, задачи …) в соответствии с необходимостью модернизации общества. Однако в подпрограммах определены, в том числе, новые методы обучения языкам в образовательных учреждениях региона, дистанционное обучение татарскому языку («Ана теле»), направленное на сохранение идентичности татарского народа в регионе и мире.

Названные документы, регулируя отношения в соответствующих сферах, призваны также влиять на формирование определенного этнокультурного образа республики. В данном случае он связан, прежде всего, с паритетом татарского и русского языков и культур. Кроме того, действия, направленные на поддержку собственно татарского языка, свидетельствуют о сохранении значимости формулы Татарстана как центра культурного развития татар. При этом руководство региона позиционирует его как инкорпорированный в современные интеграционные контексты. То есть, он предстает в принимаемых документах в качестве неотъемлемой части социально-политического и социокультурного пространства страны.

[2] Принята Постановлением Кабинета Министров РТ № 794 от 25 октября 2013 г. Постановлением КМ РТ № 692 от 21 августа 2019 г. ее сроки продлены до 2022 г. https://docs.cntd.ru/document/561536796?marker (дата обращения 22.04.2022).

[3] Первоначальный вариант принят Постановлением КМ РТ № 110 от 22 февраля 2014 г. Постановлением КМ РТ № 568 от 12 августа 2017 г. сроки реализации программы продлены по 2025 г. https://docs.cntd.ru/document/463307257?marker (дата обращения 22.04.2022).

Обозначенный последним тезис, в свою очередь, подтверждает и продолжающееся приведение законов РТ в соответствие с российским законодательством. К примеру, Законом РТ от 12 января 2013 г. (5-ЗРТ) признается утратившим силу закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» (1999 г.). Наконец, изменения в языково-культурной политике страны последних лет[4] привели к принятию 29 ноября 2017 г. Постановления Государственного Совета РТ «О преподавании и изучении государственных языков Республики Татарстан и родных языков народов, проживающих в Республике Татарстан» (2028-V ГС), содержание которого, по сути, сводится к признанию добровольности изучения татарского языка в регионе[5]. Хотя республиканские власти продолжают искать и находят пути для дальнейшего развития языка этнической группы, давшей название республике – в частности, 1 сентября 2020 г. в Казани был открыт первый полилингвальный образовательный комплекс «Адымнар».

Тема паритетности татарской и русской культур, мусульманства и православия продвигается и в ряде других документов. Например, в статье 2 Закона РТ «О театрах и театральном деле в Республике Татарстан» (от 11 июня 2016 г., 43-ЗРТ) записано, что государственная политика РТ направляется на «сохранение и развитие татарской, русской драматургии и драматургии других народов». В Подпрограмме «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) на 2014–2025 годы» Государственной программы «Развитие культуры Республики Татарстан» на 2014–2025 гг.[6], отдельной задачей выделяется сохранение и эффективное использование «уникальных достопримечательностей России: острова-града Свияжск и древнего города Болгар».

Идея признания и поддержки культур всех народов также продолжает проводиться, правда теперь она реже выдвигается на первый план. К примеру, цель названной выше программы «Развитие культуры Республики Татарстан» на 2014–2025 гг. формулируется безотноси-

[4] См. Заседание Совета по межнациональным отношениям. 20 июля 2017 года. http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109 (дата обращения 19.04.2022).

[5] http://old.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/zakon/6889_file_2028_ru.pdf (дата обращения 19.04.2022).

[6] Утверждена Постановлением КМ РТ № 997 от 16 декабря 2013 г. Сроки реализации программы продлены до 2025 г. Постановлением КМ РТ № 758 от 29 августа 2020 года. https://docs.cntd.ru/document/570912544?marker (дата обращения 22.04.2022).

тельно к вопросам этнокультурного развития и связывается с удовлетворением текущих и формированием новых потребностей жителей РТ в сфере культуры. Однако уже в конкретизирующих ее задачах находим «создание оптимальных условий для поддержки народного творчества… коренных народов Республики Татарстан», «сохранение и развитие национальных музыкальных традиций» и т.д. В свою очередь, в «Общей характеристике сферы реализации Программы…» подчеркивается исторически сложившийся мультикультурный облик региона и акцентируется важность сохранения традиций и наследия. Соответственно ряд подпрограмм (помимо тех, что направлены на регулирование конкретных сфер культуры и на поддержку современного искусства в РТ) строятся именно вокруг данной темы (Паспорт Программы).

О перенесении акцента с поддержки многообразия на идею единства в многообразии свидетельствует Закон РТ «О внесении изменений в статьи 1 и 4 Закона Республики Татарстан «О национально-культурных автономиях в Республике Татарстан» (от 16 января 2015 г., 50ЗРТ). Здесь в качестве целей НКА, наряду с решением вопросов «сохранения самобытности, развития языка, образования и национальной культуры», провозглашается «укрепление единства российской нации, гармонизация межэтнических отношений, содействие межрелигиозному диалогу, а также осуществление деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов» (именит. падеж – Г.М.) (доп. к статье 1 Закона). Схожие формулировки находим и в Подпрограмме «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Татарстан на 2014–2024 годы» Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан на 2014–2024 гг.»[7]. В ней в качестве цели подпрограммы выделено «стимулирование социально ориентированной деятельности НКО», направленной, в том числе, на «сохранение общественно-политической стабильности и этноконфессионального согласия» в регионе (Паспорт Подпрограммы).

В Государственной программе «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2025 годы»[8] также вместе с поддержанием этнокультурного и духовного развития

[7] Принята Постановлением КМ РТ № 823 от 31 октября 2013 г. Названная подпрограмма включена в нее Постановлением КМ РТ № 1078 от 28 декабря 2013 г. http://docs.cntd.ru/document/463306837 (дата обращения 22.04.2022). Постановлением КМ РТ № 817 от 11 сентября 2019 г. программа продлена до 2024 г.

[8] Принята Постановлением КМ РТ № 1006 от 18 декабря 2013. Сроки реализации продлены до 2025 г. Постановлением КМ РТ № 863 от 13 сентября 2021 г.

народов РТ утверждается система мер, связанных с сохранением «межэтнического и межконфессионального мира и согласия», упрочением общероссийской и региональной идентичности (II. Цели, задачи, сроки… Программы). Задачи укрепления согласия и «предотвращения конфликтов на … этнической и конфессиональной почве» ставятся и в Подпрограмме «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014–2025 годы» Государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014–2025 годы»[9]. Причем в первом из документов подчеркивается сложившийся в республике в ходе длительного совместного проживания этноконфессиональных групп позитивный характер их взаимоотношений (хотя отмечается и изменяющийся в результате притока мигрантов национальный состав населения) (I. Общая характеристика сферы реализации Программы…)[10]. Во втором обращается внимание на такие возможные угрозы, как «радикализация определенных слоев населения, в первую очередь исповедующих ислам» (Общая характеристика сферы реализации Подпрограммы «Профилактика …»)[11].

В связи с названным обстоятельством в анализируемый период проявляется особое внимание властей Татарстана к вопросам конфессионального развития. Неоднократно вводятся поправки в Закон РТ «О свободе совести и религиозных объединениях», которые касаются регламентации различных сторон деятельности религиозных организаций и лиц, связанных с ними (от 17 июля 2013 г., 65-ЗРТ; от 16 января 2015 г., 1-ЗРТ; от 11 апреля 2015 г., 22-ЗРТ; от 21 июля 2015 г., 60-ЗРТ; от 8 октября 2015 г., 75-ЗРТ; от 26 марта 2016 г., 15-ЗРТ; от 17 ноября 2016 г., 85-ЗРТ, от 14 июня 2019 г., 42-ЗРТ). Все они формулируются в соответствии с федеральным законодательством и изменениями в нем.

Межконфессиональное и межнациональное согласие всегда трактовались в республике как залог регионального единства. Еще одним шагом в этом направлении стало закрепление в 2013 г. стихотворения Р. Байтимерова в качестве текста гимна Татарстана (Закон РТ «О внесении изменений в Закон Республики Татарстан "О государственных символах Республики Татарстан" в части утверждения текста Государственного гимна Республики Татарстан» от 18 марта 2013 г., 23-ЗРТ). Оно содержит такие слова: «Гомерлеккә якын туган булып яши бездә

[9] Принята Постановлением КМ РТ № 764 от 16 октября 2013 г.; Постановлением КМ РТ № 990 от 12 ноября 2018 г. продлена до 2021 г.

[10] https://docs.cntd.ru/document/438828926 (дата обращения 22.04.2022).

[11] https://docs.cntd.ru/document/463305393 (дата обращения 22.04.2022).

төрле милләтләр»; в переводе на русский язык Ф. Пираева это звучит так: «Единый дом у нас, одна семья, живет в согласии наш народ» (Приложение № 4 к Закону РТ «О государственных символах Республики Татарстан»).

Региональные элиты продолжают заботиться и о поддержании этнической идентичности татар, проживающих как в Татарстане, так и за его пределами. Знаковым стало принятие Государственной программы РТ «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)»[12] (ее сроки неоднократно продлевались). В документе были прописаны меры, связанные с этноязыковым образованием татар (в том числе, оказание учебно-методической помощи при организации воскресных школ, курсов по изучению татарского языка в местах их компактного проживания и др.), с развитием их традиционной культуры и искусства, с содействием деятельности татарских СМИ, национально-культурных организаций и молодых активистов, с подготовкой и переподготовкой татарских религиозных деятелей из регионов РФ, с проведением исследований по истории и современному развитию татар и их групп.

Таким образом, власти республики не отказываются от поддержки этнокультурной самобытности этнической группы, давшей название региону, закрепляя за ним имидж «исторического, духовного и этнокультурного центра всего татарского народа» (раздел I. «Общая характеристика сферы реализации программы…»). Среди других шагов, предпринимаемых в этом направлении – разработка Стратегии развития татарского народа, а также утверждение ряда специальных мер называвшейся выше Государственной программой «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан…».

Важной содержательной характеристикой культурной политики РТ было и остается особое внимание к культурному наследию. Оно трактуется как определяющее этнокультурную специфику республики и одновременно ее общность с другими регионами страны, как основа для воспитания подрастающего поколения и формирования региональной идентичности. В продолжение этой тенденции в рассматриваемый период в республике утверждается новый документ – Закон РТ «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан» (от 26 мая 2017 г., № 34-ЗРТ), к объектам которого относятся «народные знания, верования, обычаи, традиции, произведения фольклора» и т.д. (Статья 2). В свою очередь, закон «О внесении изменений в статью 4

[12] Утверждена Постановлением КМ РТ № 785 от 21 октября 2013 г.

Закона Республики Татарстан "О народных художественных промыслах и ремеслах"» (от 5 марта 2018 г., 7-ЗРТ) закрепляет порядок оказания поддержки промыслам и ремеслам в РТ. В регионе создается специальный Комитет по охране объектов культурного наследия, а при мэрии Казани – префектура «Старый город», в функции которой входит сохранение историко-архитектурных памятников и благоустройство старо-татарской слободы.

Татарстан в стратегиях территориального развития

Второе направление политики Татарстана связано с переориентацией активности его руководства на формирование новой, более «прагматической стратегии развития» (Макарычев 2009), с вовлечением республики в соревнование с другими регионами России. В этих условиях культурные факторы начинают задействоваться в социально-экономических, информационно-технологических, образовательных, спортивных, туристических программных документах. Рассмотрим некоторые из них.

Определяющей, в том числе для социокультурной области, стала «Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года»[13]. Регион характеризуется в ней как «конкурентоспособный» и «устойчивый»; задаются его основные координаты в пространстве РФ и мира («драйвер… полюса роста «Волга-Кама», «осевой евразийский регион России») (2.3. Целевое видение…). То есть, Татарстан представляется как высокоразвитая социально-экономическая единица, выступающая неотъемлемой частью страны. Этноконфессиональная его специфика трактуется при этом в качестве одного из «конкурентных преимуществ», в частности, связанного с «идентичностью мирового татарского сообщества», с контактами «с мусульманским миром», с опытом «работы с исламскими финансами» (п. 1.3.2. раздела 1. Стратегический анализ…).

Особенностью стратегии является то, что ее стержнем провозглашается человек, а в качестве приоритета выделяется формирование и накопление человеческого капитала (см.: СЦ-1, п. 2.3. раздела 2. Приоритеты и цели…). И в этом – соответствие современным мировым трендам. Привлечение и развитие этого капитала предполагает, в том числе, использование культурного потенциала региона, совер-

[13] См.: Закон РТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» (от 17 июня 2015 г., № 40-ЗРТ). http://docs2.cntd.ru/document/428570021 (дата обращения 05.04.2022).

шенствование «качества и разнообразия культурной жизни» (родит. падеж – *Г.М.*) (п. 2.3. раздела 2. Приоритеты и цели …), создание комфортной социокультурной среды. Отсюда специфика стратегии еще и в том, что экономика и культура оказываются в ней тесно связанными друг с другом.

Одним из направлений совершенствования человеческого капитала провозглашается «Культура, доступная всем» (п. 3.1.4. раздела 3. Приоритетные направления…). Среди задач его реализации – связанные не только с сохранением, но и с актуализацией культурных традиций, с созданием условий для развития творческих индустрий, с совершенствованием «культурной инфраструктуры в городских агломерациях», с обеспечением доступности «участия в культурной жизни для жителей сельских и отдаленных территорий» (там же). Тем самым, признание значимости культурного наследия сохраняется, но теперь оно трактуется как отправная точка социально-экономического роста.

Важным приоритетом, формирующим образ Татарстана, объявляется в Стратегии и «сбалансированное территориально-пространственное развитие» (см.: СЦ-2, п. 2.3. раздела 2. Приоритеты и цели…). Он был сформулирован со ссылкой на стратегические приоритеты России второго десятилетия 2000-х гг., развитые в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию 2018 г. и изложенные в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Данное направление предполагает усиление внимания властей региона не только к его центральному городу и Казанской агломерации, но и к Камской, Альметьевской агломерациям, к составляющим их средним и малым городам, к сельским населенным пунктам. В связи с этим формулируется система задач по развитию экономической специфики и функций каждой из агломераций, совершенствованию транспортных путей и сообщения внутри них, между ними и с другими регионами РФ и мира, по использованию сельскохозяйственных земель, решению экологических проблем, по совершенствованию жилищной застройки в каждой из выделенных зон.

В особую категорию следует отнести задачи по социокультурному развитию территорий. Они прописаны точечно в разных пунктах раздела 3.2 (Концепция пространственного развития) Стратегии. Среди направлений преобразования выделенных зон РТ (Казанской, Камской и Альметьевской) выделим те, что связаны с реновацией социокультурной среды. Так по отношению к Казанской агломерации отмечается «редевелопмент территорий поселений-спутников города Казани», применение в них «селитебной застройки» (п. 3.2.3.2.). В программе

«Город и промышленность» Камской агломерации указывается важность «нового использования высвобождающихся производственных площадей» (родит. падеж – *Г.М.*), создания на их основе «городских культурных площадок и программ» (там же). В проектах по Альметьевской агломерации особое внимание уделяется, помимо развития селитебной застройки в поселениях-спутниках городов, формированию «коммуникационных центров» в городах и на «межмуниципальных площадках», совершенствованию «комплексной инфраструктуры спорта и туризма» (там же).

В развитии сельских территорий (п. 3.2.3.3 раздела 3. Приоритетные направления …) акцентируется важность их «регенерации». Указывается на необходимость улучшения качества жизни населения, в том числе путем вовлечения представителей местного сообщества к участию в программах по формированию в них среды, комфортной для жизни, способной «удержать» молодое поколение. Социокультурный аспект связывается и с сохранением в городах и селах их культурного наследия, на котором предполагается выстраивание локальных идентичностей (п. 3.2.3.3.). Наконец, в Концепции территориального развития поднимается вопрос о важности «капитализации территорий» (п. 3.2.3.2), в частности, об использовании культурных и природных преимуществ городов и сельских населенных пунктов для развития в них туризма.

Близкой по содержанию является Стратегия социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 года[14]. В ней, как и в стратегии Татарстана, упор сделан на человекоориентированную экономику. Уже при формулировке ее главной цели Казань-2030 определяется не только как «динамичный город устойчивого экономического роста», но и «территория здоровья, удобный для жизни город активных и ответственных горожан, открытой власти и безопасной городской среды» (см.: ГСЦ п. 2.3.1 раздела 2.3. Целевое видение …). То есть, основные ее идеи вполне вписываются в современные мировые тенденции городского развития, охарактеризованные, в частности, в работах Р. Флориды.

Приоритеты данной стратегии определяются на основе тех, что выделены в аналогичном документе республиканского уровня. Это – человеческий капитал, пространство, экономика и управление (раздел 2.3. Целевое видение …). В реализации первого из них акцент делается на развитии «инновационной культуры», «креативного потенциала»,

[14] Принята Решением Казанской городской Думы от 14 декабря 2016 г., № 2-12. http://docs.cntd.ru/document/446400472 (дата обращения 05.04.2022).

«образовательных возможностей» города. И в этом – проявление особенностей современной репрезентации территории как передового региона России. В то же время, отмечается важность принятия и разделения казанцами «этноконфессиональных культурных традиций» (родит. падеж – *Г.М.*) (п. 2.3.1. раздела 2.3. Целевое видение …), а Казань–2030 обозначается как «город межконфессионального и межэтнического дружелюбия и добрососедства» (см.: Ц-1.4. п. 2.3.2. раздела 2.3. Целевое видение …). Тем самым, здесь проявляются и идеи, сформулированные еще в 1990–2000-е гг. Соответственно, в описании современной ситуации в области культуры, на первый план также выходят два тезиса. 1) Казань – пример «успешного взаимодействия классического искусства и традиционной национальной культуры». 2) Город, пространство которого нуждается в «генерации новых проектов, направленных на модернизацию культурной среды» (п. 1.2.1. раздела 1.2. Оценка достигнутых целей…).

Особо в Стратегии выделен вопрос о включении столицы региона в процессы пространственного развития. Она определяется как «центр агломерации», «поселения-спутники» которой формируют ее «полифункциональную структуру». Соответственно предусматривается перенос ряда «функций (производство, развлечение, потребление)» из центра в эти поселения (раздел. 2.1. Пространство выбора…), задействование пригородных зон Казани, в том числе в туристических программах. Предполагается также расширение «полицентричности» самого города, «учитывающей самобытность сложившихся городских районов» (см.: СЦ-2, п. 2.3.1. раздела 2.3. Целевое видение …) и направленной на обеспечение во всех них «высокого качества городской среды» (родит. падеж – *Г.М.*) (п. 2.3.1. раздела 2.3. Целевое видение…).

В связи с заданным в регионе новым вектором, направленным на сохранение и совершенствование человеческого капитала, важным условием которого выступает сбалансированное территориально-пространственное развитие, в 2017 г. здесь была утверждена Государственная программа «Формирование современной городской среды на территории Республики Татарстан»[15]. Ею предполагается система мер по благоустройству общественных пространств в каждом из муниципальных районов Татарстана с целью «повышения качества и комфорта городской среды» (Паспорт …) при активном участии в этом процессе самого населения. Отсюда формируемый программой образ можно

[15] Принята Постановлением КМ РТ № 823 от 30 октября 2017 г. http://docs.cntd.ru/document/543573019 (дата обращения 23.04.2022).

обозначить так: территория, безопасная (в экологическом и социальном смысле), комфортная для проживания, в которой созданы условия для творческой и общественной самореализации граждан.

Соответственно обозначенным трендам разворачивается в республике туристическое направление. Туризм трактуется в Государственной программе «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан»[16] как отрасль экономики, призванная играть «важную роль в решении экономических и социальных проблем» (I. Общая характеристика …). Идеологические задачи (такие как повышение статуса региона в стране и в мире) здесь не ставятся; речь ведется лишь о «формировании благоприятного туристского имиджа» Татарстана. Не поднимается специально и вопрос о продвигаемом посредством туристических маршрутов и продуктов его этнокультурном образе, хотя говорится о преимуществах республики в связи с сосредоточением на ее территории объектов «национального, культурного и исторического наследия» (I. Общая характеристика…). То есть, если во многих конкретных (в первую очередь частных), связанных с туризмом проектах наблюдается активное использование (как элемента «культурной экономики») этнической специфики, в анализируемой программе подобные моменты отдельно не прописаны.

В условиях активизировавшейся межрегиональной и мировой конкуренции в сфере туризма особое внимание уделяется в документе брендированию. Отмечается, что «решение задачи по формированию конкурентоспособного туристского продукта и его продвижению на внутреннем и международном рынках… предполагает формирование туристского бренда Республики Татарстан, развитие и повышение конкурентоспособности известных брендов ("Древний город Болгар", "Остров-град Свияжск", "Елабуга" и других), а также … формирование новых брендов по перспективным направлениям туризма» (раздел II. Цель, задачи…). Программой предусматривается активное продвижение имиджа региона «как привлекательного направления для туристов» (там же) посредством Интернета.

Относительно включения туристической сферы в процессы пространственного развития РТ отметим, что в качестве «структурообразующих функциональных элементов Программы» выделяются, помимо «туристско-рекреационного кластера "Казань"», кластеры «"Древний город Болгар", "Остров-град Свияжск", "Берега Елабуги", "Свияга-

[16] Принята Постановлением КМ РТ № 522 от 21 июля 2014 г. http://docs.cntd.ru/document/412383352 (дата обращения 23.04.2022).

Лэнд" и др., (раздел II. Цель, задачи …). Программой предусматривается и «проведение ребрендинга» городов Казани, Елабуги, Чистополя, Зеленодольска (Приложение. Цель, задачи, индикаторы …). Также предполагается задействование в туристической отрасли целого ряда районов республики: «формирование маршрутов и брендов этнического туризма» в Арском, Высокогорском, Лаишевском, Мамадышском районах, культурно-познавательного туризма – в Тетюшском, Пестречинском и Алексеевском, «проектирование … брендов экологического туризма» – в Тетюшском, Верхнеуслонском, Мамадышском, Актанышском районах и т.д. Обозначается и проведение ежегодных авто- и велопробегов из Казани до Болгар и Свияжска, как и организация в них «тематических событийно-туристических мероприятий» (там же).

Серия реализуемых в изучаемый период документов направлена на ориентируемую теперь на нужды социально-экономического развития республики модернизацию сферы образования и воспитания. В них также присутствуют этнические моменты, но теперь они не звучат как главные. Так уже в Стратегии развития образования в Республике Татарстан на 2010–2015 годы «Киләчәк» – «Будущее»[17] ее основной целью провозглашалось «кадровое и научно-технологическое обеспечение инновационного развития» региона (Цель и задачи Стратегии), а среди задач преобладали те, что направлены на «усиление интеграции образования с региональной экономикой», на «обеспечение инновационного характера образования», «формирование системы работы с талантливыми и одаренными детьми», на «создание условий для научно-технического творчества детей и молодежи» (Цель и задачи Стратегии) (хотя находим здесь и задачу «развития и укрепления межнациональных коммуникаций через систему национального образования»). Соответственно, и в системе первоочередных мероприятий зафиксировано: «внедрение новых технологий образования и управления образованием», организация грантов, направленных на стимулирование деятельности учителей, учреждение стипендий для победителей школьных олимпиад и т.д. (План первоочередных мероприятий …). Все это призвано репрезентировать Татарстан как флагман в современных модернизационных процессах развития страны, в том числе в области образования.

В том же ключе он представлен и в Концепции развития и реализации интеллектуально-творческого потенциала детей и молодежи

[17] Принята Постановлением КМ РТ № 1174 от 30 декабря 2010 г. http://docs.cntd.ru/document/917042185 (дата обращения 23.04.2022).

Республики Татарстан «Перспектива»[18]. Значимость Концепции связывается с важностью формирования «экономики инноваций», порождающей «запросы на профессионалов с высокой способностью к обучению и восприимчивостью к новым знаниям ...» (1. Общие положения). Отсюда совершенствование системы выявления одаренных детей и молодежи, создание условий для их самореализации и закрепления в регионе трактуется как основа «роста конкурентных преимуществ Республики Татарстан» (2. Цель, задачи …). В свою очередь, Законом РТ «О государственной поддержке развития образования в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» от 9 июня 2014 г. (№ 48-ЗРТ) в качестве основных направлений этой поддержки выделены те, что связаны с модернизацией образовательного и научно-исследовательского процесса (ст. 5).

Важным документом в обозначенной сфере является и уже упоминавшаяся выше программа «Развитие образования и науки Республики Татарстан на 2014–2025 годы». В ней ставятся задачи «модернизации образовательных программ», формирования основ для «опережающего развития человеческого потенциала региона», создания особых условий для «сектора исследований …, обеспечивающих технологическую модернизацию экономики …» и т.д. Соответственно, формируемый ею образ республики можно определить как передовой, конкурентоспособный, нацеленный на развитие человеческого капитала и его эффективное использование (прежде всего, в области новых технологий и других наукоемких отраслях экономики). Причем авторы программы стремятся «вписать» в него этническую специфику Татарстана, уделяя внимание совершенствованию системы национального образования и обучения татарскому языку.

В связи с обозначенными тенденциями, а также с продвижением идеи Казани как спортивной столицы России особое внимание начинает уделяться в регионе молодежной политике и политике в области физкультуры и спорта. Эти тенденции находят отражение в принятой в 2017 г. Стратегии развития государственной молодежной политики, физической культуры и спорта в Республике Татарстан на 2016–2021 годы и на период до 2030 года[19]. Так цели и задачи в первой из облас-

[18] Принята Указом Президента РТ № УП-862 от 9 октября 2012 г. http://docs.cntd.ru/document/917051804 (дата обращения 22.04.2022).

[19] Утверждена приказом № 473 Министерства по делам молодежи и спорту Республики Татарстан от 20 июля 2017 г. http://docs.cntd.ru/document /543558016 (дата обращения 05.04.2022). Данное Министерство преобразовано в

тей концентрируются вокруг создания условий для наиболее полного раскрытия потенциала молодежи, в том числе «на основе созданного в регионе современного и комфортного жизненного пространства» (Паспорт Стратегии…). Отмечается и важность «развития в молодежной среде культуры созидательных межэтнических отношений». В свою очередь, физическая культура трактуется как условие «здорового образа жизни» населения (Паспорт Стратегии…) и, тем самым, решения демографических проблем; ставится и задача «достижения стабильно высоких показателей спортсменами» республики (Паспорт Стратегии…). Отмечаются также успехи Татарстана в строительстве спортивных сооружений и проведении мероприятий, в том числе международного масштаба. То есть, в документе одновременно продвигается образ региона, заботящегося о своих жителях, особенно молодежи, и способного успешно реализовать крупные международные проекты.

Наконец, характерной для политики региональных властей изучаемого периода стала тенденция включения в инициативы элит представителей региональных и локальных сообществ. О ней уже упоминалось в ходе анализа «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» и некоторых других документов. Необходимо также отметить появление Закона РТ «О регулировании отдельных вопросов в сфере добровольчества (волонтерства) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Татарстан» от 30 июня 2018 г. (№ 48-ЗРТ). Им, в частности, прописываются полномочия в данной сфере Государственного Совета и Президента РТ, Кабинета Министров республики и органов местного самоуправления, связанные с законодательным регулированием деятельности добровольческих (волонтерских) организаций, с оказанием им поддержки и их популяризацией. Примером налаживания взаимодействия между властями различных уровней и общественностью в вопросах формирования образа республики, ее городов и сел, может служить широкое обсуждение разрабатываемого в изучаемый период проекта Концепции устойчивого развития исторического поселения Казани, в котором приняли участие казанские градозащитники и гражданские защитники, ученые, архитекторы, реставраторы и т.д.

Министерство по делам молодежи РТ и Министерство спорта РТ Указом Президента РТ № УП-454 от 22 июня 2018 г.

* * *

1. В ходе исследования репрезентации Татарстана в социокультурной политике 2013–2019 гг. обозначилось два основных направления. Первое – связано со стратегией 1990-х−первого десятилетия 2000-х гг., когда этнокультурная отличительность республики выступала основой конструирования региональных образов. Второе – выражает переориентацию региональных элит на поиск новых форм ее представления, связанных с включением Татарстана в соревнование с другими регионами России. Здесь на первый план выходят социально-экономические характеристики, сопряженные, однако, с социокультурными в связи с постановкой вопроса о сохранении и развитии человеческого капитала территории.

2. В относимых к первому направлению документах продвигаются такие, характерные для республиканской культурно-символической политики, идеи, как: паритет татарской и русской культур, ислама и православия, поддержка исторически сложившегося мультикультурного облика региона и межэтнического согласия в нем, а также идея Татарстана как центра притяжения татар всего мира, сохранения их идентичности. При этом территория трактуется как неотъемлемая часть социально-политического пространства страны.

3. Стратегическими документами территориального развития выстраиваются следующие смыслы: модернизированный, конкурентоспособный регион РФ, с особым вниманием к человеку, его способностям и многообразию потребностей, в том числе в безопасной, комфортной и креативной социокультурной среде, а также регион, в котором «рядовые» жители вовлечены в реализацию региональных и локальных проектов. Этнокультурная специфика используется здесь в качестве ресурса социально-экономического развития.

4. В целом, стратегия в области конструирования образа и имиджа территории носит в Татарстане системный характер, тесно связана с региональной политикой идентичности и находит отражение в целевых установках республиканских программ реализации национальной и языковой политики, развития образования, культуры, спорта и туризма, а также в стратегических социально-экономических документах, в том числе отдельных территорий республики, в первую очередь ее столицы – Казани.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Богатова О.А. Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 1. С. 54–70.

Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 2. С. 91–105.

Гуща В.М. Институт национально-культурной политики на переходном этапе // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии: информ. сборник. М., 1997. Вып. 1. С. 2−21.

Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. С. 11–23.

Карпова Г.Г. Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 1. С. 7–20.

Макарова Г.И. Этнокультурная политика Республики Татарстан: преемственность и новые тренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 2. С. 35–42.

Макарычев А.С. Власть, политика и федерализм в России: уроки «критической теории» // Неприкосновенный запас. 2009. №3. https://magazines.gorky.media/nz/2009/3/vlast-politika-i-federalizm-v-rossii-uroki-kriticheskoj-teorii.html (дата обращения 22.04.2022)

Малькова В.К., Тишков В.А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 27–62.

Бутенко И.А., Разлогов К.Э. (ред.) Культура и культурная политика в России. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

Сведения об авторе: Макарова Гузель Ильясовна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); makarova_guzel@mail.ru

Поступила 26.04.2022 *Принята к публикации 31.05.2022*

THE IMAGE OF TATARSTAN IN CULTURAL POLICY AND REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGIES (2013–2019)

G.I. Makarova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
makarova_guzel@mail.ru

The recent decades in the Russian Federation were characterized by a change in the strategies of regions and their inclusion in the logic of mutual competition. This made it relevant to search for the distinctiveness of each of them, building public ethno-cultural images. The purpose of the article is to reveal the content and specifics of its image formed in Tatarstan through official legal and program documents related to culture and socio-cultural development. The lower time limits of the study are determined by hosting the first sports mega-event in the republic − the Universiade-2013, the upper ones − by the last pre-pandemic year (2019). The main research method is the selection and traditional analysis of laws, strategies, programs, concepts adopted in the republic and related to ethno-cultural and strategic territorial development.

The conducted analysis determined two main directions of representation of the Republic of Tatarstan. The first one is consistent with the strategies of the 1990s – early 2000s, when its ethno-cultural component came to the fore. In the documents related to it, Tatarstan is promoted as a historically established multicultural region, a territory of interethnic harmony, parity of Tatar and Russian cultures, Islam and Orthodoxy, as well as a center for the development of Tatar culture, Tatar identity. The second direction is connected with the reorientation of the activity of the regional elites towards the search for new socio-economic meanings, however, related to socio-cultural ones. The Republic is being promoted as a modernized competitive region of the country, in which special attention is paid to a person, the development of his abilities and the realization of needs, including in a safe and comfortable socio-cultural environment. The ethnocultural distinctiveness of the territory is interpreted as an advantage in interregional competition, a resource for attracting investment and social capital.

Keywords: ethno-cultural image, cultural policy, regional development strategies, regional identity, elites, Tatarstan.

For citation: Makarova G.I. Obraz Tatarstana v kul'turnoy politike i strategiyakh regional'nogo razvitiya (2013–2019 gg.) [The image of Tatarstan in cultural policy and regional development strategies (2013–2019)]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 307–328. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.307-328 (In Russian)

REFERENCES

Bogatova O.A. Social'nye tekhnologii upravleniya respublikanskoy i rossiyskoy identichnost'yu v otsenkakh naseleniya Respubliki Mordoviya: opyt kachestvennogo sociologicheskogo issledovaniya [Social Technologies of Managing the Republican and Russian Identity in the Assessments of the Population of the Republic of Mordovia: Experience of Qualitative Social Research]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 54–70. (In Russian)

Butenko I.A., Razlogov K.E. (ed.) Kul'tura i kul'turnaya politika v Rossii [Culture and Cultural Policy in Russia]. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2000. (In Russian)

Gelman V.Ya. Politicheskie elity i strategii regional'noy identichnosti [Political Elites and the Strategies of Regional Identity]. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii*, 2003, vol. 6, no. 2, pp. 91–105. (In Russian)

Gushcha V.M. Institut nacional'no-kul'turnoy politiki na perekhodnom etape [The Institute of National and Cultural Policy at the Transitional Stage]. *Panorama kul'turnoy zhizni stran SNG i Baltii: inform. sbornik*. Moscow, 1997. vol. 1. pp. 2−21. (In Russian)

Karpova G.G. Gosudarstvennoe upravlenie i obshchestvennye prioritety v sfere kul'turnoy politiki Rossii [Public Administration and Public Priorities in the Sphere of Cultural Policy of Russia]. *Zhurnal issledovaniy social'noy politiki*, 2009, vol. 7, no.1. pp. 7−20. (In Russian)

Makarova G.I. Etnokul'turnaya politika Respubliki Tatarstan: preemstvennost' i novye trendy . *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2017, no. 2. pp. 35−42. (In Russian)

Makarychev A.S. Vlast', politika i federalizm v Rossii: uroki "kriticheskoy teorii" [Power, Politics and Federalism in Russia: Lessons from the "Critical Theory"]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2009, no. 3. https://magazines.gorky.media/nz/2009/3/vlast-politika-i-federalizm-v-rossii-uroki-kriticheskoj-teorii.html (In Russian) (accessed: 22.08.2022).

Mal'kova V.K., Tishkov V.A. Antropologiya istoriko-kul'turnykh brendov territoriy, regionov i mest [Anthropology of Historical and Cultural Brands of Territories, Regions and Places]. *Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territoriy, regionov i mest.* Rostov-on-don: YUNC RAN Publ., 2012, pp. 27−62. (In Russian)

Zamyatin D.N. Geokul'turnyy brending territoriy: konceptual'nye osnovy [Geocultural Branding of Territories: Conceptual Foundations]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy,* 2013, no. 5, pp. 11–23. (In Russian)

About the author: Guzel I. Makarova, Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Chief Research Fellow of the Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); makarova_guzel@mail.ru

Received April 26, 2022 Accepted for publication May 31, 2022

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 37.016(=512.145)

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛАХ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ (МАРИЙСКИМ, МОРДОВСКИМ, УДМУРТСКИМ, ЧУВАШСКИМ) КОМПОНЕНТОМ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Т.Р. Хуснутдинов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
talgat_khus@mail.ru

Цель статьи: показать динамику изучения татарского, русского, марийского, мордовского, удмуртского, чувашского языков в школах с этнокультурным компонтентом в Республике Татарстан во втором десятилетии 2000-х годов.

Автором сделан вывод о том, что в Республике Татарстан в школах с этнокультурным (марийским, мордовским, удмуртским, чувашским) компонентом татарский язык в начале первого десятилетия 2000-х годов преподавался в значительно меньшем объеме, чем в русских и татарских школах. Однако, дети, обучающиеся в таких образовательных учреждениях, знали татарский язык лучше, чем их русские сверстники. Отмена требования об обязательности изучения татарского языка в 2017 г. не помешала школам с этнокультурным компонентом продолжить преподавание татарского языка, но оно стало осуществляться в усеченном объеме. Сокращение часов коснулось не только татарского языка, но и марийского, мордовского, удмуртского, чувашского языков. Наблюдаются ситуации отказа некоторых родителей от изучения родных языков.

Ключевые слова: татарский язык, языковая политика, родной язык, Республика Татарстан, национальное образование.

Для цитирования: Хуснутдинов Т.Р. Татарский язык в школах с этнокультурным (марийским, мордовским, удмуртским, чувашским) компонентом в Республике Татарстан // Историческая этнология. 2022. Т. 7, №2. С. 329–334. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.329-334

В 1990-е годы в Татарстане татарский язык и литература стали преподаваться в школах республики как обязательные предметы. Их стали изучать и дети, обучающиеся в школах с этнокультурным (марийским, мордовским, удмуртский, чувашский) компонентом. По данным Министерства образования и науки Республики Татарстана в 2021–2022 уч.г. в качестве родного помимо русского и татарского в школах Татарстана изучались чувашский язык (в 88 школах, 4072 ребенка), удмуртский (24, 1543), марийский (16, 455), мордовский (3, 39) и иврит (1, 702) (Материалы 2014). Такие образовательные учреждения, как правило, расположены в сельской местности в местах компактного проживания народов, за исключением школы №12 с изучением иврита города Казани и гимназии №34 города Нижнекамска, в которой изучается чувашский язык. Цель статьи: показать динамику изучения татарского, русского, марийского, мордовского, удмуртского, чувашского языков в школах с этнокультурным компонентом в Республике Татарстан во втором десятилетии 2000-х годов.

В отличие от русских и татарских школ, в которых объем изучения русского и татарского во втором десятилетии 2000-х годов был почти одинаков (3–6 часов татарского и литературы в неделю в зависимости от класса обучения), в школах с этнокультурным компонентом объемы часов, отведенных на изучение родного (марийского, мордовского, удмуртского, чувашского) и татарского языков, были в этот период разными (см. табл.).

Таблица

Русский, татарский и родной (марийский, мордовский, удмуртский, чувашский) язык в учебных планах 2012–2017 гг. школ с этнокультурным компонентом в Республике Татарстан

Предмет/класс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Русский язык	3	3	3	3	3	3	3	3	3	1	1
Русская литература	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3	3
Татарский язык	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Татарская литература	1	1	1	1	1	1	1	1	1	–	–
Родной язык и литература	2	4	4	3	4	4	4	3	3	2	2

Наибольшее внимание в школах с этнокультурным (марийским, мордовским, удмуртским, чувашским) компонентом в 2012–2017 гг. уделялось русскому языку и литературе. Часы, отведенные на эти предметы, совпадали с часами в русских и татарских школах. Изучение же татарского языка было организовано по программам для русскоязычных учащихся. Из-за уменьшения объема часов на этот язык далеко не все темы, предусмотренные программами для русских школ, изучались в школах с этнокультурным компонентом. Но в целом Закон «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (N 44-ЗРТ от 28.07.2004) в плане обязательного изучения татарского языка в таких образовательных учреждениях выполнялся. Хотя присутствие уроков по изучению родного языка и литературы делало невозможным отведение в них на татарский и русский языки одинакового количества часов. Задания для Единого республиканского тестирования по татарскому языку для учащихся из этнокультурных школ носили более облегченный характер, чем для русских детей. Это объясняется меньшим количеством часов, выделенных на изучение татарского языка и литературы.

В полиэтничных селах с татарским и марийским, удмуртским, чувашским населением используются смешанные учебные планы, совмещающие планы школ с этнокультурным компонентом и планы русской школы. К примеру, в школе села Табар-Черки Апастовского района на татарский и чувашский язык и литературу выделялось в зависимости от класса 2–6 часов. Как и в большинстве русских школ там присутствовали татарские и русские группы. Но несмотря на свое название, в русских группах учились дети не только русской национальности. Дети-татары в таких школах изучали татарский язык по 3–6 часов в неделю в зависимости от класса. Дети-чуваши посещали уроки татарского языка два часа в неделю, чувашской литературы – 3–4 часа. Примерно такой же учебный план использовался в Ципьинской школе Балтасинского района. Эта школа уникальна тем, что в ней преподают три языка (Село Ципья 2020). В Родниковской школе татарский язык преподавался по программе этнокультурных школ в 1–4 классах и по программам русскоязычных школ в 5–11 классах. Чувашский или мордовский язык изучались лишь в начальной школе.

После проведения прокурорских проверок осенью 2017 г. татарский язык в этнокультурных школах стал преподаваться по-разному. Все такие школы выбрали учебный план для школ с русским языком обучения. 5–6 часов родного и татарского языка ушло в прошлое. Школы выбрали три стратегии: одни подностью отказались от изучения татарского языка, другие перевели уроки изучения этого языка из

обязательной в вариативную часть учебного плана[1], третьи – сократили количество часов, но оставили предмет в обязательной части учебной программы.

Полный отказ школ от татарского языка произошел по разным причинам. В Новосережкинской школе учитель решил уйти на пенсию, и его не кем было заменить. В Камышлинской школе Нурлатского района в 2017–2020 уч.гг. татарский язык преподавался, но позже также исчез из-за ухода преподавателя. В Ципьинской школе татарский язык изучается в факультативной форме и на кружке для начальной школы для удмуртских и марийских детей.

Во вторую категорию попали школы, где татарский язык преподается за счет компонента образовательного учреждения – час в неделю во 2–3 и 5–9 классах. Учитель Савгачевской школы Аксубаевского района объясняет сохранение татарского языка в учебном плане школы необходимостью знания татарского языка в условиях Татарстана. По словам информанта, многие школы в Аксубаевском районе сохранили татарский язык в учебном плане. Результаты обследования нами учебных планов показали, что семь из девяти школ с чувашским этнокультурным компонентом Аксубаевского района сохранили в учебном плане татарский язык в той или иной степени.

В некоторых образовательных учреждениях татарский язык остался в обязательной части учебного плана. Например, в гимназии-интернете №34 города Нижнекамска татарский язык изучается час в неделю в 1–11 классах. Чувашский язык и литература преподаются по 2–3 часа в неделю в зависимости от класса. Особенностью школы является то, что в ней учатся чуваши, дети от смешанных браков и дети-татары. Продолжают изучать татарский язык ученики Чувашо-Чебоксарской основной школы Новошешминского района.

Дети из этнокультурных школ продолжают участвовать в олимпиадах по татарскому языку. В Ципьинской школе дети-удмурты и марийцы 6–7 и 10–11 классов участвовали в олимпиаде, несмотря на то, что они не изучают этот язык лишь с ноября 2017 г. (Без перевода 2014). Это наблюдается и среди детей-чувашей Савгачевской, Староильдерьякской и Старокиреметской школ.

Во втором десятилетии 2000-х гг. татарский язык в школах с этнокультурным (марийским, мордовским, удмуртским, чувашским) ком-

[1] Вариативная часть учебного плана или часть, формируемая участниками образовательных отношений, – это часы плана, выделяемые школой по решению учителей, родителей и детей. Дополнительные часы, как правило, выделяются для более углубленного изучения того или иного предета. По нашим наблюдениям, чаще всего школы выделяют часы на математику (алгебру, геометрию), русский язык и второй иностранный.

понентов преподавался в меньшем объеме, чем русский, марийский, мордовский, удмуртский, чувашский языки. В то же время дети из этнокультурных школ лучше владели татарским языком, чем их русские сверстники. Отмена требования об обязательности изучения татарского языка не помешала указанным образовательным учреждениям продолжить преподавание татарского языка, но оно стало осуществляться в усеченном объеме. Сокращение часов коснулось не только татарского языка, но и марийского, мордовского, удмуртского, чувашского языков. Ситуацию усиливает отказ некоторых родителей от изучения родных языков детьми, т.к. родителям была предоставлена возможность определять язык обучения ребенка.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Материалы к заседанию совета при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. Мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан 14 декабря 2018 г.

Без перевода: день родного языка 23.02.2014. http://kazan-news.net /other/2014/02/23/7568.html (дата обращения 17.01.2022).

Село Ципья, где дружен люд 17.03.2020. http://rt-online.ru/selo-tsipya-gde-druzhen-lyud/ (дата обращения 17.01.2022).

Сведения об авторе: Хуснутдинов Талгат Рустэмович – магистрант первого года обучения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119192, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация); talgat_khus@mail.ru

Поступила 19.01.2022 *Принята к публикации 17.05.2022*

TATAR LANGUAGE IN SCHOOLS WITH AN ETHNOCULTURAL (MARI, MORDOVIAN, UDMURT, CHUVASH) COMPONENT IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

T.R. Khusnutdinov
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
talgat_khus@mail.ru

The purpose of the article is to show the dynamics of studying the Tatar, Russian, Mari, Mordovian, Udmurt, Chuvash languages at the Republic of Tatarstan schools with an ethnocultural component in the second decade of the 2000s.

The author concludes that at schools with an ethnocultural (Mari, Mordovian, Udmurt, Chuvash) component, the Tatar language at the beginning of the first decade of the 2000s was taught in a much smaller volume than in Russian and Tatar schools of the Republic of Tatarstan. However, children studying at such educational institutions had a better knowledge of the Tatar language than their Russian peers. The abolition of the obligation to study the Tatar language in 2017 did not prevent schools with an ethno-cultural component from continuing to teach the Tatar language, but it began to be carried out in a truncated volume. The reduction of hours affected not only the Tatar language, but also the Mari, Mordovian, Udmurt, Chuvash languages. Situations occur when some parents refuse to study their native language.

Keywords: Tatar language, language policy, native language, Republic of Tatarstan, national education.

For citation: Khusnutdinov T.R. Tatarskiy yazyk v shkolakh s etnokul'turnym (mariyskim, mordovskim, udmurtskim, chuvashskim) komponentom v Respublike Tatarstan [Tatar language in schools with an ethnocultural (Mari, Mordovian, Udmurt, Chuvash) component in the Republic of Tatarstan]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 329–334. https://doi.org /10.22378/he.2022-7-2.329-334 (In Russian)

About the author: Talgat R. Khusnutdinov, Master's degree student, Lomonosov Moscow State University (27, building 4, Lomonosovsky Ave., Moscow 119192, Russian Federation); talgat_khus@mail.ru

Received January 19, 2022 *Accepted for publication May 17, 2022*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

УДК 316.7(470+571)

НОВЫЕ РУБЕЖИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Г.Ф. Габдрахманова

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru

Г.И. Макарова

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru

В статье освещаются результаты работы V Всероссийской научно-практической конференции «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации», состоявшейся 28–29 апреля 2022 г. в Казани. Раскрыты основные тематические направления форума – идентичность (общероссийская, региональная, локальная, этническая), ее влияние на социально-психологические установки россиян и на межэтнические отношения; языковая политика и языковые процессы в российских регионах; миграция; теория и практика постсекулярного общества. Показано обращение участников конференции к более широкому кругу тем с учетом стоящих перед современным российским обществом задач. В числе них − последствия Covid-19, нематериальные ресурсы развития России и ее субъектов в условиях формирования нового миропорядка.

Ключевые слова: идентичность, межэтнические отношения, языковые процессы, миграция, ресурсы развития, Россия, регионы.

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. Новые рубежи исследований этносоциальных процессов в российских регионах // Историческая этнология. 2022. Т. 7, №. 2. С. 335–342. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.335-342

Стремительно меняющаяся реальность требует своевременного реагирования на происходящие в стране и мире трансформации, диктуя научному сообществу поиск новых подходов к анализу ситуаций и контекстов. Проходившая впервые без участия Леокадии Михайловны Дробижевой Всероссийская научно-практическая конференция «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (28–29 апреля 2022 г., г. Казань)[1], приуроченная к годовщине ее кончины, продолжила традиции Ученого, не боявшегося браться за острые и актуальные проблемы современности, открытого к новым знаниям и направлениям исследований (Л.В. Сагитова, ИИ АН РТ; Ю.В. Попков, ИФПР СО РАН), готового прислушаться к альтернативной точке зрения (Э.А. Паин, ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ).

Сквозными темами научного форума выступили сущность общероссийской, региональной, локальной и этнической идентичностей, язык и языковая политика, религиозные процессы, межэтнические отношения и роль научного, экспертного сообществ в их регулировании, в рассмотрении которых были открыты не свойственные им ранее ракурсы и подходы. В то же время ответом на актуальные вызовы российскому обществу стала рефлексия о социальных ресурсах его развития, будущем России и путях научного осмысления новой социальности. Широта проблематики определила междисциплинарность конференции, в которой приняли участие социологи, социальные психологи и антропологи, философы, политологи, религиоведы.

Проблемный характер обсуждения общероссийской идентичности задал Э.А. Паин, подчеркнувший ее нетождественность гражданской идентичности – связанной с ответственностью и реальными действиями. Он усомнился в наличии ее прямой зависимости от высоких значений консолидации общества, которая больше коррелирует, на взгляд ученого, с гражданской культурой и степенью интерактивности, взаимодействия граждан. Вопрос о содержательном наполнении концепта

[1] На пленарном заседании прозвучали приветствия Начальника управления по реализации национальной политики департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики Д.М. Мустафина, от Министерства образования и науки РТ – Д.Н. Мотыгуллина, от ФНИСЦ РАН – Э.А. Паина, от Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, на базе которого проводилась конференция, – Директора Института Р.Р. Салихова. См. программу: http://вики.татароведрф /data/pdf/progr_pozitiv2022.pdf (дата обращения 18.08.2022) и электронный сборник материалов конференции: http://www.tataroved.ru/publicat/books/pozitiv_opit2022.pdf (дата обращения 18.08.2022).

подняла М.М. Мчедлова (ФНИСЦ РАН), связав сложности в трактовке общероссийской идентичности с «дихотомией двух методологических и идейно-дискурсивных подходов» – цивилизационного (связанного с культурой, традицией) и конструктивистского.

Анализируя проявления этнической идентичности на примере различных регионов, участники конференции отметили справедливость положения Л.М. Дробижевой о возможности ее непротиворечивого совмещения с общероссийской (З.В. Анайбан, ИВ РАН; К.О. Сиразетдинов и Р.Р. Фаттахова, ИЭИ УФИЦ РАН; Г.С. Зеленеева, МарНИИЯЛИ), о влиянии на это соотношение совокупности многих, в том числе исторических (Е.А. Коджа, НИУ ВШЭ) и экономических (Д.А. Камалетдинов, ИЭИ УФИЦ РАН) факторов.

Исследователи рассуждали о реальности позитивного воздействия этнической идентичности на психологическое благополучие социальных субъектов (В.Н. Галяпина и В.Н. Муха, НИУ ВШЭ), обращались к рассмотрению роли интернет-сообществ в их воспроизведении (Н.В. Ткачук, ОУИПИиР). Вместе с тем определилась дискуссия о значимости сохранения строгости терминологического аппарата (Э.А. Паин) в связи с тенденцией обозначения данным термином явлений, относящихся к идентификации с территорией (М.А. Жигунова, ИАЭ СО РАН).

Рефренной выступила тема языков народов России и государственной языковой политики (Л.В. Намруева, КалмНЦ РАН). Докладчики проблематизировали вопросы языковой ассимиляции в регионах и связанной с этим смены родного языка на русский, в том числе среди представителей народов, давших название национальным субъектам РФ (Р.Р. Галлямов, Уфимский филиал ФУ при Правительстве РФ; Ф.Г. Сафин и Э.Ф. Идрисова, ИЭИ УФИЦ РАН; А.И. Халиуллина, ИЭИ УФИЦ РАН), несоответствия официального статуса и реального функционирования языков республик (Л.Р. Низамова, КФУ), влияния (рассмотренного на примере Саха (Якутии) обозначенных процессов на этническую идентификацию и межэтническое взаимодействие (Н.И. Иванова, СВФУ). Проблематика русского языка раскрывалась в аспекте российской идентичности, экспертных трактовок его роли в социокультурном пространстве страны (Е.М. Арутюнова, ФНИСЦ РАН), обучения ему детей мигрантов в школах РФ (в частности, в сравнении с преподаванием итальянского языка иноэтничным учащимся в школах Италии) (Н.А. Рябиченко, НИУ ВШЭ и Л. Бомбиери, Министерство образования Италии).

Особое внимание уделялось вопросам обеспечения межэтнического мира и согласия в российском обществе. Ю. Шишватова (Краевой

центр гражданских инициатив) представила данные исследований в Хабаровском крае, Н.Г. Хайруллина (ТИУ) – Тюменской области, О.В. Орлова (МарНИИЯЛИ) − Марий Эл, Е.Ю. Щеголькова (ФНИСЦ РАН) − Саха (Якутии), Н.П. Лысикова (СНИГУ) – Саратовской области. Докладчики подчеркнули стабильность межэтнической ситуации в регионах, указав на наличие отдельных точек напряжения, связанных с иноэтничными мигрантами, бытовыми проявлениями этнической неприязни, нерешенностью социально-экономических проблем. Обсуждались концепты определения конфликтогенности межэтнического взаимодействия (З.А. Махмутов, ИППСП), роль научного сообщества в обеспечении благоприятной коммуникации представителей разных этнических групп (Е.А. Ерохина, ИФиП СО РАН), вопросы эффективности управленческих решений и реального влияния социологических данных на межэтнические процессы (Е.П. Антонов, ИГИиПМНС СО РАН), сложности измерения этого влияния. Все они связались с национальной политикой (С.А. Мадюкова, ИФПР СО РАН), в которой, по мнению участников форума, важно учитывать специфику регионов (Ю.В. Попков), выстраивать диалог с лидерами общественного мнения их столиц (О.А. Богатова, НИМГУ) и муниципальных образований (С.Ю. Рычков, КИУ и Н.В. Рычкова, КНИТУ).

Отдельным направлением обсуждения проблематики межэтнических отношений стала специфика их изучения этнопсихологическими методами. Оно было открыто пленарным докладом Н.М. Лебедевой (НИУ ВШЭ), в котором автор представил 30-летний опыт изучения межкультурных отношений в постсоветских государствах. Сотрудники возглавляемого ею Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ обратили внимание на значение контекстуальных (цивилизационных, политических, социальных, личностных) характеристик формирования и трансформации идентичностей населения бывших союзных республик в этническом и поколенческом (среди родившихся в советское и постсоветское время) разрезах (А.Н. Татарко и Г.Я. Родионов; З.Х. Лепшокова, М.А. Бульцева и Е.В. Бушина; Н.М. Лебедева и А.Д. Васильева; А.В. Трифонова).

Обсуждение религиозных процессов выстроилось вокруг переосмысления теории и практик постсекулярного общества. Д.М. Гараев (ИППиСП) обозначил пластичность, гибридность поведения мусульман Татарстана, И.А. Мухаметзарипов (ЦИИ АН РТ) раскрыл значение казыята – судебно-административного органа муфтията республики – в разрешении семейно-брачных, имущественных, предпринимательских споров, а О.В. Доржигушаева (СВГУТиУ) рассмотрела экологический

эффект шаманизма и буддизма, показав противоречия во взаимных оценках. Исследователи подчеркнули неоднозначность, многовекторность современной религиозности россиян.

Таким образом, в юбилейной (пятой по счету) конференции наметилось расширение ракурсов рассмотрения традиционной для отечественной этносоциологии проблематики. Главной же особенностью мероприятия стало обращение к более широкому кругу тем с учетом стоящих перед российским обществом задач. В числе них − последствия Covid-19. Они анализировались в аспекте влияния пандемии на социальный капитал, проявившегося, в том числе, в ослаблении социальных связей на уровне соседских и локальных сообществ (А.Н. Татарко, НИУ ВШЭ), в активизации дезурбанизационных процессов и создании инновационных параметров сельского образа жизни (А.Г. Селезнев и И.А. Селезнева, Сибирский филиал ИКиПН), в изменении транснациональных практик среди оставшихся в России иностранных граждан (А.А. Эндрюшко, ФНИСЦ РАН).

Вторая тема – поиск подходов к изучению нематериальных ресурсов развития России и регионов в условиях формирования нового миропорядка. Возможности картографирования этнополитических конфликтов – в контексте задачи укрепления мира в российском государстве и на его границах – раскрыла в пленарном докладе И.С. Семененко (ИМЭМО РАН). Ее воспоминание о постоянном стремлении Л.М. Дробижевой к осмыслению позитивных практик их урегулирования, как и построения взвешенной этносоциальной политики в целом, прошло красной нитью в докладах других участников конференции, рассуждавших о потенциале разных сегментов социальности в Российской Федерации.

В обозначенном ключе – не только выявления проблем, но и обобщения положительного опыта их решения – был рассмотрен человеческий капитал. Так исследователи из Калмыкии (Л.В. Намруева) и Орловской области (Н.В. Якушина, ОГУ) обратили внимание на вымывание трудоспособного населения из регионов в связи с его выездом в экономически успешные районы и столичные города. В то же время создание рабочих мест, привлечение мигрантов из сопредельных территорий в приграничные регионы РФ (Д.А. Омельченко и С.Г. Максимова, АГУ), развитие этнокультурного туризма (А.А. Эндрюшко) могут, по мнению исследователей, стать драйверами обновления «неблагополучных» субъектов РФ. В качестве примера получения экономических дивидендов от использования этнокультурной специфики территории рассматривались процессы, происходящие в Татарстане, в стра-

тегиях социально-экономического развития которого она трактуется как дополнительный ресурс для привлечения в республику инвестиций (Г.Ф. Габдрахманова и О.В. Лаукарт-Горбачева, ИИ АН РТ). Сфера культуры в современных условиях обретает востребованность и в связи с важностью укрепления в современном патриотизме россиян гуманистических основ (А.А. Пустарнакова и Т.А. Батищева, СНИУ).

Логичным продолжением указанной темы стал Круглый стол. Обсужденные на нем доклады выстраивались вокруг оценки возможностей регионов РФ и местных сообществ в развитии городских и сельских территорий (Е.В. Морозова, КубГУ; Г.И. Макарова ИИ АН РТ). Они также касались дискурсивных (М.В. Назукина, ПФИЦ УРО РАН) и социальных практик конструирования региональных и локальных идентичностей.

Важной оказалась озвученная в ходе конференции критическая рефлексия по поводу исследовательского поля. В докладе А.Р. Гарифзяновой (КФУ), посвященном трудностям рекрутинга женщин-мусульманок и этическим дилеммам коммуникации с ними, проблематизировалось влияние на ход исследования существующих стереотипов, религиозной и этнической «принадлежности» ученого, его одежды во время интервью, использования родного языка информанта и т.д. Активную дискуссию вызвал вопрос А.Г. Селезнева о конструировании социальных проблем научным дискурсом и навязывании им ярлыков (к примеру, касающихся индексов человеческого развития российских регионов).

Научное собрание раскрыло спектр проблем этносоциального развития российских регионов, требующие адекватных инновационных подходов и инструментов их изучения в широком контексте. Оно наметило пути более оперативного реагирования исследовательского сообщества на новую социальную реальность. Особенное значение в такой деятельности приобретут практические выводы научно-аналитической работы в связи с необходимостью перестройки российского социума и формирования в обозримом будущем идейных оснований жизненных смыслов россиян, помогающих им пережить последствия глобальных социальных потрясений. Пример искреннего служения своему делу и Отечеству продолжает подавать нам личный и творческий путь Леокадии Михайловны Дробижевой.

Сведения об авторах: Габдрахманова Гульнара Фаатовна – доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); medi54375@mail.ru

Макарова Гузель Ильясовна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); makarova_guzel@mail.ru

Поступила 19.08.2022 *Принята к публикации 13.09.2022*

NEW FRONTIERS OF RESEARCH OF ETHNO-SOCIAL PROCESSES IN THE RUSSIAN REGIONS

G.F. Gabdrakhmanova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru

G.I. Makarova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
makarova_guzel@mail.ru

The article highlights the results of the work of the 5th All-Russian scientific and practical conference "Positive experience in the regulation of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation", held on April 28–29, 2022 in Kazan. The main thematic areas of the forum focus on identities (all-Russian, regional, local, ethnic), their influence on the socio-psychological attitudes of the Russians and on interethnic relations; language policy and language processes in Russian regions; migration; theory and practice of post-secular society. The appeal of the conference participants to a wider range of topics is pointed out, taking into account the tasks facing the modern Russian society. They include the consequences of Covid-19 and intangible resources for the development of Russia and its subjects in the context of the formation of the new world order.

Keywords: identity, interethnic relations, language processes, migration, development resources, Russia, regions.

For citation: Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I. Novye rubezhi issledovaniy etnosotsial'nykh protsessov v rossiyskikh regionakh [New frontiers of research of ethno-social processes in the Russian regions]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 335–342. https://doi.org/10.22378/he.2022-7-2.335-342 (In Russian)

About the authors: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); medi54375@mail.ru

Guzel I. Makarova, Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Chief Research Fellow of the Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); makarova_guzel@mail.ru

Received August 19, 2022 Accepted for publication September 13, 2022

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2020–2024 годы)»

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020–2024)”

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

https://historicalethnology.org

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2022. Том 7, № 2
HISTORICAL ETHNOLOGY, 2022, vol. 7, no. 2

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 17.10.2022 г. Дата выхода в свет 25.12.2022 г.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$ Усл. печ. л. 10,0 Тираж 100 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
E-mail: foliantkazan@mail.ru